

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

1

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

«Наука»

Москва

2015

Главный редактор:

Т. М. Николаева д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН и Гёттингенской академии наук, Институт славяноведения РАН

Ответственный секретарь:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

В. А. Виноградов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН
Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский технический университет, Испания
А. В. Бондарко д. ф. н., чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН
Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., Европейский университет в Санкт-Петербурге
М. Д. Воейкова д. ф. н., доцент, Институт лингвистических исследований РАН
Т. В. Гамкрелидзе д. ф. н., академик РАН; Тбилисский университет
В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН
В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН
А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Вяч. Вс. Иванов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт славяноведения РАН; Калифорнийский университет, США
Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН
М. М. Маковский д. ф. н., проф., Московский государственный лингвистический университет
А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
В. И. Подлесская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зав. отделами: А. С. Кулева, З. Ю. Петрова, М. В. Шкапа

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (On-line); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: (495) 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <http://www.ruslang.ru>,
см. раздел «Издания»

© Российская академия наук, 2015
© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2015

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNANIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues in a year

1

JANUARY — FEBRUARY

«Nauka»

Moscow

2015

Editor-in-chief:

Tatiana M. Nikolaeva Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Review editor and executive editor:

Vladimir A. Plungian Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editor:

Viktor A. Vinogradov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Vladimir M. Alpatov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

Yury D. Apresjan Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia

Igor M. Boguslavsky Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Technical University of Madrid, Spain

Aleksandr V. Bondarko Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Nikolai B. Vakhtin European University at St. Petersburg, Russia

Mariia D. Voeikova Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Tamaz V. Gamkrelidze University of Tbilisi, Georgia

Valery Z. Demyankov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

Vladimir A. Dybo Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vyacheslav Vs. Ivanov Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia; University of California (Los-Angeles), USA

Nikolai N. Kazansky Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Mark M. Makovsky Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Aleksandr M. Moldovan Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia

Vera I. Podlesskaya Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Ekaterina V. Rakhilina National Research University «Higher School of Economics»; Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia

Editorial staff:

Anna S. Kuleva, Zoya Yu. Petrova, Maria V. Shkapa

Managing editor:

Nataliia V. Gannus

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Russian Science Citation Index; Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: «Voprosy Jazykoznanija», editorial office, Vinogradov Institute of the Russian Language, Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 (495) 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <http://www.ruslang.ru>,
see «Издания»

СОДЕРЖАНИЕ

Е. В. Горбова (Санкт-Петербург). Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксация?.....	7
Н. В. Патронева (Петрозаводск). Синтаксис «Слова о полку Игореве» в сопоставлении с его поэтическими переложениями.....	39
Е. А. Власова (Санкт-Петербург). К вопросу о вытеснении простого претерита в средненижненемецком языке.....	79
А. А. Горбов (Санкт-Петербург). К вопросу о семантическом калькировании и «вторичном заимствовании» в русском языке рубежа XX—XXI веков.....	87
А. К. Лауринавичюте, О. В. Драгой, М. В. Иванова, С. В. Купцова (Москва), А. С. Уличева (Гонконг). Психологическая нереальность синтаксических следов.....	102

Из истории науки

О. В. Лукин (Ярославль). А. А. Шахматов, В. Ягич и «Archiv für slavische Philologie».....	111
А. Д. Дуличенко (Тарту). Между африканистикой и космоглогиткой: к концепции всемирного языка Николая Владимировича Юшманова.....	118

Критика и библиография

Рецензии

А. Ч. Пиперски (Москва). <i>I. Mel'čuk, J. Miličević. Introduction à la linguistique. Paris: Hermann, 2014</i>	133
Д. В. Сичинава (Москва). <i>J. N. Adams. Social variation and the Latin language. Cambridge: Cambridge University Press, 2013</i>	136
Т. А. Михайлова (Москва). <i>J. L. G. Alonso (ed.). Continental Celtic word formation. The onomastic data. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2014</i>	141

Научная жизнь

Е. Р. Добрушина (Москва). Обзор лингвистических проектов, поддерживаемых Российским гуманитарным научным фондом в 2014 году.....	149
М. Д. Васильева, Р. М. Власова, Ю. В. Николаева, Ю. Д. Потанина (Москва). VI Международная конференция по когнитивной науке.....	155

CONTENTS

Elena V. Gorbova (St. Petersburg). Aspectual formation of Russian verb: prefixation and/or suffixation?	7
Natal'ya V. Patroeva (Petrozavodsk). Syntax of 'The tale of Igor's campaign' compared with its poetic interpretations	39
Elisaveta A. Vlasova (St. Petersburg). On the decline of simple preterit in Middle Low German	79
Andrei A. Gorbov (St. Petersburg). On semantic calquing and 'secondary borrowing' in Russian at the turn of the 21 st century	87
Anna K. Laurinavichyute, Olga V. Dragoy, Maria V. Ivanova, Svetlana V. Kuptsova (Moscow), Anastasia S. Ulicheva (Hong Kong). Psychological insubstantiality of syntactic traces	102

Heritage

Oleg V. Lukin (Yaroslavl). A. A. Shakhmatov, V. Jagić, and «Archiv für slavische Philologie»	111
Aleksandr D. Dulichenko (Tartu). Between Africanistics and cosmoglottics: on the concept of universal language as conceived by Nikolai Vladimirovich Yushmanov	118

Bibliography. Reviews

Reviews

Alexander Piperski (Moscow). <i>I. Mel'čuk, J. Milićević</i> . Introduction à la linguistique. Paris: Hermann, 2014	133
Dmitri V. Sitchinava (Moscow). <i>J. N. Adams</i> . Social variation and the Latin language. Cambridge: Cambridge University Press, 2013	136
Tatyana A. Mikhailova (Moscow). <i>J. L. G. Alonso</i> (ed.). Continental Celtic word formation. The onomastic data. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2014	141

Academic life

Ekaterina R. Dobrushina (Moscow). An overview of projects in linguistics supported by Russian foundation for the humanities in 2014	149
Mariya D. Vasil'eva, Roza M. Vlasova, Yuliya V. Nikolaeva, Yuliya D. Potanina (Moscow). VI International conference on cognitive science	155

ВИДООБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ГЛАГОЛА: ПРЕФИКСАЦИЯ И/ИЛИ СУФФИКСАЦИЯ?*

© 2015 г. Е. В. Горбова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Россия
elena-gorbova@yandex.ru, e.gorbova@spbu.ru

В статье обсуждается значимость для теории русского вида некоторых новых для аспектологии положений: гипотезы о префиксах как глагольных классификаторах и теории множественной префиксации с встроенным в нее ограничением на третичную имперфективацию. На основе осмысления этих положений, а также корпусного диахронического исследования вторичной имперфективации и анализа аспектуально-семантических (акциональных) свойств первичных и вторичных имперфективов, предлагается альтернативный взгляд на устройство грамматической аспектуальной зоны в русском языке как одновременного существования двух механизмов: (слово)классифицирующей приставочной префиксации и словоизменительной суффиксальной (вторичной) имперфективации.

Ключевые слова: русский глагол, вид, (множественная) префиксация, суффиксация, перфективация, имперфективация, словоизменительная категория, словоклассифицирующая категория

ASPECTUAL FORMATION OF RUSSIAN VERB: PREFIXATION AND/OR SUFFIXATION?

Elena V. Gorbova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russia
elena-gorbova@yandex.ru, e.gorbova@spbu.ru

The article discusses the relevance of the verb classifier hypothesis and the multiple prefixation theory with the tertiary imperfectivization constraint for the theory of Russian aspect. An alternative view on the structure of the grammatical aspectual domain in Russian is offered on the basis of these assertions, as well as diachronic corpus research of secondary imperfectivization and a discussion of aspectual-semantic (actional) properties of primary and secondary imperfectives. The structure is viewed as composed of two parallel mechanisms: derivational prefixal perfectivization and inflectional suffixal (secondary) imperfectivization.

Keywords: Russian verb, aspect, (multiple) prefixation, suffixation, perfectivization, imperfectivization, inflectional category, derivational category

Введение

В последние годы славянская и русская аспектология, которые, впрочем, никогда не были спокойными областями лингвистики с полностью решенными проблемами и достигнутым консенсусом по основным теоретическим вопросам, переживают особый этап развития. По-видимому, в немалой степени он обусловлен необходимостью определить

---

* Работа поддержана грантом Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю. С. Маслова» НШ-1778.2014.6 и входит в Тематический план фундаментальных НИР СПбГУ «Петербургская лингвистическая традиция в свете современных направлений мировой лингвистики».

место славянского вида (в наилучшей степени репрезентируемого его русским вариантом) на фоне той картины, которую на сегодняшний день дает общая (то есть типологическая) аспектология, начало которой было положено в 1970-е гг. работами Б. Комри и Ю. С. Маслова [Comrie 1976; Маслов 1978; 1984; 2004]. Как известно, уже в [Dahl 1985] было введено понятие «вид славянского типа», подчеркивающее специфику этой категории как проявления «лексикализованной» грамматической категории. Такой характеристикой подчеркивался деривационный и, следовательно, словоклассифицирующий характер русского вида на фоне преобладающего в других языках словоизменения в рамках семантической аспектуальной зоны. Эта специфика была подчеркнута в предложенном В. А. Плуныном [Плунын 2000; 2011a; 2011b] терминологическом разграничении: параллельном использовании двух терминов — а с п е к т и в и д — при закреплении второго за славянской (русской) аспектуальной грамматической категорией. Немалую роль сыграло также довольно бурное развитие такого направления в аспектологии и грамматической семантике в целом (имеющего целый ряд наименований, назовем некоторые из них: семантические типы предикатов, лексический вид, ситуационные типы, таксономические категории, фундаментальная классификация предикатов, акциональные классы, акциональность), спецификой которого является изучение криптотипических (по Б. Уорфу [Уорф 1972]) явлений, тесно (со стороны семантики) связанных с аспектуальностью.

Вместе с тем буквально за последние пять лет аспектологическая литература обогатилась работами, которые ввели в научный оборот как новые ракурсы рассмотрения уже известных явлений, так и впервые предложенный анализ давно замеченных, но ранее удовлетворительным образом не описанных и не объясненных феноменов. Ко второй категории, как представляется, относится серия статей С. Г. Татевосова о множественной глагольной префиксации в русском языке, в которых предложен алгоритм функционирования механизма множественной (вплоть до четырех префиксов в глаголе) префиксации, а также, в тесной связи с префиксацией, определены ограничения на вторичную имперфективацию [Татевосов 2009; 2010; 2013; Пазельская, Татевосов 2008; Tatevosov 2011]¹.

К категории новых решений для представления хорошо известных языковых явлений, причем решений, базирующихся на новых методах исследования (с привлечением серьезного статистического аппарата и использованием немалых возможностей корпусной лингвистики на базе [НКРЯ]), следует в первую очередь отнести результаты работы исследовательской группы CLEAR² из Университета Тромсё (Норвегия) под руководством Лоры Янды [Janda, Lyashchevskaia 2011; Янда 2012; Endresen et al. 2012; Кузнецова, Янда 2013; Janda et al. 2013]. На основе ранее разработанной концепции видовых гнезд (или видовых

¹ Отметим, впрочем, что еще в работе С. Карцевского 1927 г. можно найти трехступенчатый алгоритм так называемой отглагольной деривации, где на 1-й ступени деривации — перфективации — к исходному глаголу (например, *толкать*) присоединяется либо префикс (*вы-толкать*), либо (семельфактивный) суффикс (*толк-ну-ть*), на 2-й ступени — имперфективации — к префиксированному результату деривации предшествующей ступени присоединяется суффикс (*выталк-ива-ть*), на 3-й ступени — вновь перфективации — присоединяется префикс (*по-выталкивать*) [Карцевский (1927) 1962: 220—222]. При этом автор указывает, что «развертывание результативного процесса во времени (на 2-й ступени. — *Е. Г.*) — операция грамматического характера» (грамматической, то есть словоизменительной, признается результат исключительно этой операции) и «вторичные совершенные глаголы образуются исключительно при помощи приставок *на-, по- и пере-*» [Там же: 220, 226]. Этот алгоритм, думается, может быть сочтен предшественником значительно более детально разработанного механизма «множественной префиксации», предложенного в упомянутых выше работах С. Г. Татевосова (на что у последнего автора указания отсутствуют). В частности, предложенный Карцевским список показателей вторичной перфективации отличается от списка внешних (супралексических) префиксов в [Татевосов 2013] лишь отсутствием одного префикса, инхоативного *за-*.

² Как указано в [Кузнецова, Янда 2013: 87], «CLEAR: Cognitive linguistics: Empirical approaches to Russian — научная исследовательская группа, в которую входят Л. Янда, Т. Нессер, Ю. Л. Кузнецова, О. Н. Ляшевская, А. Б. Макарова, С. В. Соколова, А. А. Эндресен».

кластеров), см. [Janda 2007; Janda, Korba 2008], а также [Янда 2012: 4—5], этим исследовательским коллективом был осуществлен целый ряд интересных изысканий: семантический анализ в рамках таких инструментов, как профили радиальных категорий³ шестнадцати глагольных префиксов и семантические профили тех непроемных глаголов, которые вошли в предварительно созданную исследователями базу данных «Exploring Emptiness» (см. <http://emptyprefixes.uit.no/>); корпусное исследование так называемой префиксальной вариативности и конкуренции между первичными (бесприставочными) и вторичными имперфективами⁴ в составе видовых троек; предложена трактовка русских глагольных приставок в качестве системы глагольных классификаторов (подобно хорошо известным в типологии системам именных классификаторов). Результаты этой работы подробно изложены в серии статей [Janda, Lyashevskaya 2011; Янда 2012; Endresen et al. 2012; Кузнецова, Янда 2013] и сведены воедино в книге [Janda et al. 2013]. Предложенные Л. Яндой трактовки не прошли незамеченными, вызвав дискуссию, развернувшуюся на страницах журнала «Вопросы языкознания» в 2012—2013 гг., см. [Янда 2012; Зализняк, Микаэлян 2012; Кузнецова, Янда 2013].

Цель настоящей статьи заключается в попытке комплексного осмысления идей и результатов исследований, изложенных в упомянутых выше публикациях, с привлечением материалов собственного диахронического исследования функционирования вторичной имперфективации в период с начала XVIII в. до наших дней. В результате предполагается получить обоснование взгляда на русский вид, несколько отличного от того, в соответствии с которым русский язык обладает специфически устроенной аспектуальной оппозицией — «видом славянского типа». Соответственно, в отдельных разделах статьи будут рассмотрены следующие вопросы: а) (единичной) глагольной префиксации и ее аспектуальной и акциональной роли — раздел 1; б) множественной глагольной префиксации в связи с суффиксальной имперфективацией, вторичной и третичной — раздел 2; в) вторичной имперфективации в диахронии (XVIII—XXI вв.) — раздел 3; г) семантического соотношения первичного и вторичного имперфектива (НСВ₁ и НСВ₂) в биимперфективной тройке — раздел 4; д) о месте префиксальной перфективации и суффиксальной имперфективации в русском видообразовании — раздел 5.

1. (Единичная) глагольная префиксация

Начнем с теории видовых гнезд, поскольку именно в ней во главу угла поставлена (единичная) глагольная префиксация. В первую очередь для изложения основных положений и результатов исследования коллектива Л. Янды будет использована обобщающая монография [Janda et al. 2013].

База языковых данных, являющаяся основой работы данного исследовательского коллектива, насчитывает 1981 приставочный глагол, относимый (в рамках разрабатываемой теории) к так называемым естественным перфективам.

Вкратце концепция видовых гнезд выглядит следующим образом (приводимое описание в основном повторяет таковое в [Горбова 2011]). Видовое гнездо (или кластер) конституируется исходным, мотивирующим дальнейшую деривацию, имперфективом (глаголом НСВ₁⁵) и четырьмя типами перфективов: **естественным** (natural perfective — NP),

³ Радиальные категории — понятие, близкое понятию семантического поля, ср. разъяснения автора: «Семантическая концепция радиальных категорий опирается на результаты Э. Рош <...>, которая показала, что человеческое мышление организует экземпляры понятий в радиальные категории, состоящие из центрального прототипа и менее центральных экземпляров, так или иначе связанных с прототипом» [Янда 2012: 13].

⁴ Далее будут использоваться обозначения НСВ₁ и НСВ₂, введенные в работе [Зализняк, Микаэлян 2010].

⁵ За исключением имперфективов-состояний, ср.: «Given the lack of integration between States and other situations, and the fact that States do not have a gram (or set of grams) associated with them in Russian, I will eliminate them and their dimension from consideration there» [Janda 2007: 614].

специализированным (specialized perfective — SP), **комплексным** (complex act perfective — CAP) и **одноактным** (single act perfective — SAP).

В [Janda, Korba 2008: 255] отмечается, что естественный перфектив является эквивалентом видового партнера для НСВ в рамках понятия видовой пары («This is the Perfective that is the natural culmination of a Imperfective Activity, equivalent to the Perfective “partner” in the pair model»); в [Janda et al. 2013: 5] утверждается, что «Natural Perfectives... share the lexical meaning of their simplex partners»; например, *сыграть* и *спеть* для *играть* и *петь*. Таким образом, мы видим, что на начальных стадиях разработки этой концепции предполагалось, что в видовом гнезде не может присутствовать более одного естественного перфектива. В настоящий момент вариативность естественных перфективов при одном исходном глаголе НСВ₁ является одним из специально изучаемых и имеющих особую теоретическую значимость (для аргументации в пользу гипотезы, в соответствии с которой глагольные префиксы суть маркеры системы глагольных классификаторов) положений, см. главу 5 «Prefix variation» в [Janda et al. 2013: 139—162]. Относительно специализированных перфективов, легко допускающих вторичную имперфективацию, с самого начала было установлено, что их может быть более одного, поскольку эти перфективы в ходе префиксальной деривации модифицируют (лексическую) семантику исходного имперфектива. Комплексных перфективов также имеется несколько, поскольку они призваны ограничивать исходный глагол НСВ₁ со значением деятельности (activity) слева (префиксом *за-*), справа (префиксом *от-*) или двусторонне (делимитативным *по-*, пердуративным *про-*). Вторичная имперфективация комплексных перфективов, как правило, не допускается. Наконец, одноактный перфектив представляет один из «актов» (квантов) деятельности, обозначенной исходным глаголом НСВ. Формантом является, как правило, суффикс *-ну-*, хотя возможно и приставочное выражение (например, *сходить*).

Не каждому исходному имперфективу свойственно видовое гнездо максимального объема — со всеми четырьмя типами перфективов. Для примера, однако, приведем гнездо именно максимального объема из [Janda, Korba 2008: 257], в данной работе обозначенного как четвертый основной тип (Key cluster 4):

исходный имперфектив (A — activity): *резать*;

естественный перфектив (NP): *нарéзать* (также: *срéзать*, *зарéзать*, *вырéзать*);

специализированный перфектив (SP): *врéзать* (НСВ — *врезать*), *обрéзать* (НСВ — *обрезать* / *обрезывать*), *перерéзать* (НСВ — *перерезать* / *перерезывать*), *разрéзать* (НСВ — *разрезать* / *разрезывать*);

комплексный перфектив (CAP): *порéзать*;

одноактный перфектив (SAP): *резнуть*.

Итак, база данных в рамках проекта «Exploring Emptiness» содержит 1 981 естественный перфектив, в образовании которых были использованы 16 префиксов (расположены в порядке убывания частотности): *по-*, *с-*, *за-*, *о(б)-*, *на-*, *про-*, *вы-*, *раз-*, *из-*, *у-*, *в(о)з-*, *от-*, *при-*, *пере-*, *под-*, *в-*, и 1 429 бесприставочных исходных имперфективов [Janda et al. 2013: 4—5]. Таким образом, 552 (39%) естественных перфектива оказываются избыточными, если исходить из того, что между естественным перфективом и тем исходным имперфективом, от которого он образован, имеется одно-однозначное соответствие. Как показано в [Janda et al. 2013: 141], 1 043 пары типа исходный имперфектив — естественный перфектив (практически эквивалентные традиционному понятию префиксальной видовой пары) не нарушают идеал одно-однозначного соответствия, однако 386 (27%) исходных бесприставочных имперфективов такого соотношения с производным перфективом не дают: они однозначно не предсказывают «свой» перфектив, демонстрируя, напротив, феномен *п р е ф и к с а л ь н о й* *в а р и а т и в н о с т и*. Последнее понятие трактуется как способность исходного имперфектива к использованию более одного префикса для образования естественного перфектива [Ibid.: 139]. Далее в [Ibid.: 141] отмечается, что явление префиксальной вариативности не является исключительным, хотя и широко распространенным оно сочтено быть не может.

Корпусное исследование показало, что 283 исходных имперфектива используют два префикса для образования естественных перфективов, 75 — три префикса, 21 — четыре префикса, 4 — пять префиксов и 3 — шесть префиксов (пример последнего случая: *мазать* — *вымазать*, *замазать*, *измазать*, *намазать*, *помазать*, *промазать*)⁶.

Как уже было упомянуто, явление префиксальной вариативности служит в [Janda et al. 2013] еще одним аргументом в пользу авторской гипотезы, получившей название «гипотеза наложения» (*overlap hypothesis*) и основанной на известном в аспектологической литературе эффекте Вея — Схоневельда⁷. Структурообразующим положением всей книги [Janda et al. 2013] является последовательное тестирование двух гипотез: уже упомянутой гипотезы наложения и гипотезы пустых приставок (*Empty Prefix Hypothesis*). Относительно каждого рассматриваемого явления формулируются логические следствия из обеих гипотез, далее проводится обсуждение избранного явления, после чего его итоги формулируются в терминах подтверждения/опровержения логического следствия из той и другой гипотезы. При обсуждении префиксальной вариативности (как, впрочем, и во всех остальных случаях) подтверждение получает гипотеза наложения, поскольку языковые данные получают объяснение путем логического следствия, выводимого именно из нее. Приведем следствия из обеих гипотез для обсуждаемого явления.

Следствие из гипотезы пустых приставок. Поскольку префиксы в составе естественных перфективов не обладают значением, отсутствуют основания для образования более чем одного естественного перфектива от любого исходного глагола. Префиксальная вариативность не должна иметь места вовсе либо она минимальна. В случае наличия префиксальной вариативности она носит случайный характер и не обнаруживает каких-либо семантических шаблонов.

Следствие из гипотезы наложения. Поскольку префиксы в составе естественных перфективов сохраняют свое значение, становится возможным присоединить к исходному глаголу более одного префикса. Префиксальная вариативность вероятна, поскольку различные префиксы демонстрируют различные виды наложения на значение исходного глагола. Различные виды наложения представляют собой взаимодействие с различными семантическими составляющими значения исходных основ, которые, как правило, имеют менее конкретную семантику по сравнению с производными от них естественными перфективами. Префиксальная вариативность носит систематический характер и протекает в соответствии с семантическими шаблонами [Janda et al. 2013: 140].

Проведенное исследование полученного из НКРЯ языкового материала и соответствующие количественные данные (см. таблицу 1 в [Ibid.: 142] и выдержки из нее выше) однозначно свидетельствуют в пользу гипотезы наложения.

В свою очередь, подтверждение гипотезы наложения, представляющей собой развитие идеи эффекта Вея — Схоневельда на новом этапе развития учения о русском виде, служит базой для формулирования другой гипотезы, «согласно которой русский язык является языком с глагольными классификаторами, а русские глагольные приставки, образующие естественные перфективы, представляют собой систему видовых классификаторов» [Янда 2012: 42] (интересно сравнить приведенную формулировку с более общей в [Janda et al. 2013: 179], где отсутствует уточнение относительно того, что речь идет о приставках, образующих естественные перфективы: «**Verb Classifier Hypothesis.** The prefixes sort the verbs according to the typical type of events expressed, similar to the way that numeral classifiers sort nouns according to the typical type of object referred to»).

Следует отметить, что гипотеза о наличии в русском языке системы глагольных классификаторов (каковыми являются глагольные префиксы), хотя и в менее эксплицитном

⁶ Данные из таблицы 1 в [Janda et al. 2013: 142].

⁷ Структурная модель Вея — Схоневельда [Vey 1952; van Schooneveld 1958; Кронгауз 1998: 80—82; Плуныян 2011а: 413] объясняет нулевой семантический эффект от присоединения префикса при перфективации исходного имперфектива не асемантической приставки, а совпадением ее значения со значением производящей основы, семантическим дублированием.

и аргументированном виде, была предложена чуть ранее Т. А. Майсаком, см. [Майсак 2005: 339—341], и упоминается В. А. Плунонгом в [Плунонган 2011а: 413—414; 2011б: 304—306; 2012: 22—24], о чем в монографии [Janda et al. 2013: 179] есть соответствующая оговорка (сноска 4). Отметим, однако, что в названных работах Майсака и Плунонга акцент сделан, скорее, на другом: на единой для всех обсуждаемых показателей функции, которая определяется как функция «ограничителя», или «трансформатив(атор)а», или «телисизатора» (показателя предельности модифицируемой единицы — исходного глагола), а также на неразрывно с ней связанную функцию «акциональной модификации смыслового глагола» [Майсак 2005: 339], получившую в аспектологической концепции В. А. Плунонга интерпретацию в качестве одной из граммем вторичного аспекта [Плунонган 2011а: 401—402]. Впрочем, здесь круг замыкается: акциональная модификация, семантическая суть которой сводится к введению предела для исходно неопределенных, но различающихся по лексической семантике глаголов (состояний и неопределенных процессов), вынужденно имеет не один оператор, а несколько, и эти операторы одновременно являются (глагольными) классификаторами. Классификаторы же всегда «работают» с различными лексемами. Поэтому признание префиксов классификаторами является еще одним аргументом в пользу словоклассифицирующего характера (и, в силу этого недостаточной грамматичности) «приставочного участка» русского видообразования. Напомним, что речь идет о тех префиксах, которые используются для перфективации исходных имперфективов и образования естественных перфективов (лексических, или внутренних, как мы увидим ниже). В этом смысле Дж. Форсайт был абсолютно прав, полагая, что «если отказаться от идеи чисто перфективирующих приставок (empty perfectivising prefixes), то “логическим результатом такого подхода... будет полный отказ от префиксальных [видовых] пар ([t]he logical conclusion of this approach... would be the total rejection of prefixal pairs)” [Forsyth 1970: 38—43]» [Кузнецова, Янда 2013: 91]. Вопрос, на который мы постараемся ответить ниже, сводится к другому: насколько необходимо понятие префиксальных видовых пар для трактовки русского вида? На данный момент очевидным видится одно: для сохранения специфики «славянского вида» понятие префиксальной пары, несомненно, необходимо, поскольку является тем краеугольным камнем, который лежит в основе этой специфики.

Попробуем взглянуть на префиксы, участвующие в глагольной деривации (на ее первом этапе, этапе первой перфективации, если использовать терминологию С. Карцевского из [Карцевский (1927) 1962]), со стороны так называемой теории префиксации, разрабатывающей вопросы как классификации глагольных префиксов, так и налагаемых на (множественную) префиксацию ограничений (см. изложение основных положений этой теории, а также соответствующую библиографию в [Татевосов 2009; 2013]).

Общепринятым положением теории префиксации применительно к славянским языкам является тезис о разделении префиксов на два класса: внутренние (или лексические) и внешние (супралексические).

Различие между ними можно объяснить в структурных терминах: первые представляют собой (синтаксические) вершины, которые вступают в деривацию внутри глагольной группы, а вторые — за ее пределами:

[XP ... внешний префикс [VP ... внутренний префикс ...]] [Татевосов 2013: 47].

В данный момент нас будут интересовать исключительно внутренние (лексические) префиксы, поскольку на первом этапе глагольной деривации к исходному глаголу присоединяются именно они; к внешним префиксам с их внутренней классификацией и свойствами мы обратимся в следующем разделе. К классу лексических относятся «все “чистовидовые префиксы”, все “пространственные префиксы”: *в(о)-, вз(о)-, воз(о)-, вы-, над(о)-, низ(о)-, о-, об(о)-, пред(о)-, с(о)1-, со2-, у-* и т. д.» [Татевосов 2013: 49]. Очевидно, что исчерпывающего списка этих показателей на этом этапе мы не получили.

Интересен вопрос: как соотносятся внутренние (лексические) и внешние (супралексические) префиксы русского языка и префиксы, характеризующие те классы русских перфек-

тивов, которые выделены в рамках теории видовых гнезд? Первое, что можно утверждать наверняка: к лексическим префиксам относятся все те 16 единиц, которые участвуют в образовании класса естественных перфективов (и, соответственно, представляют собой главный объект исследования в работе [Janda et al. 2013]). Это утверждение вытекает из отнесения к лексическим префиксам в приведенном положении Татевосова «всех “чистовидовых префиксов”» (см. выше), с одной стороны, а с другой, из признания автором теории видовых гнезд эквивалентности естественного перфектива и видового партнера для имперфектива в рамках приставочной пары при традиционном подходе к видовой парности. Таким образом, все 16 префиксов естественных перфективов входят в класс лексических.

Далее, отталкиваясь от того же определения лексических префиксов, данного С. Г. Татевосовым, в котором, кроме «чистовидовых», названы «пространственные» префиксы, мы имеем право предположить, что префиксы специализированных перфективов, изменяющих лексическое значение исходных глаголов, также являются лексическими, или внутренними. О правильности этого предположения свидетельствует сноска 7 в [Janda et al. 2013: 4], где авторы указывают на то, что граница между специализированными и комплексными перфективами соответствует границе между внутренними и внешними, или лексическими и супралексическими префиксами. (Одноактный перфектив, образуемый в первую очередь семельфактивным суффиксом *-ну-* (*-ану-*), по причине использования суффиксального форманта в рассматриваемый круг не входит.)

Исчерпывающий список лексических (внутренних) префиксов, таким образом, может быть получен путем сведения в единый перечень префиксов естественных и специализированных перфективов. Но перечня префиксов специализированных перфективов в базе данных «Exploring Emptiness» (в соответствии с основной направленностью исследовательского проекта на изучение естественных перфективов) нет.

Однако мы можем воспользоваться данными нашего исследования, посвященного изучению на базе НКРЯ диахронии вторичной имперфективации (в запрос было введено требование наличия префикса, подробнее см. в разделе 3 ниже). Поскольку вторичный имперфектив обязательно образуется от префигированного (причем с помощью именно внутреннего префикса) перфектива, полученный в данном исследовании набор (одиночных в составе глагола) префиксов является набором именно внутренних (лексических) префиксов. Наш перечень насчитывает 22 или 21 (при раздельном или совместном рассмотрении *o(o)-* и *ob(o)-* соответственно) единицы: *в-*, *в(o)з/вос-*, *вы-*, *до-*, *за-*, *из-/ис-*, *на-*, *над-*, *недо-*, *o(o)-*, *об(o)-*, *от-*, *пере-*, *по-*, *под-*, *пре-*, *пред-*, *при-*, *про-*, *раз(o)-/рас-*, *с(o)-*, *у-*. Этот список отличается от списка префиксов, характерных для естественных перфективов, наличием в нем следующих пяти единиц: *до-*, *над-*, *недо-*, *пре-*, *пред-*.

Итак, резюмируем сказанное в данном разделе. На первом этапе глагольной деривации к исходному глаголу (в подавляющем большинстве случаев, обнаруживающем формальную имперфективность⁸) присоединяется лексический, или внутренний, префикс. Эта операция с аспектуальной точки зрения является перфективацией (результат — перфектив, в терминах теории видовых гнезд — естественный или специализированный перфектив). С точки зрения акциональности при этом происходит введение в ранее неопределенный глагол⁹ соотношенности с пределом (то есть телесизация) и, таким образом, лексический префикс неизбежно оказывается перфективатором-ограничителем. Этот эффект дает основание считать внутренние префиксы показателями одной из граммем вторичного аспекта (в рамках

⁸ В понимании С. Г. Татевосова: «Формально имперфективными являются такие и только такие основы, которые, если выступают без дополнительных деривационных показателей, в лично-числовых формах имеют временную референцию к настоящему» [Татевосов 2009: 119].

⁹ Это некое огрубление реальной картины. В действительности среди исходных первичных имперфективов есть и лексикографически предельные (в смысле — соотношенные с пределом), такие как *таять*, *меркнуть* и т. п. В таких случаях вводимый префикс конкретизирует и подчеркивает предел, при этом не теряя перфективирующего воздействия. Подробнее об акциональности исходных имперфективов см. в разделе 4.

аспектологической концепции В. А. Плунгяна). В то же время, поскольку количество лексических префиксов в русском языке составляет два десятка, а также вследствие наличия серьезной аргументации в пользу гипотезы наложения (эффекта Вея — Схоневельда), данный класс префиксов может трактоваться и в качестве системы глагольных классификаторов.

Имеет смысл упомянуть еще одно свойство этих префиксов, отмеченное уже в 1927 г. С. Карцевским: изменение синтаксической характеристики исходного глагола путем введения валентности на прямое дополнение: «Присоединяясь к простому глаголу, приставка изменяет как его лексическое значение, так и его переходность и вид»¹⁰ [Карцевский (1927) 1962: 222]. В [Татевосов 2009: 105—109] данное свойство лексических префиксов, отличающее их от супралексических, анализируется как особое воздействие на актантную структуру исходного беспрефиксного глагола: «Присоединение внутренних префиксов может, во-первых, создавать новые, ранее отсутствовавшие актанты, а во-вторых, сохраняя количество актантов, менять их ролевые свойства». Явление первого типа иллюстрируется автором на примере агентивных неопределенных глаголов (деятельностей по Вендлеру, [Vendler 1967]) *работать* или *бежать*: «**работать большую сумму денег — за-работать большую сумму денег*, **бежать дом — о-бежать дом*» [Татевосов 2009: 105]. Явления второго типа показаны на ряде примеров, из которых процитируем один (номера примеров изменены, в [Татевосов 2009] обозначениям (1), (2) и (3) соответствуют (22), (23) и (24)):

- (1) Непроизводная основа *пили-*
  - a. Это заметно было и по поведению немцев, которые шумно бегали по лесу, **пилили деревья**, рубили ветки на топливо, раскидывали палатки [Э. Г. Казакевич. Звезда (1946)].
  - b. И для этого он по доброй воле и безо всякого вознаграждения каждое утро выходил колоть и **пилить дрова** для тюремной кухни [А. Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 26—51 (1968)].
  - c. ?...срисовав нож нужного размера и формы, я **пилила его** лобзиком из трехслойной фанеры... (ср. (3с)).
- (2) Префигурованная основа *с-пили-*
  - a. Возможно, мы должны даже испытывать благодарность к капризу природы, который... как опытный садовник, срезал все большие ветки, **спилил** давно отжившие свой срок **деревья** [Е. Налимова. Город умирающих деревьев (2003) // «Богатей» (Саратов), 30.10.2003].
  - b. *...**спилить дрова** для тюремной кухни... (ср. (1b)).
  - c. #...я **спилила нож** лобзиком из трехслойной фанеры... (ср. (3с)).
- (3) Префигурованная основа *вы-пили-*
  - a. *...каприз природы **выпиллил** давно отжившие свой срок **деревья**... (ср. (1a)).
  - b. *...**выпилить дрова** для тюремной кухни... (ср. (1b)).
  - c. — В библиотеке я взяла книжку про домоводство, срисовала нож нужного размера и формы и **выпилила его** лобзиком из трехслойной фанеры [Ю. Буйда. Город палачей // «Знамя» (2003)].

Думается, что в своей совокупности рассмотренные свойства лексических префиксов (среди которых модификация акциональности, классифицирующий характер, некомпозициональность значения, нестабильность актантной структуры) недвусмысленно свидетельствуют в пользу их трактовки как деривационных показателей, участвующих в процессе создания новых лексических единиц. Другими словами, в этих показателях заключена вся специфика вида «славянского типа», поскольку именно ими обеспечивается ее словоклассифицирующий характер, уподобляющий категорию глагольного вида категории субстантивного рода.

¹⁰ Поэтому совершенно закономерным является обязательная двухместность (переходность) образованного от перфектива и содержащего в своем составе лексический префикс (вторичного) имперфектива. В этой связи отметим показательность полученного С. Г. Татевосовым результата проверки (по НКРЯ) вторичных имперфективов на заполненность второй валентности: «Частотность вторичных имперфективов без прямого дополнения постоянна — 0%; по-видимому, такие употребления следует признать невозможными» [Татевосов 2010: 316].

2. Суффиксальная имперфективация: регулярность вторичной и запрет на третичную имперфективацию

Суффиксальная имперфективация будет рассмотрена со стороны занимаемого ею в русской (от)глагольной деривации места, причем с опорой на две концепции, которые позволяют полностью обозреть такую: Сергея Карцевского и Сергея Татевосова.

В [Карцевский (1927) 1962: 220—222] суффиксальная имперфективация появляется на 2-й ступени (от)глагольной деривации как присоединение имперфективирующего (вторичного в терминологии Карцевского) суффикса к префигированному на 1-й ступени деривации глаголу, ставшему в результате присоединения префикса формой совершенного вида: *выталак-ива-ть* (несов.) из *вы-толкать* (сов.) (см. выше сноску 1). Именно этот механизм и был назван в русской аспектологии вторичной имперфективацией.

Карцевский настаивал на том, что «вторичные несовершенные глаголы во всех отношениях тождественны совершенным глаголам, от которых они образованы», поскольку «они сохраняют как лексическое значение, так и значение переходности, свойственное их производящим» [Карцевский (1927) 1962: 227]. Производящий префигированный перфектив и производный от него (вторичный) имперфектив Карцевский считал видовой парой, причем той единственной видовой парой, которая репрезентирует грамматическую видовую оппозицию с характерной для ее имперфективного члена семантикой «развертывания во времени предвзятого перфективированного процесса». Далее автор отмечает: «Эта оппозиция носит исключительно грамматический характер без какой-либо примеси семантического различия» [Там же]. То есть, говоря современным языком, в своей системе отглагольной деривации Карцевский считал данную ступень (и исключительно ее) словоизменением, отмечая теснейшую связь семантики вторичных имперфективов («процесс развертывания во времени уже перфективированного действия») с используемым суффиксом. Соответственно, логичным выглядит ожидание исследователя: «[т]еоретически от каждого приставочного совершенного глагола 1-й ступени может быть образована посредством вторичной суффиксации несовершенная параллель» [Карцевский (1927) 1962: 228]. Правда, в следующей же фразе Карцевский делает оговорку, констатируя отсутствие вторичного имперфектива у некоторых приставочных перфективов, возникших на 1-м этапе деривации, таких как «*сделать*, *сыграть*, *суметь*, *написать*, *посесть*, *поцеловать* и т. д.» [Там же].

Относительно границ распространения вторичной имперфективации в последние годы проведено немало исследований, отраженных в целом ряде публикаций, например, [Гловинская 2008; 2010; Зализняк и др. 2010; Зализняк, Микаэлян 2010; 2012; Ремчукова 2011; Janda et al. 2013; Горбова 2014]. Во всех этих публикациях речь идет о значительно более широких (чем это может быть выведено из оговорки Карцевского) границах вторичной имперфективации в современной русской речи. В частности, приводятся данные, свидетельствующие о спорадическом использовании вторичных имперфективов в том числе и от тех перфективов, которые Карцевский приводил как пример отсутствия у префигированных перфективов соотносительных с ними (также префигированных) имперфективов — например, *сделывать*, *написывать* [Janda et al. 2013: 167; Татевосов 2013: 55, сноска 8; Горбова 2014: 9]. Этот вопрос будет более детально рассмотрен в разделе 3. Здесь же приведем только один факт: по результатам проведенного исследовательским коллективом Л. Янды корпусного исследования от 37% (НКРЯ) до 77% (поисковая система Google) всех естественных перфективов из базы данных «Exploring Emptiness» (напомним, их 1981) образуют вторичные имперфективы [Янда 2012: 42; Janda et al. 2013: 170]. Таким образом, вторичная имперфективация от имеющих лексические префиксы перфективов может считаться не только теоретически возможным, но и в достаточной степени регулярным явлением.

В рамках алгоритма глагольной деривации С. Г. Татевосова имперфективация поверх лексического префикса (наряду с имперфективацией первичных основ обоих видов) названа ранней: «Договоримся называть ранней имперфективацией такую, которой подвергаются основы, не содержащие внешних префиксов <...>. Имперфективацию основ, в которые внедрился хотя бы один внешний префикс, будем называть поздней» [Татевосов 2013: 52]. Сложность заключается в том, что внешние префиксы в рамках концепции Татевосова делятся, как минимум, на два класса: позиционно-ограниченных (ПО-префиксов: комплетивный *до-*: *дописать*, репетитивный *пере-*: *перечитать (роман)*, аттенуативный *под-*: *подзабыть*) и селективно-ограниченных (СО-префиксов: делимитативный *по-*: *посидеть*, кумулятивный *на-*: *наловить (рыбы)*, дистрибутивный *пере-*: *переловить (всех преступников)*, инхоативный *за-*: *запеть*) [Там же: 48—49]. Кроме того, в последней версии концепции в классе внешних префиксов был выделен еще один подкласс, представленный всего лишь одним префиксом — дистрибутивным *по-*: *побросать*, который в [Татевосов 2009; 2013] назван левопериферийным.

Названные три класса внешних (супралексических) префиксов обнаруживают различные свойства по отношению и к взаимному комбинированию, и к суффиксальной имперфективации. По возможности кратко изложим основные свойства и ограничения данных классов префиксов, ориентируясь на работу [Татевосов 2013].

Левопериферийный дистрибутивный префикс *по-* занимает наиболее левую позицию и находится на максимальном удалении от корня (например, *понавывбрасывать*)¹¹.

Внешние селективно-ограниченные префиксы имеют следующее свойство: «Основа, с которой соединяется СО-префикс, является формально имперфективной» [Татевосов 2013: 49], то есть они присоединяются либо к непроизводной имперфективной основе:

(4)¹² Агафья [на-[вари]^{IPFV}PFV-ла картошки, принесла из погреба туесок сметаны и позвала мужиков к столу [Г. Марков. Строговы (1936—1948)],

либо к производной — поверх суффикса вторичной имперфективации:

(5) — Черт бы их побрал, [на-[откр]^{PFV}-ыва]^{IPFV}PFV-ли детских садов целый город, а мебели не дают [А. Макаренко. Педагогическая поэма (1934)].

В том, что требование присоединения СО-префикса к имперфективной основе верно, можно убедиться, изъяв, например, суффикс имперфективации, после чего форма становится неграмматичной, ср.:

(6) *— [На-[откры]^{PFV}PFV-ли детских садов целый город, а мебели не дают.

Позиционно-ограниченные префиксы подчинены другим ограничениям: в отличие от СО-префиксов они не обязательно присоединяются к формально-имперфективной основе, см. (7)

- (7) ПО-префиксы в комбинации с основами разных видов:
- [пере-[писа]^{IPFV}PFV-ть [пере-[на-[писа]^{IPFV}PFV]PFV-ть
  - [до-[чита]^{IPFV}PFV-ть [до-[про-[чита]^{IPFV}PFV]PFV-ть
  - [под-[тая]^{IPFV}PFV-ть [под-[рас-[тая]^{IPFV}PFV]PFV-ть,

¹¹ Именно левопериферийный префикс *по-* с дистрибутивным значением в первую очередь представляет 3-ю ступень отглагольной деривации С. Карцевского (см. сноску 1); во вторую — СО-префиксы (см. ниже). Однако в рамках алгоритма Карцевского имеется и 4-я ступень деривации, не встроенная, отметим, в общую схему, однако упоминание о ней имеется. Ср.: «Если бы мы хотели образовать 4-ю ступень, в нашем распоряжении оказался бы лишь один способ деривации, а именно приставки, так как запас суффиксов уже исчерпан. Однако, если мы даже нагромоздим друг на друга до трех приставок (*по-на-вы-думывать*), глагол, образованный таким путем, обнаруживая новый оттенок значения, останется совершенным, уподобляясь в отношении вида приставочным глаголам 1-й или 3-й ступени» [Карцевский (1927) 1962: 222].

¹² (4), (5) и (6) взяты из [Татевосов 2013: 50—51], где они обозначены как (30а), (31а) и (33а) соответственно.

«однако отличаются чувствительностью к положению в иерархической структуре основы <...> [в ней. — Е. Г.] ПО-префикс располагается не выше показателя вторичного имперфектива *-ыва-*» [Татевосов 2013: 52], предполагая следующую структуру:

- (8) [*-ыва-* [позиционно-ограниченный префикс [...]]^{PFV}]^{IPFV} 13.

Это положение проверяется путем анализа темпорального значения личных форм глаголов соответствующего состава: они оказываются презентными, что говорит о более позднем присоединении суффикса имперфективации по отношению к ПО-префиксу, ср. (9)¹⁴:

- (9) Сейчас занимаюсь тем, что [[*пере-*[*запис-*]^{PFV}]-*ыва*]^{IPFV}-ю начисто партии бас-гитары — обычно в начале я пишу «черновой» бас, а потом делаю настоящую партию с учетом всех [metalism.borda.ru].

Теперь у нас имеется достаточно информации, чтобы рассмотреть введенную в [Татевосов 2013] позднюю имперфективацию — ту, которая (в соответствии с данным выше определением) применяется к основе, в составе которой уже имеется хотя бы один внешний префикс.

В случае наличия в основе ПО-префикса поздняя имперфективация возможна, поскольку соблюдено ограничение о недопущении введения суффикса вторичной имперфективации ранее самого ПО-префикса. (Напомним, что сам ПО-префикс может присоединяться к следующим видам основ: к непроизводной имперфективной основе: *пере-писать*; к непроизводной перфективной основе: *до-дать*; к перфективной основе с лексическим префиксом: *пере-записать*; к перфективной основе с другим ПО-префиксом: *до-пере-читать*, *пере-до-писать*, *пере-до-за-писать*; к перфективной основе с СО-префиксом: *до-на-брать*, *под-на-ловить* [Татевосов 2013: 55—58].) То есть после вхождения в основу ПО-префикса становится возможной вторичная имперфективация. В этом легко убедиться, образовав вторичные имперфективы от всех упомянутых выше глаголов: *переписывать*, *додавать*, *перезаписывать*, *доперечитывать*, *передописывать*, *передозаправлять*, *донабирать*, *подналавливать* (корпусные примеры, подтверждающие реальность всех приведенных глаголов см. в [Там же]).

Что же касается СО-префикса, то он, подчиняясь ограничению на присоединение исключительно к формально имперфективной основе, может быть присоединен либо непосредственно к непроизводной имперфективной основе, либо к перфективной префигированной основе, в которую на следующем шаге (после присоединения первого префикса, но до присоединения СО-префикса) был введен суффикс вторичной имперфективации. Так образуется, в частности, глагол [*на-*[[*от-кры-*]^{PFV}]-*ва*]^{IPFV} *-ть* (см. [Там же: 60—61]). Ниже Татевосов вводит так называемое требование раннего присоединения СО-префиксов: «Если СО-префикс участвует в деривации, он должен быть присоединен немедленно, как только для этого создались условия» [Там же: 63].

Следующий этап на пути глагольной деривации — это вопрос о возможности или невозможности третичной имперфективации, т. е. имперфективации основ типа *наоткрыва-*, в которых СО-префикс был присоединен после суффикса (вторичной) имперфективации, см. (10)¹⁵.

- (10) Был, кстати, чувак, который у ся в замке [*на-*[[*откры-*]^{PFV}]-*ва*]^{IPFV} *-л* уйму законов физики и математики, но не делился ими с окружающими [www.ostrovgrad.info].

При реализации еще одного этапа имперфективации (на этот раз — третичной, потому что вторичная поздняя имперфективация уже имела место, позволив ввести после своей реализации СО-префикс) ожидается форма, представленная в (11)¹⁶, но она оказывается неграмматичной:

¹³ (7) и (8) из [Татевосов 2013: 52], где они обозначены как (35) и (37) соответственно.

¹⁴ Пример (9) — [Татевосов 2013: 52], где он имеет обозначение (38b). Более детально аргументация (подкрепленная большим количеством языковых иллюстраций) изложена в цитируемой работе.

¹⁵ Пример под номером (79a) из [Татевосов 2013: 64]. Там же см. аналогичные примеры.

¹⁶ Номер (80a) из [Там же: 64].

(11) *[[на-[[откры]^{PFV}-в]^{IPFV}PFV-ыва]^{IPFV}-ть.

Отмечая несводимость запрета на применение имперфективирующей суффиксации в третий раз к ограничениям семантической природы¹⁷, С. Г. Татевосов делает вывод о том, что в отношении третичной имперфективации существует некий морфосинтаксический запрет: «Третичная имперфективация в русском языке невозможна» [Татевосов 2013: 65]. Приведем также резюмирующую формулировку автора по поводу поздней имперфективации: «Среди внешних префиксов вторичную имперфективацию всегда допускают позиционно-ограниченные, а также селективно-ограниченные, если они присоединяются к непроемкой имперфективной основе. Третичная имперфективация в русском языке невозможна» [Там же: 73].

С моей точки зрения, запрет на третичную имперфективацию, чем бы он ни был обусловлен, ставит правую границу, закрывая окно возможностей, для того механизма, который имперфективирует уже (единожды или более чем один раз) префигурированную глагольную основу. Немаловажно, что вторичная имперфективация реализуется при помощи единственного продуктивного в настоящий момент маркера, суффикса *-(ы/и)ва-*. Значимо и то обстоятельство, что данный механизм не затрагивает ни лексическое значение, ни валентностные свойства основы, сформированные с участием уже вошедших в нее префиксов, а также равно применим и к соотношенным с внутренним пределом гетерогенным трансформативам (в терминах [Mehlig 1994], например, *прочитывать*, *развязывать* и т. п.), и к гомогенным нетрансформативам, например, *просиживать* или *простаивать*, которые «не имеют значения процесса» [Ibid.: 604]. Соответствующей левой границей, то есть той точкой, начиная с которой механизм суффиксальной имперфективации становится возможен, является присоединение лексического (внутреннего) префикса¹⁸. В этом окне и действует грамматическое словоизменение русского глагола, соотносимое с аспектуальной семантической зоной.

¹⁷ «Этот (третичный. — Е. Г.) имперфектив, вероятно, не имел бы актуально-длительного значения, но вполне мог бы иметь хабитуальное — ‘систематически осуществлять ситуацию ‘наоткрывать много дверей’’. Именно такое значение обычно выражают имперфективы от кумулятивов типа *наваривать варенья*, *надаривать подарков* и т. п.» [Там же: 64]. Напомним, что С. Карцевский полагал, что ступень, следующая за обозначенной им как 3-я ступень «видовой деривации» (с результатом *повыталькивать*), не может быть имперфективацией по причине, с семантикой никак не связанной: «запас суффиксов уже исчерпан» (см. цитату в сноске 12 выше). В общем, ход мысли Карцевского подводит к тому же: третичная имперфективация невозможна.

¹⁸ Напомним, что речь идет о вторичной имперфективации; присоединение того же суффиксального показателя к непрефигурированной (исходной) основе НСВ является, по нашим предположениям, семантически отличным процессом (суффиксальная имперфективация исходных основ СВ типа *дать* → *давать*, *обмануть* → *обманывать*, *арестовать* → *арестовывать* — в последнем случае личные формы в имперфективной интерпретации в последние десятилетия практически уже невозможны — здесь не рассматривается). В рамках аспектологической концепции В. А. Плунгяна для деривации типа *ходить* → *хаживать*, *носить* → *нашивать*, *читать* → *читывать* наиболее подходит описание путем обращения к одной из граммем вторичного аспекта — хабитуалиса. Для этой граммемы характерен показатель, «предполагающий стативизацию динамических ситуаций: процесс или событие рассматриваются как (постоянное) свойство, приписанное субъекту или объекту ситуации» [Плунган 2011: 398]. Возможно, этот показатель по своей семантике ближе к одной из разновидностей хабитуалиса — узитативу с семантикой ‘иметь обыкновение [постоянно] V’ [Там же: 399]. В соответствии с [Татевосов 2013: 65—72] имперфективация в случаях типа *ходить* → *хаживать* семантически не равна «обычной» суффиксальной имперфективации префигурированного глагола и может быть охарактеризована как итеративизация, т. е. переход к сумме ситуаций, обозначенных исходной основой, чередующихся с их отсутствием, что совмещается с довольно протяженным временным интервалом реализации этой суммы ситуаций, который не укладывается в единый раунд наблюдения, из чего вытекает невозможность реализации актуально-длительного значения [Там же: 69].

3. Вторичная имперфективация в диахронии

В данном разделе в центре внимания будет вторичная имперфективация — 2-я ступень (от)глагольной деривации по Карцевскому¹⁹. То есть та ступень, которая порождает «грамматические видовые пары, отражающие операцию развертывания во времени предварительно перфективированного процесса» [Карцевский (1927) 1962: 227] — видовые пары, относительно которых «[м]ожно безоговорочно утверждать, что оба члена глагольной пары представляют собой грамматические формы одного глагола-лексемы», как писал в 1960-е гг. А. В. Исаченко [Исаченко 2003: 176].

Четверть века спустя о роли и семантике механизма (вторичной) имперфективации пишет А. Барентсен: «Именно морфологический процесс имперфективации составляет основу категории вида в современном русском языке. В семантическом смысле суть этого процесса заключается в том, что вторичные глаголы НСВ сохраняют признак, который входит в значение всех глаголов СВ в русском языке, а именно — наличие представления о некоторой “единице”, определяющей рамки действия. Суть этой “единицы” определяется семантикой данного глагола» (перевод наш. — Е. Г.) [Barentsen 1985: 431]. Проходит еще почти три десятилетия и сходное суждение о месте вторичного имперфектива по отношению к исходному имперфективу в связи с проблемой видовых троек находим у Х. Томмола: «Как только появляется вторичный имперфектив, исчезает потребность обсуждать вопрос, является ли исходный глагол видовым партнером приставочного перфектива. Исходный глагол НСВ тогда оказывается просто исходным глаголом, лишенным обязанности компенсировать видовую дефектность приставочного глагола» [Томмола 2008: 223].

Приведем еще две цитаты, в первой из которых, на мой взгляд, системообразующая роль вторичной имперфективации в русском языке несколько недооценена, но есть указание на ее расширение «в последние 200—300 лет», в то время как во второй, напротив, отмечается системная значимость данного явления при его скорее диахронически равновесном положении.

[П]примером словоклассифицирующей категории является, по всей видимости, русский вид <...> Впрочем, справедливости ради следует признать, что отношения между элементами пар типа *оплакать* ~ *оплакивать* вполне могут считаться парадигматическими (т. е. словоизменительными); однако в русской глагольной лексике доминирующими они пока не являются (хотя в течение последних 200—300 лет наблюдается существенный рост таких пар) [Плунгян 2000: 125—126].

[Н]аличие имперфективного коррелята у любого глагола сов. вида — это чисто системное требование, и для его реализации имеется универсальное морфологическое средство: суффикс *-ыва/-ива-*: так возникают глаголы типа *зablуживаться*, *встрепенывался*; они появляются, уходят и снова появляются, вспомним гоголевские формы типа *помарицивался* или *постораниваются* [Зализняк, Микаэлян 2012: 58].

Итак, по поводу места вторичной имперфективации и результирующей формы (вторичного имперфектива — НСВ₂) в русском видообразовании имеются различные суждения. При наличии согласия по некоторым вопросам (не ставится под сомнение ни словоизменительный характер этого процесса, ни его отнесенность к аспектуальной семантической зоне) отсутствует единство мнений по поводу центральности или периферийности данного (суффиксального) способа видообразования. По крайней мере отчасти это различие

¹⁹ Под вторичной имперфективацией понимается суффиксальное (с участием *-(и/ы)ва-*, *-а-*) образование имперфективной формы от префигированной перфективной, например: *переписать* → *переписывать*, *открыть* → *открывать*, *снять* → *снимать*. Выбор одного из двух суффиксов мы будем считать, вслед за С. Г. Татевосовым, «словарным свойством основы» [Татевосов 2013: 65]. Возможной вариативности при выборе того или другого показателя (типа *затоплять* — *затопливать*, *проясняться* — *проясниваться*) посвящено исследование [Поле 1993].

в оценках может быть обусловлено отсутствием диахронического описания вторичной имперфективации на объемном языковом материале. Именно этим обусловлена постановка задачи, решаемой в данном разделе: представление результатов корпусного исследования, направленного на восполнение этого пробела. При этом немаловажным представляется освещение проблемы направленности развития вторичной имперфективации: происходит в настоящий момент ее расширение, сворачивание или же имеет место относительная стабильность? Ниже предлагается обсуждение результатов диахронического корпусного исследования (на материале НКРЯ), направленного на выяснение этого вопроса.

3.1. Методика корпусного исследования

На базе НКРЯ были созданы три пользовательских подкорпуса со следующими интервалами дат рождения авторов текстов: 1) 1701—1750 гг.; 2) 1850—1901 гг. и 3) после 1950 г. В каждом заданном подкорпусе вводился одинаковый запрос: глагол НСВ с суффиксом имперфективации и наличием приставки за вычетом причастных и деепричастных форм (последнее было обусловлено необходимостью сделать реальной сплошную ручную обработку полученного материала, позже пробел был восполнен).

Следующим этапом стало создание базы данных: из полученных выдач были выписаны все леммы и помещены в таблицу в формате Excel (глаголы с показателем *-ся* в качестве отдельных лемм не рассматривались). Фрагмент этой базы данных приведен в таблице 1, где иллюстрируются все выявленные типы соотношений по представленности леммы в одном или более чем одном подкорпусах.

Таблица 1

Фрагмент базы данных вторичных имперфективов
в НКРЯ с разбивкой по трем подкорпусам

	1850—1901 гг.	с 1950 г.		1701—1750 гг.	
1.	<i>выгранивать</i>	1			
2.	<i>вытаращивать</i>	1	<i>вытаращиваться</i>	1	
3.	<i>вытаскивать(ся)</i>	1+1	<i>вытаскивать(ся)</i>	1+1	<i>вытаскивать</i>
4.	<i>вытверживать</i>	1			<i>вытверживать</i>
5.					<i>написывать</i>
6.			<i>разбуживать</i>	1	
7.			<i>сцеживать</i>	1	<i>сцеживать</i>

Далее был реализован следующий этап работы по формированию базы данных: индивидуальная (с отдельным запросом) проверка наличия каждой леммы, встретившейся хотя бы в одном подкорпусе, в двух других подкорпусах (запросы вводились дважды: без *-ся* и с *-ся*). В результате база данных существенно пополнилась: за счет того, что на этот раз в выдачу попали (ранее исключаемые запросом) причастия и деепричастия, а также вследствие устранения некоторых технических особенностей выдачи материала в НКРЯ, которые проявляются при объемных выдачах в результате обращения к лексико-грамматическому поиску.

Созданная таким образом база данных содержит 1 647 строк (из них 786 являются «двойными»), включая в себя глагол с наличием и с отсутствием показателя *-ся*, то есть всего 2 433 различающихся планом выражения глагола с обязательным наличием префикса и суффикса имперфективации.

В базе данных представлены следующие префиксы: *в-, воз/вз/вос-, вы-, до-, за-, из/ис-, на-, над-, недо-, о/об/обо-, от-, пере-, по-, под-, пред-, пре-, при-, про-, раз(о)/рас-, с-, у-* — всего 21 префикс (при раздельном рассмотрении *о/об-* и *об/обо-* 22 префикса). Напомним, что этот список получился при обработке выдач НКРЯ на запрос, в который было включено

требование наличия приставки. Таким образом, полученный перечень префиксов обусловлен принятой в НКРЯ морфологической разметкой.

Приведем некоторые иллюстрации (здесь и далее все примеры с указанием авторства имеют своим источником НКРЯ):

- (12) Первый мой спутник — отец; его бы я определил, как даже не выпуклого, а протопыренного углами, действующими на воображение; он напал правилами, словами, стремясь меня выграничить; не **выгранивал**, откалывал от сознания негранимые части [Андрей Белый. На рубеже двух столетий (1929)].
- (13) Подружки, желая угодить ей, **вытверживают** и сию песню и вместе с Линою плачут [Н. И. Новиков. Пословицы российские (1782)].
- (14) «Закатилось мое солнце ясное», — повторяло и **вытверживало** что-то внутри его [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945—1955)].
- (15) Пролетая, они стегали вагон плетками — и секли по спящим слепым его оконцам, как по глазам, что дико было Матюшину понимать, видеть, но никого они все же не **разбуживали** [О. Павлов. Дело Матюшина (1996)].
- (16) На искусной живописи картину смотреть всякому мило, но в пиктуре один тот охотник, кто любит день и ночь погружать мысли своя в мысли ея, примечая пропорцию, **написывая** и подражая натуре [Г. Сковорода. Разговор, называемый Алфавит или Букварь мира (1760—1775)].
- (17) Впрочем, людям, привычным к канцелярскому строчению, подобная работа ничего не значила: они в один присест **написывали** по решению и были довольны тем, что отдали его в присутствии, а там цензируй кто хочешь, потому что как ни сочиняй, как ни старайся отличиться, — а все без помарок не обойдется [Ф. М. Решетников. Между людьми (1864)].
- (18) На оставшуюся землю наливают снова еще воды, дают стоять столь же долго и потом опять **сцеживают** [М. В. Ломоносов. О варении селитры (перевод) (1741)].
- (19) Пора было **сцеживать** молоко для младшего и варить суп для старшего [А. Архангельский. 1962. Послание к Тимофею (2006)].

3.2. Наблюдения над материалом корпусного исследования

В первую очередь обращает на себя внимание распределение глаголов по трем подкорпусам. Имеются следующие случаи: наличие глагола НСВ₂ в одном из подкорпусов (так называемые «одиночки»), во всех трех подкорпусах или в двух из них (в различных комбинациях). Эти данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Распределение глаголов по трем подкорпусам

Единичная представленность — «одиночки»			три корпуса	два корпуса: (1)—(2)	два корпуса: (1)—(3)	два корпуса: (2)—(3)	Σ
1701—1750 (1)	1850—1901 (2)	1950—... (3)					
5	92	22	600	23	2	903	1647
Всего: 119							
%	7,23		36,43	1,39	0,12	54,83	100

Наблюдаемая картина сводится к следующему:

- a. «Одиночки» имеются в каждом из 3-х подкорпусов.
- b. Более трети всех случаев (36%) приходится на наличие вторичных имперфективов во всех трех корпусах.
- c. Еще бóльшую долю (почти 55%) составляют глаголы, обнаруженные в двух «поздних» подкорпусах: 1850—1901 гг. и с 1950 г.

d. Пренебрежимо малы доли одновременной представленности глаголов в двух «ранних» подкорпусах (1,39%) и в диахронически противопоставленных подкорпусах (0,12%).

Однако относиться к полученным цифрам нужно с осторожностью, поскольку стремление получить полную выборку вторичных имперфективов по трем подкорпусам вступило в конфликт с требованием сбалансированности их объемов. Сравнение объемов подкорпусов (в предложениях и в словах) и количества обнаруженных в каждом из них «одиночек» представлено в таблице 3.

Таблица 3

Сравнение объемов подкорпусов и количества одиночных глаголов

Подкорпус	Объем в предложениях	Объем в словах	«Одиночки»	Сравнение объемов (в словах)	Сравнение кол-ва «одиночек»
1701—1750	135 056	2 320 926	5 из 628 (0,80%)	в 23 раза меньше	в 7 раз меньше
1850—1901	4 608 763	54 309 944	92 из 1616 (5,69%)	основание для сравнения	
> 1950	1 786 468	18 459 176	22 из 1519 (1,45%)	в 3 раза меньше	в 4 раза меньше

Рисунок 1 (см. ниже) демонстрирует построенный НКРЯ график распределения по годам (с частотой на миллион словоформ) вторичных имперфективов по основному корпусу (без деления на подкорпусы). Как можно видеть, прямолинейной тенденции к росту или снижению употребления вторичных имперфективов в рассматриваемый период — с 1800 г. по настоящее время — не наблюдается, хотя заметны периоды как увеличения употребительности этих форм (с пиками в 1802 г. с 4 677 на миллион, в 1825 г. с 3 785, в 1863 г. с 4 310, в 1884 г. с 4 239, в 1937 г. с 4 410 и в 2009 г. с 4 919), так и снижения (с провалами в 1817 г. с 2 810 на миллион, в 1835 г. с 2 804, в 1872 г. с 3 591, в 1898 г. с 3 429, в 1958 г. с 3 047, в 1995 г. с 3 603²⁰).

Годы от 1800 до 2013 со сглаживанием 3 построить

Рис. 1. Основной корпус НКРЯ: распределение по годам (частота на миллион словоформ; запрос: V,ipf, (d:pref | d:impf)

²⁰ Цифры приводятся по построенному НКРЯ графику: они появляются при наведении курсора на соответствующие точки на графике. Повторив запрос V,ipf, (d:pref | d:impf) и запросив статистику, читатель самостоятельно сможет в этом убедиться.

3.3. Некоторые выводы

Если обратиться к полученным данным (см. таблицу 2 выше), то можно отметить, что большей частью вторичные имперфективы обнаруживают диахроническую стабильность: 36 % соответствий по всем трем подкорпусам, а также 55 % соответствий по двум «поздним» подкорпусам. Специфичность данных по раннему подкорпусу (1701—1750 гг.) может быть обусловлена существенно (в 23 раза) меньшим объемом этого подкорпуса по сравнению с самым объемным подкорпусом (1850—1901 гг.).

Одиночная представленность НСВ₂ отмечена по всем трем подкорпусам в следующих количествах:

- i. 1701—1750 — 5 единиц: *намерять(ся)*, *написывать*, *насевать*, *расслабевать*, *ухаживать* (в значении 'неоднократно ухаживать'²¹), ср.:
- (20) *и [я] действительно всегда, когда мне только было можно, ухаживал к нему, и там с лучшим удовольствием провождал время, нежели в передней генеральской, где мы обыкновенно сиживали* [А. Т. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова. Письма 91—96 (1800)];
- ii. 1850—1901 — 92 единицы:
впаивать, *втачивать*, *взбудораживать*, *вспрыскивать*, *выгранивать*, *выдаивать*, *выкликать*, *вымеривать*, *выпахивать*, *выхлопывать*, *выщелачивать(ся)*, *добриваться*, *допахивать*, *досаживать*, *заблачиваться*, *заподозривать*, *застопоривать*, *застраховывать*, *застрачивать*, *защуривать*, *избаловывать*, *извертываться*, *наганивать*, *наготовлять*, *наколачивать*, *насасывать*, *насказывать*, *настукивать*, *натруживаться*, *обездолывать*, *обездушивать*, *огреть*, *огрубевать*, *озаглавливать*, *околпачивать*, *опоразничиваться*, *опрастывать(ся)*, *остругивать*, *отуманивать(ся)*, *ощеряться*, *обглядывать*, *обкармливать*, *обомлевать*, *обскакивать*, *обстраиваться*, *обсуживать*, *отвертывать*, *отжаривать*, *отпугивать*, *отсевать(ся)*, *отслуживать*, *отхаживать*, *перевинчивать*, *переглаживать*, *перегнивать*, *перезакладывать*, *перерезывать(ся)*, *пересуживать*, *перечеканивать*, *повевать*, *похварывать*, *подбочиваться*, *подзубривать*, *подслуживаться*, *пригорюничиваться*, *прихочивать(ся)*, *припаздывать*, *припаивать(ся)*, *припаривать*, *припутывать*, *прискучивать*, *пристра-*

²¹ Глагол *ухаживать*, образованный (на 2-й ступени деривации) от исходного глагола ненаправленного движения *ходить*, демонстрирует особую модель деривации. Данная модель характерна для всех глаголов ненаправленного движения. Всего таких случаев в нашей базе данных пять, из них четыре — дериваты от *ходить*: *ходить*^{IMP} → *заходить*^{IMP} → *захаживать*^{IMP}; *ходить*^{IMP} → *обходить(ся)*^{IMP} → *обхаживать(ся)*^{IMP}; *ходить*^{IMP} → *отходить*^{IMP} → *отхаживать*^{IMP}; *ходить*^{IMP} → *уходить*^{IMP} → *ухаживать*^{IMP}; *носить*^{IMP} → *выносить*^{IMP} → *вынашивать*^{IMP}. Впрочем, имеется и еще один внешне похожий случай: *читать*^{IMP} → *причитать*^{IMP} → *причитывать*^{IMP}. Основным отличием от ситуации с глаголами ненаправленного движения является непринадлежность гипотетически исходного глагола *читать* к данной группе. Это обстоятельство побуждает предположить наличие еще одного пути глагольной деривации с промежуточным этапом *причесть*^{PRF} в следующей цепочке: *честь*^{IMP} → *причесть*^{PRF} → *причитывать*^{IMP}. Иллюстрация для *честь*^{IMP}:

Библиотека учителем по вся дни и часы ко употреблению невозбранна, только бы книг по келлиам не разбирали, но чли бы оныя в самой библиотечной канторе [[Петр I]. Регламент или устав духовной коллегии (1721)].

В [Ушаков] в словарной статье ПРИЧЕСТЬ 1-е значение толкуется так: «(несовер. *причитывать*). То же, что *присчитать* (прост.)». В выдаче НКРЯ имеется один контекст с *причитывать*, который позволяет проиллюстрировать трактовку словаря Ушакова:

Я остался при покойнике и прорыдал всю ночь; дьячки читали однообразным, глухим полуголосом, <...> Настасья Ивановна всю ночь пролежала на полу ничком, вопила и выла, припоминая и причитывая все добро, которое видела от супруга своего [В. И. Даль. Вахх Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей (1843)].

живать, прогадывать, прокучивать(ся), простуживать(ся), прояснивать(ся), разбаливаться, развьючивать, раззолачивать, разрознивать, раскорячивать(ся), растеривать(ся), расхватывать(ся), расшивать(ся), скапывать, скацивать, скучивать(ся), слаживать(ся), ссовывать(ся), ссучивать, укучивать, учитывать;

iii. после 1950 — 22 единицы:

выгуливать, вбухивать, дополаскивать, задалбливать, замерять, зашвыривать, наворовывать, наглаживать, наработывать, натачивать, наторговывать, окольцовывать, обстирывать, отстирывать(ся), передавать, пересевать, переупаковывать, перешагивать, подглаживать, разбазаривать, разбуживать, рассуживать

Первый вывод, который можно сделать, сводится к тому, что вторичная имперфективация присутствует как (относительно) постоянное явление на всем охваченном НКРЯ временном отрезке — XVIII—XXI вв. При этом степень узуальности (и конвенциональности) отдельных префиксально-суффиксальных форм НСВ на протяжении всего этого периода варьирует: от частотных и полностью конвенциональных (присутствуют во всех трех подкорпусах) через меньшую представленность (в двух корпусах) до одиночной (в одном корпусе). В последнем случае, как представляется, и может идти речь о неконвенциональности соответствующей формы.

Следовательно, мы вправе констатировать, что вторичная имперфективация является основным способом русского видообразования. Это обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, минимальным воздействием суффиксальной имперфективации на лексическую семантику и синтаксис основы СВ, к которой она применяется: речь идет о воздействии чисто аспектуальном (имперфективирующем), т. е. грамматическом²². Во-вторых, достаточно высокой степенью регулярности вторичной имперфективации, о чем также свидетельствуют уже упомянутые выше данные корпусного исследования Лоры Янды: от 37% (НКРЯ) до 77% (Google) всех естественных перфективов образуют вторичные имперфективы [Янда 2012: 42; Janda et al. 2013: 169—171]. Сопоставлению характерной для НСВ₁ и НСВ₂ семантики будет посвящен раздел 4.

Здесь же будет обсужден еще один не лишенный интереса вопрос, который вытекает из созданной базы данных: обязательно ли нужен префигурованный СВ для образования НСВ₂? (Деривации от исходного НСВ-глагола ненаправленного движения типа *заходит*^{IMP} → *захаживать*^{IMP} здесь не учитываются, см. сноску 21.)

Попробуем ответить на этот вопрос на основе анализа данных по подкорпусу 1701—1750 гг., включающему 628 лемм, в котором выявлены следующие соотношения:

- a) есть НСВ₂ — есть СВ: *вытверживать* — *вытвердить* — 90% (562 из 628),
- b) есть НСВ₂ — нет СВ: *растравливать* — Ø — 10% (66 из 628).

Если выйти за пределы названного подкорпуса и посмотреть на него с учетом данных двух других подкорпусов, то прибавятся еще две возможности:

- c) нет НСВ₂ (в этом подкорпусе) — есть СВ (в других подкорпусах): Ø — *доиграть* (37% от суммарного количества лемм в двух других подкорпусах, 379 из 1019),
- d) нет НСВ₂ (в этом подкорпусе) — нет СВ (в других подкорпусах): Ø — Ø (63% — 640 из 1019).

(Всего на 628 форм НСВ₂ в подкорпусе 1701—1750 гг. приходится 941 форма СВ, найденная при проверке на наличие производящей префигурованной основы СВ для суммарного перечня НСВ₂ всех трех подкорпусов. Эта цифра в 1,5 раза превышает количество НСВ₂

²² Ср. с созвучным мнением С. Карцевского: «Операция развертывания во времени является операцией грамматической. Были бы напрасными поиски в явлении имперфективации какого-то семантического понятия, играющего роль, подобную той, которую при перфективации играет понятие результата» [Карцевский (1927) 1962: 228].

в данном подкорпусе и составляет 57 % от общего количества НСВ₂ по трем подкорпусам, включающим 1647 единиц.)

Думается, что полученные данные позволяют дать ответ на поставленный выше вопрос: в рамках созданной базы данных префигурованный СВ не является строго обязательным для образования НСВ₂. Этому факту можно дать по крайней мере два объяснения, см. (21) и (22).

- (21) Производящий для НСВ₂ глагол СВ случайным образом не попал в базу данных, созданную на основе трех указанных подкорпусов НКРЯ; соответственно, данный факт не служит доказательством отсутствия в языке данного периода соответствующей формы.
- (22) Для образования НСВ₂ используется продуктивная модель: префикс + основа НСВ₁ (с возможными морфонологическими изменениями) + суффикс имперфективации; при этом этап СВ может отсутствовать, то есть мы имеем редуцированную (с пропуском одного этапа) деривацию *травить* → *растравливать* вместо полной деривации *травить* → *растравить* → *растравливать* (аналогия: *обстоять* → *обстоятельство*, минуя *обстоятель, ср. полную деривацию: *предать* → *предатель* → *предательство*).

На данный момент оба объяснения имеют характер гипотезы; кроме того, они совместимы, поскольку относительно части зафиксированных случаев типа b) «есть НСВ₂ — нет СВ» может быть верно одно объяснение, а относительно другой части — альтернативное.

Итак, наше корпусное диахроническое исследование показало, что вторичная имперфективация на протяжении охваченного НКРЯ временного периода является относительно стабильным и достаточно регулярным явлением. Явного тренда по увеличению или снижению образования НСВ₂ не прослеживается. С другой стороны, по-видимому, не существует и ограничений на образование вторичного имперфектива от одиножды префигурованного перфектива (относительно ограничения на третичную имперфективацию в случае множественной префиксации см. в разделе 2). Гипотетически существует также возможность вторичной имперфективации напрямую от исходной имперфективной основы, минуя промежуточный этап префиксальной перфективации.

4. О семантике и акциональности первичных и вторичных имперфективов

В этом разделе будет осуществлена попытка разобраться с одним из самых интересных для русской аспектологии вопросов, одновременно являющихся аргументом и в пользу наличия специфики «славянской модели вида», и против серьезного отношения к вторичной имперфективации как к единственному специализированному морфологическому актуальному механизму, который при этом имеет безусловно словоизменительный характер. Тема, о которой идет речь, многогранна: ее можно рассматривать как вопрос о (почти полной) функциональной идентичности первичного и вторичного имперфектива, что позволяет рассматривать столь различные по своей морфологической структуре формы — НСВ₁ и НСВ₂ — как принадлежащие к одной и той же имперфективной граммеме (имеется в виду общая сочетаемость с фазовыми глаголами: *начать писать*, *начать записывать*, но не *начать записать; общая способность образовать аналитическое будущее: *буду писать*, *буду записывать*, но не **буду записать*²³; практически идентичное функционирование в императиве (собственно императив и прохибитив при отрицании); набор доступных частных значений, впрочем, именно здесь наблюдается далеко не полное соответствие, причем основное различие проходит по способности / неспособности реализовать

²³ Конструкции типа *будем посмотреть*, которые в последние годы довольно часто можно услышать в разговорной речи, не выходят (пока что) за рамки языковой игры; конкретно данное выражение являет собой, по всей видимости, новый фразеологизм со значением ‘Увидим, что из этого выйдет, разберемся, а пока подождем с выводами’ (толкование ресурса «Словарь народной фразеологии», см. <http://folklor.academic.ru/>).

актуально-длительное (по Маслову — конкретно-процессное [Маслов 2004: 99]) значение. Далее, другой стороной рассмотрения этой темы является известная проблема видовых троек: какой имперфектив в ней избыточен. И, наконец, тесно связанный с предыдущим, еще один ракурс рассмотрения — с точки зрения семантических отношений первичного и вторичного имперфектива, которые в рамках видовой тройки являются (квази) синонимичными.

Начнем с более частного, а именно с НСВ₁ и НСВ₂ в составе биимперфективных троек. Обсуждению этого вопроса (с разной степенью подробности) в последнее время уделялось довольно много внимания, упомянем лишь некоторые работы: [Апресян 1995; 1997; Петрухина 2000; 2009; Зализняк, Шмелев 2000; Ясаи 2001; Храковский 2005; 2006; Томмола 2008; Зализняк, Микаэлян 2010; Зализняк и др. 2010; Татевосов 2010; Janda, Lyashevskaya 2011; Янда 2012; Janda et al. 2013; Горбова 2014]. В последней работе было показано, что если формулировать вопрос о видовых тройках в терминах избыточности, то это свойство постоянно присуще именно НСВ₁ — той единице, которая является деривационно исходной и отличается от двух других компонентов тройки более простым семантическим наполнением, не обнаруживая в своем составе префикса. При этом первичный имперфектив обладает особой способностью: в определенных контекстах служить синонимом, заместителем для вторичного имперфектива, играя тем самым роль «джокера» (термин Ю. Д. Апресяна из [Апресян 1995]), «выполняющего чужие функции: ср. *бить (врага)* — *побить* — *побивать*; *бить (Часы бьют)* — *пробить* — *пробивать*; *бить (посуду)* — *разбить* — *разбивать*; *бить (масло)* — *сбить* — *сбивать*» [Там же: 106]). Также следует вспомнить о синтаксическом несходстве НСВ₁ и НСВ₂, отмечаемом, как уже было показано выше, и С. Карцевским, и С. Татевосовым²⁴ (первый писал о сохранении переходности, свойственной приставочному СВ, второй — о постоянстве частотности появления вторичного имперфектива с незаполненной позицией прямого дополнения, равной 0%, из чего вытекает необходимость валентности на это дополнение и ее заполненности, см. сноску 10 выше; последнее, впрочем, кажется несколько категоричным на фоне принципиально одновалентного *пробивать*, а также *пробить* и *бить (о часах)*, см. цитату выше). К неравнообъемности семантического потенциала (в терминологии Ю. Д. Апресяна) НСВ₁ и НСВ₂, сводимой в основном к меньшей способности НСВ₂ к реализации основного процессного значения НСВ — актуально-длительного — мы еще вернемся.

Обратимся еще раз к теории видовых гнезд, в рамках которой также был осуществлен сопоставительный анализ первичного и вторичного имперфектива. Приведем один из выводов обсуждения данного вопроса на материале корпусного исследования: «Выбор между бесприставочным и вторичным имперфективом, по всей видимости, обусловлен значением приставок. Вторичные имперфективы предпочтительны тогда, когда значение приставки мотивирует акцент на результате, желателен произведенном намеренно и/или неоднократно» [Янда 2012: 42]. Таким образом, вторичному имперфективу оказываются свойственны черты события (акцент на результате), волиитивность субъекта ситуации (производит результат намеренно) и/или итеративность (неоднократность) ситуации²⁵. Интересно, однако, что обнаружение и констатация столь существенных семантических различий между НСВ₁ и НСВ₂ не помешали автору концепции остаться приверженцем традиционной идеи о равноправии обоих типов пар: приставочной: *бить (масло)* — *сбить (масло)* и суффиксальной *сбить* — *сбивать (масло)*. Это решение подкреплено сравнением грамматических профилей суффиксальных и префиксальных видовых пар в [Janda, Lyashevskaya 2011]: именно оно служит основанием для приведенного вывода, поскольку авторы исследования не обнаружили существенных различий в грамматических профилях

²⁴ А также В. С. Храковским в [Храковский 2005: 55—57].

²⁵ Склонность к итеративности хорошо объясняет нежелательность реализации актуально-длительного значения, для которого требуется единичность ситуации; впрочем, речь идет не более чем о предпочтительности итеративности, это не строгое требование.

(понимаемых «как частотное распределение словоформ лексемы в корпусе» [Ibid.: 207]) префиксальных и суффиксальных видовых пар («we do not find reportable differences between the grammatical profiles of aspectual partners formed with prefixes as opposed to suffixes» [Ibid.: 213]).

Однако, как представляется, грамматические профили — это не настолько тонкий инструмент, который был бы способен выявить семантико-акциональные различия между первичными имперфективами (они выступают в префиксальных парах, в цитируемой работе — **p-partners**) и вторичными имперфективами (имперфективными членами суффиксальных пар, **s-partners**). Ведь набор темпоральных, залоговых, модальных форм, а также вербоидов у них одинаков (если он и разнится, в частности, по отношению к залогу, то зависит от индивидуальных валентностных особенностей лексем), различие же заключается в наличии или отсутствии двух морфем: префикса, появившегося на этапе приставочной перфективации и внесшего свой лексический и аспектуальный вклад в виде результативности (телисизации), и суффикса имперфективации с диахронически более ранним значением неопределенности и/или итеративности/хабитуальности и позже развившимся значением введения в окно наблюдения срединной стадии единичной ситуации (см. [Маслов 2004: 137]). Следовательно, сходство грамматических профилей **p-partners** и **s-partners**, установленное в [Janda, Lyashevskaya 2011], свидетельствует, по всей видимости, не об аналогичности двух типов пар, а об аналогичности взаимодействия рассмотренных в исследовании граммем настоящего / (простого) будущего, прошедшего и императива (Nonpast, Past, Imper) с акциональными классами состояний и (не)предельных процессов. Поэтому полученный результат, с одной стороны, не является неожиданным, а с другой, не позволяет, на мой взгляд, делать вывод о (полном) равноправии префиксальных и суффиксальных пар и, соответственно, первичных и вторичных имперфективов, которыми эти два типа пар и различаются.

Ниже путем обращения к семантико-акциональному анализу будет предпринята попытка обосновать другое положение:

- (23) Первичный (исходный) имперфектив (*бить, будить*), будучи глаголом немаркированным (в первую очередь — с точки зрения формы) и способным (при необходимости) служить «джокером», (квази)синонимом вторичного имперфектива (*бить* для *сбивать*, *будить* для *разбуживать*), оказывается за пределами регулярного видового словоизменения, осуществляемого в рамках вторичной имперфективации, то есть применения суффикса имперфективации к префигированным формам совершенного вида.

Попробуем подойти к сопоставлению общих особенностей семантики НСВ₁ и НСВ₂ со стороны акциональности, то есть тех общих и специфических семантических особенностей глаголов соответствующих акциональных классов, которые, будучи имплицитными, являются значимыми для категории вида.

Большей частью НСВ₁ являются непредельными процессами²⁶ и состояниями (здесь мы пользуемся терминами В. А. Плунгяна из [Плунгян 2011: 113—115]; в терминах З. Вендлера

²⁶ Предельность в случае НСВ₁ может быть индуцирована контекстом, то есть реализацией пациентного участника при определенных требованиях к нему (в первую очередь, референтности, а также единичности), ср. непредельность в *уметь читать* и нарастание предельности в *читать книги, читать принесенные из библиотеки книги, читать книгу, читать эту книгу*. Вторая возможность для индуцирования соотнесенности с пределом — введение в контекст обстоятельств со значением цели (или границы), что характерно для глаголов (направленного) движения: *бежать по улице* (НП) и *бежать в магазин* (П). В связи с этой вариативностью в работах Ю. С. Маслова более трех десятилетий назад появилось понятие о глаголах «двойственных, с меняющимся значением предельности / непредельности» [Маслов 2004: 315]. В литературе эта тематика известна также как аспектуальная композиция, см., например, [Verkuyl 1972; 1993]. Имеется, однако, и некоторое количество НСВ₁ с лексикографически заданной предельностью: это глаголы с инхоативным суффиксом *-ну-* (*тухнуть, зябнуть, мокнуть, киснуть* и т. п.), а также глаголы, обозначающие процессы

[Vendler 1967] — activities и states)²⁷: (*уметь*) *читать, знать*. И именно эти два акциональных класса являются носителями «естественного» несовершенного значения по С. Карцевскому, ср.: «Понимание любого процесса как развертывающегося во времени, т. е. имеющего длительность, настолько естественно, что несовершенное значение исходных глаголов представляется первичным фактом, чем-то непосредственно данным и не подлежащим объяснению с точки зрения современного языка. Но будучи “естественным”, несовершенное значение исходных глаголов не является подчеркнутым» [Карцевский (1927) 1962: 226]. Позволю себе два комментария к этой цитате. Полагаю, что формулировка Карцевского о естественности несовершенного значения у исходных глаголов соответствует тому, что позже стали называть лексическим видом или, в другой терминологии, (соответствующими) акциональными классами — уже упомянутыми состояниями и (большой частью) непрелельными процессами. И именно принадлежностью к акциональным классам состояний и непрелельных процессов обеспечивается склонность первичных имперфективов к выражению актуально-длительного значения.

Относительно НСВ₂ можно утверждать другое: им свойственно быть предельными процессами (причем соотносёнными с пределом, подчеркнутым специальным показателем — префиксом²⁸) или моментативами-событиями (по Вендлеру — *accomplishments* и *achievements*): *прочитывать* и *прознавать, приходить*. В первом случае граммема имперфектива вводит в окно наблюдения срединную стадию (то есть имеет семантику прогрессива), в последнем — является оператором итеративизации (или хабиутальности). В первом случае актуально-длительное значение при единичности ситуации возможно, хотя и в разной степени, во втором исключено (*Что там Петя делает? — Конспекты перед экзаменом просматривает* (**прочитывает*); — **Домой приходит*).

Следовательно, (квази)синонимия НСВ₁ и НСВ₂ в биимперфективных тройках

- ✓ естественна и ожидаема в тех случаях, когда НСВ₁ является либо лексикографически предельным глаголом, либо обозначает непрелельную ситуацию, которая может быть в контексте легко преобразована в предельную, а НСВ₂ представляет собой соотносённый с пределом процесс: *читать* — *прочитывать* (*статью*), *грузить* — *на(по, за)грузжать* (*дрова, вещи, кузов*);
- ✓ не ожидаема в том случае, когда НСВ₁ является состоянием, а НСВ₂ образован от СВ-моментатива; в таком случае вторичная имперфективизация осуществляет итеративизацию единичной ситуации (этап СВ), причем эта ситуация лексикографически может не быть соотносимой с НСВ₁: *знать*^{НСВ1} → *прознавать*^{СВ} → *прознавать*^{НСВ2}; *идти*^{НСВ1} → *прийти*^{СВ} → *приходить*^{НСВ2}: *знать (историю)* ≠ *прознавать (историю)*, *идти (домой, вдоль улицы)* ≠ *приходить (домой)*.

Система аспектуальных по семантике и деривационно связанных глагольных образований (то есть видовых пар и троек) хорошо представлена в таблице 1 в [Зализняк, Микаэлян 2010], частично воспроизводимой здесь как таблица 4. В соответствии с этой работой, в видовой системе русского языка имеются следующие возможности (иллюстрации в правом столбце были изменены):

перехода из одного состояния в другое: *таять, преть, гореть* и отадъективные глаголы с еще одним инхоативным показателем — суффиксом *-е-*: *светлеть, темнеть, стареть* и т. п. Термин «инхоатив» употреблен в значении, которое, как указывал Ю. С. Маслов, продолжает индоевропеистическую традицию, где он ассоциирован с глаголами, обозначающими «постепенное нарастание признака», ср.: «В славянских языках “инхоативными глаголами” лучше называть глаголы с суффиксами *-н-* и *-ѣ-*: *блекнуть, стареть* и т. д.» [Маслов 1965: 54].

²⁷ О размытости границы между этими двумя акциональными классами в русском языке см. в [Горбова 2009].

²⁸ Давно обсуждаемые в литературе исключения — делимитативный и пердуративный префиксы *по-* и *про-*.

Таблица 4

Система видовых пар и троек

1. Образцовая суффиксальная пара	<i>(писать)</i> — <i>записать</i> <на пленку> — <i>записывать</i>
2. Суффиксальная пара с потенциальным НСВ ₁	<i>(рвать)</i> — <i>вырвать</i> <зуб> — <i>вырывать</i>
3. Образцовая тройка	<i>читать</i> — <i>прочитать</i> — <i>прочитывать</i>
4. Префиксальная пара с потенциальным НСВ ₂	<i>писать</i> — <i>написать</i> — (^{??} <i>написывать</i>)
5. Образцовая префиксальная пара	<i>лгать</i> — <i>солгать</i> — (^{???} <i>солгивать</i>) ²⁹

Имея в виду этот спектр возможных группировок, максимальный состав каждой из которых неизменен — биимперфективная тройка, в которой варьирует лишь степень приемлемости того или иного имперфектива (НСВ₁ или НСВ₂), сформулируем некоторые наблюдения и выводы относительно акциональных свойств обоих типов имперфективов.

- ✓ Выбор между (бесприставочным) первичным и (приставочным) вторичным имперфективом, обусловлен, по всей видимости, не (или не в первую очередь) значением приставок (что утверждается в [Янда 2012: 42]), а акциональными классами НСВ₁ и НСВ₂.
- ✓ Если НСВ₁ обозначает не соотносительный с пределом процесс, а префигурованный НСВ₂ (после введения префикса и результирующей телесизации) является уже предельным процессом, то их (квази)синонимия возникает в силу способности обеих форм НСВ к обозначению срединной стадии ситуации: в событийной структуре и состояний с (не)предельными процессами (НСВ₁), и предельных процессов (НСВ₂) имеется срединная стадия, что и открывает возможность для синонимии при обозначении единичной ситуации, ср.:

(24) — *Чем Маша занимается?* — *Да вот, журнал листает / перелистывает.*

В том случае, если НСВ₂ возникает в результате итеративизации префигурованного СВ-моментатива (*знать*^{НСВ1} → *узнать*^{СВ} → *узнавать*^{НСВ2}), возможность (квази)синонимии появляется лишь в том случае, если (при поддержке контекста) НСВ₁ оказывается способен обозначать множественную ситуацию. Ср. возможность (квази)синонимии в (25):

(25) *Маша, она всегда такой была — все самые свежие новости первой узнавала / знала,*

и неуместность любого имперфектива в (26), где контекстом задается единичное событие:

(26) *Маша и в тот раз сразу же об этом первой узнала / *узнавала / *знала.*

- ✓ НСВ₁ и НСВ₂ в рамках префиксальной и суффиксальной пар (в терминологии [Janda, Lyashevskaya 2011] — **p-partners** и **s-partners**) играют различную роль в русском видообразовании: в первом случае НСВ₁ является исходным глаголом, к которому на этапе приставочной перфективации применяется телесизация (посредством присоединения префикса), сопровождаемая, как правило, переходом в другой акциональный класс; а во втором — при суффиксальной деривации имеет место либо непосредственно имперфективация (введение в окно наблюдения срединной стадии единичной ситуации), либо итеративизация моментальных ситуаций.

Таким образом, при деривации СВ → НСВ₂ регулярность морфологическая (один либо два суффиксальных показателя: *-а-* и *-(у/ы)ва-*, в зависимости от рассмотрения этих морфов

²⁹ Однако в [Даль] присутствует словарная статья с заголовочным глаголом *слыгать*: «СЛЫГАТЬ и солгать, **солгать** что, соврать, сказать ложь, неправду, противное истине» и иллюстрациями, среди которых находим: *Случается, что и слыгает мальчик; Мало ли слыгается, солжется.*

как вариантов одной морфемы или разных морфем, но при несомненной продуктивности именно второго) сопровождается регулярностью грамматико-семантической, поскольку имеет место всего два семантических эффекта. При воздействии на префигурованный СВ-глагол (от множественной префиксации мы пока отвлекаемся) с акциональными свойствами предельного процесса и в случае его референции к единичной ситуации имеет место реализация собственно аспектуального значения имперфективации (если точнее, то «прогрессивизации» или «дуративизации»³⁰) — введение в окно наблюдения срединной фазы разворачивающейся ситуации: *вывернуть (свитер) — выворачивать (свитер)*. При применении того же суффиксального механизма к СВ-глаголу с акциональными свойствами моментального события происходит итеративизация ситуации: *выстрелить (из ружья) — (неоднократно) выстреливать (из ружья)*.

Несомненно, эти два семантических эффекта — имперфективация в смысле введения в окно наблюдения срединной стадии единичной ситуации и имперфективация в смысле итеративизации — существенно различны, что явным образом отражается, например, в том, что в рамках аспектологической концепции В. А. Плуногья первое явление относится к явлениям первичного аспекта, а второе — ко вторичному аспекту [Плуногья 2011а: 382—402]. В связи с этим можно отметить два обстоятельства.

Первое имеет отношение к истории суффиксального показателя имперфективации, первоначальной функцией которого являлось обозначение именно итеративизации и/или неопределенности (см. работу [Maslov 1959; Маслов 2004: 131—140] и библиографию в ней). В наибольшей степени свои первоначальные функции суффиксы имперфективации сохранили при присоединении к непрефигурованным исходным основам непредельных глаголов: *носить — нашивать, сидеть — сиживать, есть — edать* и т. п. Второе, на что хотелось бы обратить внимание: в этих двух столь различных эффектах имперфективации, реализуемой посредством одного показателя, явное различие в результате обуславливается очень значительным различием в той акциональной «базе», к которой данный грамматический процесс прилагается. (Вторичная) имперфективация с семантическим эффектом прогрессива (или, возможно, дуратива) взаимодействует с акциональными классами состояний и процессов (их (не)соотнесенность с пределом в данном случае не важна). Та же (по формальной модели) имперфективация с эффектом итеративизации применяется в первую очередь к моментативам, лишенным срединной стадии. Поэтому в последнем случае работает в точности тот же самый механизм и возникает тот же результат, что и в языках с граммемой прогрессива, в сферу действия которой попадает моментальный глагол. Самый предсказуемый результат — итеративное значение, например, в (27).

- (27) *Модель камнеметательной машины **выстреливает** камни под определенным углом к горизонту с фиксированной начальной скоростью* (<http://www.berdov.com/egge/formula/formula1/>).

Вторая интерпретация, значительно более затрудненная, — эффект замедленной съемки, например, в (28).

- (28) *Сочетание большой длины натяжения и коротких плеч позволяет **выстреливать** стрелу из составного лука с большей скоростью и на большую дальность* (engineerd.narod.ru).

Таким образом, результирующий эффект от присоединения форманта имперфективации оказывается вполне предсказуемым, если принимать во внимание акциональность исходного для данного механизма материала (производящей основы СВ) и характеристики синтагматического контекста, в первую очередь, имеющие отношение к референции и числу прямого дополнения. Очевидно, что если в двух приведенных примерах поменять число прямого дополнения, то результирующие значения и, соответственно, эффект имперфективации,

³⁰ Образования от наименований аспектуальных граммем прогрессива и дуратива, см. [Плуногья 2011а: 382—394; 2011б].

изменяться: в предложении, описывающем камнеметательную машину, при референции к единичной ситуации будет реализовано значение «замедленной съемки», а в описании лука мы получим итеративность, ср. (27а) и (28а).

(27а) *Модель камнеметательной машины **выстреливает** камень под определенным углом к горизонту с фиксированной начальной скоростью.*

(28а) *Сочетание большой длины натяжения и коротких плеч позволяет **выстреливать** стрелы из составного лука с большей скоростью и на большую дальность.*

Роль же первичного (исходного) имперфектива, принадлежащего к акциональным классам состояний (*знать, думать (что), иметь, брезговать* и т. п.) и непредельных процессов (*катить, плакать, ворошить, слушать* и т. п.), а также — частично — к классу (лексикографически) предельных процессов (*сты(ну)ть, стареть, сохнуть, таять* и т. п.), предопределена именно его семантико-акциональными свойствами. Все состояния и (не)предельные процессы в обязательном порядке располагают срединной стадией ситуации. Это обстоятельство дает возможность для осуществления как механизма (префиксальной) телисизации, которая в случае применения к лексикографически предельному процессу носит характер конкретизации предела-результата, так и порождает условия для последующей (квази)синонимии с вторичным (то есть приставочным) имперфективом и для реализации функции «джокера» НСВ₁ в его взаимоотношениях с НСВ₂ при их лексической близости. Приведем здесь цитату, поясняющую данные отношения: «Здесь (после примеров: *рвать* <мосты> вместо *взрывать*; *рвать* <зубы> вместо *вырывать*; *бить* <масло> вместо *взбивать*; *писать* <на пленку> вместо *записывать*; *крепить* <балку> вместо *прикреплять*. — Е. Г.) везде часть значения, уточняющая характер действия, которая вносится приставкой, опускается как не стоящая упоминания, либо как очевидная, известная посвященным (по принципу “*sapienti sat*”)» [Зализняк и др. 2010: 20].

5. Выводы: о месте префиксальной перфективации и суффиксальной имперфективации в русском видообразовании

В этом разделе мы постараемся собрать воедино основные положения и выводы проведенного обсуждения и на этой основе эскизно обрисовать возможный альтернативный взгляд на строение русского вида.

В разделе 1, посвященном (единичной) префиксации русского глагола, на основании обращения к теории видовых гнезд Лоры Янды и серии статей С. Г. Татевосова, посвященных глагольной префиксации, мы пришли к выводу о том, что свойства лексических (внутренних) префиксов русского глагола (модификация акциональности, некомпозициональность значения, нестабильность актантной структуры) таковы, что гипотеза Л. Янды об их природе как глагольных классификаторов представляется в высокой степени правдоподобной. Одновременно эти префиксы являются набором деривационных формантов с общей для них аспектуальной функцией телисизации и перфективации, то есть введения соотношенности с пределом в случае исходных НСВ-основ, принадлежащих к состояниям и непредельным процессам, и конкретизации уже имеющегося предела в случае лексикографически предельных процессов с одновременным достижением этого предела (известное исключение — исходные НСВ-основы глаголов ненаправленного движения, то есть случаи типа *ходить* → *приходить*, *носить* → *заносить*, а также делимитативный и пердуративный префиксы, присоединяемые к любым исходным НСВ-основам). При этом часть внутренних префиксов существенно модифицирует лексическое значение исходного имперфектива (*писать* → *записать*), а другая часть, в соответствии с эффектом Вея — Схоневельда (в терминах теории видовых гнезд — гипотезы наложения), практически не изменяет исходную лексическую семантику, поскольку значение префикса оказывается близким исходному

значению основы (*писать* → *написать*). В этом случае естественным образом наиболее ощутимым эффектом от префиксации является телисизация и перфективация, но не модификация лексического значения, откуда, собственно, и возникло положение о наличии чистовидовых, или пустых, префиксов. Именно последняя группа префиксов послужила основой для выработки Э. Далем понятия вида «славянского типа» с его деривационной и словоклассифицирующей спецификой.

Раздел 2 был посвящен суффиксальной имперфективации. Воспользовавшись введенным С. Г. Татевосовым ограничением — запретом на третичную имперфективацию, я старалась показать, что суффиксальная имперфективация является особым механизмом, который регулярно и продуктивно работает на строго определенном участке глагольной деривации. Включается этот механизм после того, как глагольная основа получает внутренний префикс (это его левая граница, начало действия вторичной имперфективации) и прекращает свою работу в той точке глагольной деривации, когда данный механизм должен был бы применяться повторно (перед введением СО-префикса), став третичным. Запрет на третичную имперфективацию ставит правую границу сфере применения суффиксальной имперфективации. Задачей этого механизма является введение аспектуальной семантики имперфективации в ранее префигированную (то есть получившую соотношенность с пределом) глагольную основу. Примечательно, что вторичная имперфективация реализуется при помощи единого продуктивного в настоящий момент маркера, суффикса *-(ы/и)ва-*; весьма значимо и то обстоятельство, что данный механизм не затрагивает ни лексическое значение, ни валентностные свойства основы, сформированные с участием уже вошедших в нее префиксов, а также индифферентен к акциональности (префигированной) СВ-основы. Таким образом, мы получаем морфосинтаксически четко обозначенную сферу действия грамматического (аспектуального по семантике) словоизменения русского глагола — суффиксальной (вторичной) имперфективации.

Раздел 3 был посвящен изложению результатов диахронического корпусного исследования вторичной имперфективации русского глагола на базе НКРЯ. Основное наблюдение над выдачами корпуса сводится к тому, что вторичная имперфективация (на протяжении охваченного НКРЯ временного периода) является относительно стабильным и достаточно регулярным явлением, без сколько-нибудь явно выраженного тренда увеличения или снижения частотности образования НСВ₂. С другой стороны, нет никаких оснований утверждать, что имеются какие бы то ни было ограничения на образование вторичного имперфектива от префигированного перфектива (за исключением сформулированного С. Г. Татевосовым ограничения на третичную имперфективацию в некоторых случаях множественной префиксации, см. раздел 2). Таким образом, мы вправе ожидать появления в речи русскоговорящих даже таких вторичных имперфективов, которые на данный момент не вошли в узус (*разбуживать*, *сделывать* и т. п.). В этом же разделе на основе отсутствия в материале глаголов СВ, которые должны были бы послужить производящими формами для зафиксированных НСВ₂, была высказана гипотеза о возможности вторичной имперфективации напрямую от исходной имперфективной основы с пропуском промежуточного этапа префиксальной перфективации (редуцированная модель *травить* → *растравливать* вместо полной деривационной модели *травить* → *растравить* → *растравливать*).

Раздел 4 был посвящен обсуждению семантических отношений между НСВ₁ и НСВ₂, в первую очередь в рамках видовых биимперфективных троек. Были высказаны соображения о различиях в акциональных характеристиках первичных и вторичных имперфективов. Это различия, обусловленные в немалой степени тем, что первые являются исходными глаголами, а вторые имеют в своем морфологическом составе два аспектуальных показателя: префикс-телисизатор и имперфективирующий суффикс. Суффиксальная имперфективация дает различный эффект в зависимости от акциональности как исходного имперфектива, стоящего в начале цепочки, так и второго, перфективного звена деривации. В частности, если на этапе префигированного СВ мы получаем глагол с моментативной (пунктивной),

собственно событийной) семантикой, то суффиксальная имперфективация закономерно приводит к итеративному (или хабитуальному) значению НСВ₂. В этом случае обычные для биимперфективных троек (квази)синонимичные отношения первичного и вторичного имперфектива не возникают. Однако если на этапе префигированного СВ, подвергаемого в дальнейшем суффиксальной имперфективации, реализуется предельный процесс, то после имперфективации при его референции к единичной ситуации возникают благоприятные условия для (квази)синонимии вторичного и (исходного) первичного имперфектива, который в таком случае всегда может выступить в роли «джокера» для своего более эксплицитного и, соответственно, имеющего более сложную морфологическую структуру партнера. Необходимой предпосылкой для (квази)синонимии первичного и вторичного имперфектива в рамках биимперфективной тройки является наличие срединной стадии обозначаемой ситуации в обеих событийных структурах.

Думается, что все эти положения (если они верны) позволяют поставить вопрос о возможности альтернативного представления аспектуальной системы русского глагола. Традиционной трактовке неоднородной с точки зрения морфологии, но единой с точки зрения функционирования несовершенного вида бинарной оппозиции СВ ~ НСВ может быть сопоставлена другая, более последовательная с точки зрения как единства показателей, так и соответствия накопленным типологией сведениям об устройстве аспектуальной семантической зоны. Эскизно такой подход может быть выражен следующим образом.

Видообразование русского глагола включает в себя два существенно различных механизма. Первый связан с использованием внутренних префиксов-телисизаторов, которые, присоединяясь к исходным глаголам (состояниям и (не)предельным процессам), порождают новые лексемы, отличающиеся от исходных акциональным классом (становятся предельными процессами или событиями) и в большей или меньшей степени модифицированным лексическим значением. Префиксы-телисизаторы (делимитативный *по-* и пердуративный *про-* в их число не входят) обуславливают функциональные особенности перфективных дериватов, что является естественным при основной семантической функции этих внутренних префиксов — ввести соотношенность с пределом в те основы, в которых ее ранее не было, или уточнить семантику предела, если он был присущ и исходному первичному перфективу. Внутренние префиксы-телисизаторы представляют собой некую систему из значительного количества (около двух десятков) единиц, которые по доступной с ними сочетаемости разделяют все множество исходных первичных имперфективов (или их значений), то есть лексем в понимании Московской семантической школы) на непересекающиеся классы (см. обоснование этой точки зрения в рамках профилей радиальных категорий и семантических профилей приставок в [Янда 2012: 12—25; Janda et al. 2013: 19—115]). Таким образом, внутренние префиксы-телисизаторы ведут себя подобно именованным классификаторам, являясь их глагольными аналогами (я склонна поддержать гипотезу Л. Янды о глагольных классификаторах). Очевидно, что если ориентироваться в первую очередь на изложенный префиксальный механизм перфективации, то мы получаем ту самую специфическую модель «славянского вида».

Второй механизм, в отличие от описанного выше деривационно-словоклассифицирующего, имеет последовательно словоизменяемый характер. И это механизм суффиксальной (так называемой вторичной) имперфективации. Он получает на вход исключительно префигированные (по крайней мере единожды) глаголы СВ, использует единственный продуктивный показатель (суффикс *-(ы/и)ва-*) и производит семантическое воздействие, аналогичное свойственному граммеме прогрессива (или, несколько шире, дуратива), в том случае, если не обнаруживает «сопротивления материала». Под сопротивлением материала имеется в виду неблагоприятная для обеих граммем, направленных на высвечивание срединной стадии ситуации, но возможная для СВ-глагола акциональная характеристика моментативного (пунктивного, собственно событийного) характера. В последнем случае свойственное прогрессиву (дуративу) высвечивание срединной стадии ситуации произойти

не может (за отсутствием таковой) или в значительной степени затруднено (понадобится искусственно создать этот участок событийной структуры путем использования эффекта замедленной съемки). В результате такого неблагоприятного взаимодействия акционального класса СВ-глагола и имперфективирующего показателя реализуется значение итеративности (диахронически, по всей видимости, исходное и превалирующее при применении суффикса имперфективации к исходному первичному имперфективу). К осложнениям описанного словоизменительного механизма относится возможность множественной префиксации (см. [Татевосов 2009; 2013] и краткое изложение вопроса в разделе 2 выше).

Представляется, что предложенная модель, акцентирующая внимание на двух различных морфосинтаксических механизмах, отличается несколько большей последовательностью, чем традиционная. В ее рамках возможно двоякое описание системы: либо как совмещение в языке двух различных видовых оппозиций, либо трактовка системы как имеющей единственную грамматическую категорию вида словоизменительного характера. Категорию, располагающую механизмом, который способен порождать регулярные пары словоформ типа (префигированный) СВ — (префигированный) НСВ₂.

При реализации первой возможности ситуацию с видообразованием в русском языке нужно будет описать как параллельное существование двух явлений: деривационно-словоклассифицирующего «вида славянского типа» с объединенными в функциональные видовые пары лексемами имперфективной и перфективной семантики (НСВ₁ — СВ) и уже описанной словоизменительного характера бинарной оппозицией с исходным СВ и формой вторичного имперфектива. Семантика перфектива неизбежно окажется кластером, объединяющим в себе граммы пунктива, лимитатива, комплетива, ингрессива и, возможно, перфекта. Семантика (вторичного) имперфектива также будет кластером с совмещением аспектуальных значений прогрессива, дуратива, итератива и хабитуалиса.

В любом случае специальным образом нужно будет отмечать функциональное сходство первичного и вторичного имперфектива, обеспечиваемое тем, что и те и другие принадлежат к акциональным классам состояний, (не)предельных процессов и вторичных состояний, возникших в результате итеративизации событий (общим для всех перечисленных акциональных классов является наличие срединной стадии ситуации). Однако, если первичный имперфектив выполняет свои имперфективные функции в силу «вида лексического» (напомним, что лексический вид — синоним акциональности и объединяет явления, называемые ситуационными типами, акциональными классами, семантическими типами предикатов, аспектуально-семантическими классами, таксономическими категориями), то вторичный имеет в своей морфемной структуре специальный показатель с семантикой имперфективности, то есть представляет собой прототипический случай грамматической словоформы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Трактовка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 103—114. [Apresjan Yu. D. Interpretation of redundant aspectual paradigms in the defining dictionary. Apresjan Yu. D. *Izbrannnye trudy*. Vol. II: Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1995. Pp. 103—114.]
- Апресян 1997 — Апресян Ю. Д. Лексикографическая трактовка вида: нетривиальные случаи // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 2. М.: МАКС Пресс, 1997. С. 7—20. [Apresjan Yu. D. Lexicographical interpretation of the aspect: non-trivial cases. *Trudy aspektologicheskogo seminaru filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova*. Vol. 2. Moscow: MAKS Press, 1997. Pp. 7—20.]
- Гловинская 2008 — Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике. Глагол // Крысин Л. П. (отв. ред.). Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX—XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 189—224. [Glovinskaya M. Ya. Active processes in the grammar. The verb. *Sovremenniy russkii yazyk: Aktivnyye protsessy na rubezhe XX—XXI vekov*. Krysin L. P. (ed). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008. Pp. 189—224.]

- Гловинская 2010 — Гловинская М. Я. Потенциальные глагольные формы // Крысин Л. П. (отв. ред.). Современный русский язык: Система — норма — узус. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 171—199. [Glovinskaya M. Ya. Potential verb forms. *Sovremennyyi russkii yazyk: Sistema — norma — uzus*. Krysin L. P. (ed). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010. Pp. 171—199.]
- Горбова 2009 — Горбова Е. В. Непредельные глаголы в русском языке: единство, дихотомия или градуальность? // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2009. Т. 68. № 5. С. 3—12. [Gorbova E. V. Non-telic verbs in Russian: unity, dichotomy or graduality? *Izvestiya RAN. Ser. literatury i yazyka*. 2009. Vol. 68. No. 5. Pp. 3—12.]
- Горбова 2011 — Горбова Е. В. Видовая парность русского глагола: проблемы и решения // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 20—45. [Gorbova E. V. Aspectual pairs in the Russian verb: problems and solutions. *Voprosy jazykoznanija*. 2011. No. 4. Pp. 20—45.]
- Горбова 2014 — Горбова Е. В. Еще раз о видообразовании русского глагола: к словоизменительной трактовке вида // Russian Linguistics. 2014. Vol. 38. № 2. [Gorbova E. V. Aspect formation of the Russian verb revisited: inflectional interpretation of the aspect. *Russian Linguistics*. 2014. Vol. 38. No. 2.]
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1863—1866. [Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Russian language]: In 4 vols. St. Petersburg, 1863—1866.]
- Зализняк, Микаэлян 2010 — Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. О месте видовых троек в аспектуальной системе русского языка. Доклад на конференции «Диалог 2010» // URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/21.htm> (дата обращения — 13.07.2014). [Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. L. O meste vidovykh troek v aspektual'noi sisteme russkogo yazyka. Doklad na konferentsii «Dialog 2010» [About the place of aspectual triples in the aspectual system of the Russian language. Report at the conference «Dialogue 2010»]. Available at: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/21.htm> (address date — 13.07.2014).]
- Зализняк, Микаэлян 2012 — Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 48—65. [Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. L. On some arguable points of Laura Janda's aspectological theory. *Voprosy jazykoznanija*. 2012. No. 6. Pp. 48—65.]
- Зализняк, Шмелев 2000 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. [Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to the Russian aspectology]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]
- Зализняк и др. 2010 — Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 3—23. [Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. L., Shmelev A. D. Aspectual correlation in Russian: supporting the «aspectual pair» notion. *Voprosy jazykoznanija*. 2010. No. 1. Pp. 3—23.]
- Исаченко 2003 — Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Т I—II. М.: Языки славянской культуры, 2003. [Isachenko A. V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v сопоставlenii so slovatskim. Morfologiya* [The grammatical system of Russian versus Slovak. Morphology]. Vol. I—II. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2003.]
- Карцевский (1927) 1962 — Карцевский С. IV. 'Вид' // Маслов Ю. С. (ред.). Вопросы глагольного вида. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 218—230. [Kartsevskii S. IV. 'Aspect'. *Voprosy glagol'nogo vida*. Maslov J. S. (ed). Moscow: Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1962. Pp. 218—230.] (Karcevski 1927 — Karcevski S. *Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique*, Prague: Legiografie, 1927).
- Кронгауз 1998 — Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998. [Krongauz M. A. *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika* [Prefixes and verbs in Russian: semantic grammar]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1998.]
- Кузнецова, Янда 2013 — Кузнецова Ю. Л., Янда Л. А. Приставки в свете когнитивной лингвистики и типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 87—96. [Kuznetsova Yu. L., Yanda L. A. Prefixes from the point of view of cognitive linguistics and typology. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 4. Pp. 87—96.]
- Майсак 2005 — Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. [Maisak T. A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktсии s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [A typology of grammaticalization of constructions with motion verbs and position verbs]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2005.]

- Маслов 1965 — Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. С. 53—80. [Maslov Yu. S. A system of basic concepts and terms of the Slavic aspectology. *Voprosy obshchego yazykoznaneya*. Leningrad: Leningrad State Univ., 1965. Pp. 53—80.]
- Маслов 1978 — Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 4—44. [Maslov Yu. S. Towards the foundations of comparative aspectology. *Voprosy sopostavitel'noi aspektologii*. Leningrad: Leningrad State Univ., 1978. Pp. 4—44.]
- Маслов 1984 — Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. [Maslov Yu. S. *Ocherki po aspektologii* [Essays on aspectology]. Leningrad: Leningrad State Univ., 1984.]
- Маслов 2004 — Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур, 2004. [Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshcheye yazykoznaney* [Selected writings. Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // URL: <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Пазельская, Татевосов 2008 — Пазельская А. Г., Татевосов С. Г. Отглагольное имя и структура русского глагола // Плуноян В. А., Татевосов С. Г. (отв. ред.). Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008. [Pazel'skaya A. G., Tatevosov S. G. The deverbative noun and structure of the Russian verb. *Issledovaniya po glagol'noi derivatsii*. Plungian V. A., Tatevosov S. G. (eds). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Петрухина 2000 — Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским. М.: Изд-во МГУ, 2000. [Petrukhina E. V. *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom yazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovatskim, pol'skim i bolgarskim* [Aspectual categories of the verb in Russian versus Czech, Slovak, Polish and Bulgarian]. Moscow: Moscow State Univ., 2000.]
- Петрухина 2009 — Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М.: МАКС Пресс, 2009. [Petrukhina E. V. *Russkii glagol: kategorii vida i vremeni (v kontekste sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy)* [The Russian verb: categories of aspect and tense (in the context of recent linguistic research)]. Moscow: MAKSS Press, 2009.]
- Плуноян 2000 — Плуноян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General morphology. Introduction to the problematics]. Moscow: Editorial URSS, 2000.]
- Плуноян 2011а — Плуноян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Плуноян 2011б — Плуноян В. А. Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме) // Scando-Slavica. 2011. Vol. 57. No. 2. Pp. 290—309. [Plungian V. A. Typological aspects of the Slavic aspectology (some additions to the topic). *Scando-Slavica*. 2011. Vol. 57. No. 2. Pp. 290—309.]
- Плуноян 2012 — Плуноян В. А. Предисловие // Казанский Н. Н. (отв. ред.). Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. VIII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. СПб.: Наука, 2012. [Plungian V. A. Preface. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*. Vol. VIII. Part 2. Issledovaniya po teorii grammatiki. No. 6: Tipologiya aspektual'nykh sistem i kategorii. Kazansky N. N. (ed). St. Petersburg: Nauka, 2012.]
- Полс 1993 — Полс А. Варианты приставочных глаголов несовершенного вида в русском языке. Амстердам: Родопи, 1993. [Pols A. *Varianty pristavochnykh glagolov nesovershennogo vida v russkom yazyke* [Variants of imperfective prefixal verbs in Russian]. Amsterdam: Rodopi, 1993.]
- Ремчукова 2011 — Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2011. [Remchukova E. N. *Kreativnyi potentsial russkoi grammatiki* [Creative potential of the Russian grammar]. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: URSS, 2011.]
- Татевосов 2009 — Татевосов С. Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Киселева К. Л., Плуноян В. А., Рахилина Е. В., Татевосов С. Г. (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел, 2009. С. 92—156. [Tatevosov S. G. Multiple prefixation and anatomy of the Russian verb. *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike*. Kiseleva K. L., Plungian V. A., Rakhilina E. V., Tatevosov S. G. (eds). Moscow: Probel, 2009. Pp. 92—156.]

- Татевосов 2010 — Татевосов С. Г. Первичное и вторичное в структуре имперфективов // Казанский Н. Н. (отв. ред.). *Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Избыточность в грамматическом строе языка*. Т. VI. Ч. 2. СПб.: Наука, 2010. С. 299—321. [Tatevosov S. G. The primary and the secondary in the structure of imperfectives. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN. Izbytochnost' v grammaticheskom stroe yazyka*. Vol. VI. Part. 2. Kazansky N. N. (ed). St. Petersburg: Nauka, 2010. Pp. 299—321.]
- Татевосов 2013 — Татевосов С. Г. Множественная префиксация и ее следствия (Заметки о физиологии русского глагола) // *Вопросы языкознания*. 2013. № 3. С. 42—89. [Tatevosov S. G. Polyprefixation and its consequences (Notes on the physiology of the Russian verb). *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 3. Pp. 42—89.]
- Томмола 2008 — Томмола Х. Аспектуально-значимые способы действия. К реабилитации чистоты пары // *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XI. Язык в функционально-прагматическом аспекте*. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2008. С. 218—232. [Tommola H. Aspectually significant manners of action. Towards the rehabilitation of the pair purity. *Humaniora: Lingua Russica. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii*. Lingvistika XI. Yazyk v funktsional'no-pragmaticheskom aspekte. Tartu: Tarty Univ., 2008. Pp. 218—232.]
- Уорф 1972 — Уорф Б. Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 44—60. [Whorf B. L. Grammatical categories. *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya*. Moscow: Nauka, 1972. Pp. 44—60.]
- Ушаков — Толковый словарь русского языка. Т. 1—4 / Под. ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940. [Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1—4. Moscow, 1935—1940.]
- Храковский 2005 — Храковский В. С. Аспектуальные тройки и видовые пары // Русский язык в научном освещении. 2005. № 9. С. 46—59. [Khrakovskii V. S. Aspectual triples and aspectual pairs. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2005. No. 9. Pp. 46—59.]
- Храковский 2006 — Храковский В. С. Аспектологические заметки // Филология. Русский язык. Образование. Сборник статей, посвященный юбилею проф. Л. А. Вербицкой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 202—213. [Khrakovskii V. S. Aspectological notes. *Filologiya. Russkii yazyk. Obrazovanie. Sbornik statei, posvyashchennyi yubileyu prof. L. A. Verbitskoi*. St. Petersburg: Saint-Petersburg State Univ., 2006. Pp. 202—213.]
- Янда 2012 — Янда Л. А. Русские приставки как система глагольных классификаторов // *Вопросы языкознания*. 2012. № 6. С. 3—47. [Janda L. A. Russian prefixes as a verb classifier system. *Voprosy jazykoznanija*. 2012. No. 6. Pp. 3—47.]
- Ясай 2001 — Ясай Л. О специфике вторичных имперфективов видовых корреляций // Недялков И. В. (отв. ред.). Исследования по языкознанию. Сб. статей к 70-летию А. В. Бондарко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 106—118. [Jászay L. Specifics of secondary imperfectives of aspectual correlations. *Issledovaniya po yazykoznaniiyu. Sb. statei k 70-letiyu A. V. Bondarko*. Nedyalkov I. V. (ed). St. Petersburg: Saint-Petersburg State Univ., 2001. Pp. 106—118.]
- Barentsen 1985 — Barentsen A. A. *'Tijd', 'Aspect' en de conjunctie poka. Over betekenis en gebruik van enkele vormen in het moderne Russisch*. *Academisch proefschrift*. Amsterdam: University of Amsterdam, 1985.
- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Endresen et al. 2012 — Endresen A., Janda L. A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nessel T., Sokolova S. Russian «purely aspectual» prefixes: not so «empty» after all? *Scando-Slavica*. 2012. Vol. 58. No. 2. Pp. 231—291.
- Forsyth 1970 — Forsyth J. A. *Grammar of aspect*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Janda 2007 — Janda L. A. Aspectual clusters of Russian verbs. *Studies in Language*. 2007. Vol. 31. No. 3. Pp. 607—648.
- Janda, Korba 2008 — Janda L. A., Korba J. Beyond the pair: Aspectual clusters for learners of Russian. *Slavic and East European Journal*. 2008. Vol. 52. No. 2. Pp. 254—270.
- Janda, Lyashevskaya 2011 — Janda L. A., Lyashevskaya O. Aspectual Pairs in the Russian National Corpus. *Scando-Slavica*. 2011. Vol. 57. No. 2. Pp. 201—215.
- Janda et al. 2013 — Janda L. A., Endresen A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nessel T., Sokolova S. *Why Russian aspectual prefixes aren't empty. Prefixes as verb classifiers*. Bloomington: Slavica Publishers Indiana University, 2013.

- Maslov 1959 — Maslov J. S. Zur Entstehungsgeschichte des slavischen Verbalaspektes. *Zeitschrift für Slavistik*. 1959. Bd 4. Hft. 4. Ss. 560—568. (Переизд. в: Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур, 2004.)
- Mehlig 1994 — Mehlig H. R. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени: о категории глагольного вида в русском языке. *Revue des études slaves*. 1994. Vol. 66. No. 3. Pp. 585—606.
- van Schooneveld 1958 — van Schooneveld C. H. The so-called 'préverbes vides' and neutralization. *Dutch contributions to the Forth International congress of Slavistics*. The Hague: Mouton, 1958. Pp. 159—161.
- Tatevosov 2011 — Tatevosov S. Severing perfectivity from the verb. *Scando-Slavica*. 2011. Vol. 57. No. 2. Pp. 216—244.
- Vendler 1967 — Vendler Z. Verbs and times. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca: Cornell U. Press, 1967. Pp. 97—121.
- Verkuyl 1972 — Verkuyl H. J. On the compositional nature of the aspects. *Foundations of Language Supplementary Series*. Dordrecht: Reidel, 1972. Vol. 15.
- Verkuyl 1993 — Verkuyl H. J. Theory of Aspectuality. The Interaction between temporal and atemporal structure. *Cambridge Studies in Linguistics*. Vol. 64. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Vey 1952 — Vey M. Les préverbes 'vides' en tçèque moderne. *Revue des études slaves*. 1952. Vol. 29. Pp. 82—107.

Статья поступила в редакцию 11.08.2014.

СИНТАКСИС «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЕГО ПОЭТИЧЕСКИМИ ПЕРЕЛОЖЕНИЯМИ

© 2015 г. Н. В. Патроева

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, 185910, Россия
nvpatr@list.ru

В статье рассматривается типология синтаксических конструкций, представленных в «Слове о полку Игореве» и его поэтических переложениях, созданных В. А. Жуковским и Н. А. Заболоцким. Описание строения и семантики простых двусоставных и односоставных предложений, сложных предикативных единиц и некоторых видов синтагм, осложняющих элементарную модель предложения, осуществляется с учетом их роли в создании системы художественных образов и мотивов, а также в ритмо-мелодической организации древнерусского памятника. Грамматическое строение переложений «Слова о полку Игореве» анализируется с точки зрения соответствия синтаксису оригинального текста либо направлениям трансформации тех или иных его звеньев при переводе в поэтическую форму. Синтаксическая архитектура древнерусского памятника, очень разнообразная в отношении типологии и усложненная симметрией колонов и их звеньев, параллелизмом, повторами конструкций и их частей, инверсией, диалогическими единствами, цитатными фрагментами, метафорическими неделимыми синтагмами, асиндетоном в сочетании с богатой системой паузирования, формируемой членением текста на отдельные простые предложения или предикативные части внутри сложных целых, однородными рядами, обращениями, вербодными оборотами, сравнительными синтагмами, явилась гениальным по замыслу и исполнению предвещьем будущего «строительства» системы синтаксических норм классической русской поэтической речи, которое будет совершаться в карамзинскую и пушкинскую эпоху. Наблюдения над синтаксической структурой переложений В. А. Жуковского и Н. А. Заболоцкого показывают, что именно перевод середины XX в., будучи более вольным, чем у В. А. Жуковского, в аспекте сохранения синтаксических особенностей оригинального текста, более близок поэтической морфологии и синтаксису начала XIX в., историческим стилизациям романтиков пушкинской эпохи.

Ключевые слова: синтаксис, поэтический синтаксис, поэтическое переложение, тропы и фигуры речи, ритм, текст

SYNTAX OF 'THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN' COMPARED WITH ITS POETIC INTERPRETATIONS

Natal'ya V. Patroeva

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, 185910, Russia
nvpatr@list.ru

The article discusses the typology of syntactic constructions presented in «The tale of Igor's campaign» and its poetic versions created by V. A. Zhukovsky and N. A. Zabolotsky. The description of the structure and semantics of one-member and two-member sentences, complex predicate units and certain types of syntagmas, complicating the basic model of the proposals, participate at the analysis of artistic images and motifs, as well as a melodic-rhythmic organization of ancient monument. The grammatical structure of «The tale of Igor's campaign» poetic versions is analyzed in terms of matching the syntax of the original text or the directions of transformation of one of its units in the translation in poetic form. The syntactical architectonic of the ancient monument is very diverse typologically and complicated by the symmetry of

the columns and their links, parallelism, repetitions of structures and their parts, inversion, dialogic unity, quotation fragments, metaphorically indivisible syntagmas, asyndetons in the league with a rich system of pausing formed by the division of the text into single, simple sentences or predicate parts inside complex integrals, words of address, verbal structures, comparative syntagmas. The syntax of «The tale of Igor's campaign» was brilliant in conception and execution and heralded the future «building» of a syntactic rules system, attributed to the classic Russian poetic speech. This concept will be fulfilled in Karamzin's and Pushkin's period. The observations, made on the syntactic structure V. A. Zhukovsky's and N. A. Zabolotsky's versions, show that the translation of the mid-twentieth century is a freestyle one in comparison with Zhukovsky's experience, that is conservating syntactic features of the original text. The grammatical structure of Zabolotsky's translation really is more close to the poetic morphology and syntax of the beginning of the 19th century, and to the historical romantic stylization of Pushkin's time.

Keywords: syntax, poetic syntax, poetic translation, tropes and figures of speech, rhythm and text

Введение

За свою почти трехвековую историю отечественное языкознание накопило большой объем сведений об эволюции синтаксической системы русского языка древней, старшей и новой поры. Достаточно подробно описаны процессы формирования различных типов русского предложения, изменения в морфологическом облике и порядке расположения членов предложения, постепенное расширение и последующая дифференциация синтаксических значений падежей и многие другие явления. Однако имеющиеся данные не позволяют пока, к сожалению, представить целостную и детальную картину непрерывного поступательного движения русского грамматического строя от синтетического к аналитико-синтетическому типу, содержательного и формального обогащения системы синтаксических категорий. Для решения комплекса проблем грамматической реконструкции, очевидно, прежде всего необходимо скрупулезное и максимально полное описание синтаксиса всех сохранившихся памятников древней и старшей поры, поэтому по-прежнему актуальной остается задача, сформулированная В. В. Виноградовым еще в середине 1940-х гг.: «...сейчас крайне необходимы как синтаксические исследования по истории отдельных категорий и конструкций, так и полные всесторонние описания синтаксического строя отдельных произведений, отдельных литературных памятников» [Виноградов 1978: 173].

В этом смысле «Слово о полку Игореве» — один из самых ярких и интересных источников, к которому многократно обращались взоры исследователей русской старины. Между тем синтаксис этого древнего памятника изучен в гораздо меньшей степени, чем лексика и морфология¹. Наиболее полный анализ многих синтаксических особенностей «Слова» был осуществлен М. Н. Петерсоном [Петерсон 1937: 547—594] и С. П. Обнорским [Обнорский 1946: 164—181], выявившими особенности согласования подлежащего и сказуемого, расположение прямых и косвенных дополнений, предикативное функционирование кратких форм прилагательных и причастий, формы глагольных связок, падежные конструкции, роль местоимений, предлогов и союзов и т. д., но по преимуществу на морфологической основе, без исчерпывающего описания типологии простых и сложных предложений, используемых в памятнике XII в., и их роли в создании художественного колорита, а также особого ритма «Слова».

С целью исследования как некоторых направлений синтаксической эволюции русского грамматического строя, так и особенностей синтаксической архитектоники «Слова о полку Игореве» (в дальнейшем — СПИ), споры о поэтическом либо прозаическом характере которого ведутся уже на протяжении двух столетий, представляется интересным сопоставить синтаксическую организацию СПИ с синтаксическим строением двух его наиболее известных и талантливо исполненных переложений, созданных В. А. Жуковским и Н. А. Заболоцким.

¹ См. краткий обзор [Энциклопедия 1995: 293—296].

Сложные предложения в СПИ

Синтаксическая структура СПИ в главных своих чертах вполне соответствует общим особенностям грамматического строя древнерусских памятников: сочинительные связи и отношения (перечислительно-соединительные, со- и противопоставительные) в анализируемом тексте представлены в качестве доминирующих (в пропорции 3 : 1) в сравнении с подчинительными: так, среди двучастных сложных конструкций 20 включают сочинительный союз и только 8 — подчинительный союз или местоименный релят (см. таблицу 1 в Приложении). Однако опередивший свое время талант создателя «Игровой песни», столь очевидно являющий себя во всей образной системе произведения, в отборе лексики и фразеологии, насыщающей текст «Слова» многочисленными метонимиями, синекдохами и метафорами, богатой фольклорно-мифологической символикой, не мог не проявить себя и в оригинальном синтаксическом построении, и в неординарной ритмо-мелодической организации, и в целостной архитектонике памятника.

Синтаксическая ткань «Слова», несмотря на производимое древним шедевром общее впечатление структурной «легкости» и лаконичности, складывается большей частью из полипредикативных конструкций (см. таблицу 1; ср. с данными М. Н. Петерсона, согласно которым в СПИ простые предложения составляют 44,8 %, а сложные — 55,2 % [Петерсон 1937: 548]), и прежде всего — из соединяемых интонационно, без помощи союзов и местоимений (в качестве материала для сопоставления приведем также вывод А. Н. Котляренко о преобладании в «Задонщине» простых предложений [Котляренко 1966: 179]). По мнению авторитетных историков синтаксиса, в древнерусском языке бессоюзные предложения были не столь распространены, как в современном русском, в частности, они употреблялись значительно реже сложноподчиненных предложений (см. [Борковский 1972: 47—55]: характерные в первую очередь для живой разговорной речи с ее богатыми интонациями, бессоюзные конструкции не всегда находили структурно-семантическую аналогию в письменном тексте при той степени развития норм словорасположения, которая была свойственна древнерусскому предложению.

Между тем в СПИ, прежде всего, бросается в глаза высокий удельный вес бессоюзно оформленных сложных предложений² и однородных рядов³. «В сфере синтаксиса наряду с чертами, характерными для старейших древнерусских памятников, у СПИ имеется и несколько таких черт, которые мало похожи на древние и, напротив, порождают ощущение того, что перед нами текст подозрительно современного звучания. В наибольшей степени это относится к характерному для СПИ и столь нехарактерному для древнерусских памятников бессоюзно», — отмечает А. А. Зализняк, автор одного из последних по времени появления лингвистических монографических исследований «Слова» [Зализняк 2008: 119]. В СПИ доля бессоюзных конструкций составляет 66,4 % от общего числа всех построений — очень высокий показатель для древнерусского источника в сравнении, например, с 14 % в «Сказании о Мамаевом побоище» [Там же: 198, 288].

По нашим данным, среди двучленных сложных предложений на долю бессоюзно оформленных приходится 33 репрезентации (см. таблицу 2). Легче всего усомниться в целостности предложений, выражающих отношения перечисления, и попытаться разбить оформленные в разных изданиях «Слова» бессоюзные предложения на ряд простых. Однако тесное смысловое единство, параллелизм построения, наличие общих для нескольких частей второстепенных компонентов и частиц, местоименные повторы и отсылки, ассоциативные переклички между содержащимися в отдельных частях сложного целого образами-ситуациями не позволяют механически разъединить эти конструкции на отдельные простые предложения:

² Одним из первых обратил внимание на эту синтаксическую черту древнерусского памятника М. Н. Петерсон. См. подробнее [Петерсон 1937: 553].

³ В «Задонщине», например, однородные ряды и части сложных предложений гораздо чаще соединяются с помощью сочинительных союзов [Котляренко 1966: 174—179, 195].

Заря свѣтъ запала, / мъгла поля покрыла. / Щекоть славий успе; / говор галичь убуди [Слово о полку Игореве 1985: 31]⁴.

Немизѣ кровави брезѣ / не бологомъ бяхуть посѣяни — / посѣяни костьми рускихъ сыновъ (с. 45).

Именно бессоюзные конструкции с подобным симметрично повторяющимся построением⁵ и таким же зеркальным смысловым соотношением — по типу цепного нанизывания попарно соединяемых и сопоставляемых ситуаций — часто создают тот особый параллелизм в архитектонике «Слова», на который уже неоднократно обращали внимание исследователи «Игоревой песни» (см., например, [Еремин 1950: 120; Демкова 1979; Лихачев 1983]). В результате подобной синтаксической и ритмической дублетности, дополняемой обильными лексическими, морфологическими и фонетическими повторами, в системе СПИ возникают многочисленные ассоциативные переключки, антитезы, «эхо-повторы» [Николаева 2011: 13, 15—17].

Бессоюзные структуры участвуют в создании сближающих «Слово» с фольклорными источниками фигур сравнения по типу отрицательного параллелизма (в цитатах из Бояновых песнопений) или присоединяемого добавочного сопоставления (в авторских размышлениях):

«Не буря соколы занесе / чрезъ поля широкая — / галицы стады бѣжать / к Дону великому» (с. 28).

А не сороки втроскоташа — / на слѣду Игоревѣ ѣздить Гзакъ съ Кончакомъ (с. 50).

«Тяжко ти головы кромѣ плечю, / зло ти тѣлу кромѣ головы» — / Руской земли безъ Игоря (с. 52).

В. В. Колесов замечает по поводу отличий в ритмо-метрической и синтаксической структуре при переходе от Бояновых вкраплений в «Слове» к авторскому «песнопению»: «Все стихи-цитаты из Бояна строятся по парному принципу, что весьма характерно для древнеславянской языческой поэзии и долго еще сохранялось (в виде отрицательного сравнения) в русской народной поэзии. Напротив, если поэтический повтор принадлежит самому автору «Слова», такие стихи состоят из трех членов сопоставления, что стало обычным значительно позднее. Это еще одно свидетельство того, что автор «Слова», отталкиваясь от старой поэтической традиции, желая петь «не по замыслению Бояна», но хорошо зная эту традицию, стоит в самом истоке новой для восточных славян поэтической техники, а необходимость изменений диктуется существенными изменениями русского языка, произошедшими на протяжении XII века» [Колесов 1983: 22—23].

Более половины бессоюзных бинарных структур выражают не соединительно-перечислительные отношения, свойственные прежде всего повествовательной манере изложения, а объяснительно-пояснительные (*На рѣцѣ Каялѣ тьма свѣтъ покрыла — по Руской земли прострошася половци... Сѣ бо готьскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю: звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, деляютъ мечь Шароканю* (с. 39)), причинные (*Солнце свѣтитя на небесѣ, — Игорь князь въ Руской земли...* (с. 52)), противительно-уступительные (*Всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои?* (с. 48)), изъяснительные (*Комонь въ полуночи Овлурь свисну за рѣкою: велить князю разумети: князю Игорю не быть!* (с. 49)), соединительно-следственные (*Чръна земля подѣ копытъ костьми была посѣяна, а кровию поляна: тугою взыдоша по Руской земли* (с. 34)), целевые (*...а всядемъ, братие, на свои брѣзья томони, да позримъ синего Дону...* (с. 27)) отношения, насыщающие текст «Слова» разнообразными, часто неоднозначно дифференцируемыми, только угадываемыми и предполагаемыми смысловыми соответствиями,

⁴ Здесь и далее текст «Слова», а также его поэтические переложения цитируются по этому изданию с указанием страниц в скобках за текстом.

⁵ Параллелизм и зеркальное (хиастическое) расположение являются ведущими принципами порядка размещения предложений в «Слове» [Петерсон 1937: 563—564].

вносящими в «Игореву песнь» принадлежащие автору и героям «песни» оценки, сравнения, рассуждения, толкования. Именно бессоюзные предложения, при неразвитости в языке древней поры гибкой и богатой системы способов формального выражения гипотаксиса, оказались для создателя поэтического шедевра удобным средством экспликации значений обусловленности и пояснения, необходимых для размышления о причинах и следствиях изображаемых в «повести по былинам» исторических событий. Входящие в бессоюзные высказывания частицы (*бо, же, не, уже* и др.) также создают необходимые автору смысловые акценты, «скрытую», «теневую» [Николаева 1985: 125] семантику, придавая контексту некую аксиологическую и онтологическую «двуликость», амбивалентность⁶.

В многочисленных сложных конструкциях бессоюзные предложения составляют более половины (22 из 40 конструкций). Доля бессоюзия увеличивается благодаря присутствию в тексте сложных предложений контаминированной структуры (содержащих бессоюзно оформленные части наряду с союзным присоединением — 11 конструкций) и однородным рядам главных и второстепенных членов предложения:

Темно бо бѣ въ 3 день: / два солнца помѣроста, / оба багряная стѣла погасоста, / и съ нима молодая мѣсяца — / Олегъ и Святъславъ — / тьмою ся поволооста / и въ морѣ погуриста, / и великое буйство подаста хинови (с. 39).

Другаго дни велми рано / кровавая зори свѣтъ повѣдають; / чръныя тучя съ моря идуть, / хотяъ прикрыти 4 солнца, / а въ нихъ трепешуть сини мльнии (с. 32).

Многочастные бессоюзные предложения состоят в СПИ, как правило, из трех предикативных единиц, будучи и образно выстроены по принципу триады, что заставляет вспомнить также и о сакральном значении числа 3:

Были вѣчи Трояни, / минула лѣта Ярославля; / были плъци Олговы, / Ольга Святъславичя (с. 33).

Съ зараниа до вечера, / съ вечера до свѣта / летяъ стрѣлы каленыя, / гримлють сабли о шеломы, / трещатъ копиа харалужныя / во полѣ незнаемѣ, / среди земли Половецкыи (с. 34).

Уже снесеса хула на хвалу; / уже тресну нужда на волю; / уже врьжеса дивъ на землю (с. 39).

Уныли голоси, / пониче веселие, / трубы трубятъ городеньскийи! (с. 44).

Игорь спить, / Игорь бдить, / Игорь мыслию поля мѣрить / отъ великаго Дону до малаго Донца (с. 48).

Однако более четверти многочленных образований в «Слове» имеют в своем составе от 4 до 11 частей и создают вторгающиеся в повествование о военных событиях оценочно-интерпретирующие и описательно-панорамные контексты:

⁶ Квалификация слова *бо*, как, впрочем, и *же*, в историко-грамматической литературе и лексикографических источниках носит противоречивый характер: некоторые исследователи относят подобные лексемы к частицам, выражающим синкретичное значение и выполняющим синтаксическую функцию (см., например, [Историческая грамматика 1979: 43, 305; Колесов 1989: 247; Брукер 1990: 164; Акимова 2006: 117]), другие же — к союзам, участвующим в формировании каузативных, пояснительных, изъяснительных отношений в структуре древнерусского (см., например, [Истрина 1923: 59; Черкасова 1948: 46—68; СДРЯ, 1: 246—248; СлРЯ XI—XVII вв., 1: 252]). Поскольку частицы, количественно широко представленные в древнерусских текстах, хотя по качественному своему составу мало еще разнообразные, очевидно, раньше союзов «были осознаны как показатель текстовой коннекции и текстовой семантики» [Николаева 1978: 18] и «союзы в их современном виде есть более поздний продукт, чем частицы» [Николаева 1985: 18], мы склонны относить *бо* и *же* к переходным явлениям в системе древнерусской грамматики — частицам, находящимся в процессе превращения в союзы, но еще сохраняющим функцию актуализации, подчеркивания, в зависимости от позиции в предложении то более ярко проявляющуюся, то завуалированную уже ролью связующего звена между частями сложного целого. Ср.: *Боянь же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше, нъ своя вѣщиа прѣсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху* (с. 27) и *Почнемъ же, братие, повѣсть сию...* (с. 27); *Уже бо, братие, не веселая година вѣстала, уже пустыни силу прикрыла* (с. 35) и *Усобица княземъ на поганяя погыбе, рокота бо братъ брату: «Се мое, а то мое же»* (с. 35).

Земля тутнесть, / рѣкы мутно текуть, / пороси поля прикрывають, / стязи глаголють: / половци идуть
отъ Дона, / и отъ моря, / и отъ всѣхъ странъ рускыя плѣкы оступиша (с. 32—33).

Солнце ему тъмою путь заступаше; / нощь стонущи ему грозою птичь убуди; / свистъ звѣринь
вѣста, / збиса дивъ — / кличьть врѣху древа, / велить послушати — земли незнаемъ ... (с. 30).

Уже бо бѣды его пасеть птицъ по дубио; / вльци грозу въсрожать по яругамъ; / орли клеткомъ на
кости звѣри зовуть; / лисици брешуть на чръленыя щиты (с. 30).

Подобные предложения усложненной структуры, сочетающие в себе разные типы связей и отношений, требуют от слушателя (читателя) «Слова» внимания к каждому новому композиционному движению и ассоциативно-образному ходу мысли песнотворца:

Ти бо два храбрая Святъславлича, — / Игорь и Всеволодъ — / уже лжу убудиста которою, / ту
бѣше успилъ отецъ ихъ — / Святъславъ грозный великий киевский — / грозою: / бѣшетъ при-
трепалъ своими сильными плѣкы / и харалужными мечи, / наступи на землю Половецкую, /
притопта хльми и яругы, / взмути рѣкы и озеры, / иссуши потоки и болота (с. 36—37).

А мои ти куряни свѣдоми къмети: / подь трубами повити, / подь шеломы възлѣлѣяни, / конецъ
копия въскрѣмлени, / пути имь вѣдоми, / яругы имь знаеми, / луци у нихъ напряжени, / тули
отворени, / сабли изьострени; / сами скачуть, акы сѣрыи вльци въ полѣ, / ишучи себе чти,
а князю славѣ ... (с. 29).

Основная масса сложносочиненных структур «Слова» (20 бинарных сложносочиненных предложений, 5 трехчастных сложносочиненных, 7 — в составе многочастных структур с контаминацией сочинения и подчинения либо сочинения и бессоюзия) участвует в выражении отношений со- и противопоставления (антитеза, противопологающих князей, творящих междоусобные войны, русичей и половцев, старые времена и нынешние):

Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, / а храбрии русици преградиша чрълеными щиты
(с. 33).

А князи сами на себе крамолу коваху, / а погании сами, побѣдами нарищуше на Рускую землю, /
емляху дань по бѣлѣ отъ двора (с. 36).

...сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, / а друзии — Давидовы, / нъ розно ся имь хоботы пашуть
(с. 46).

Иногда сочинение частей подчеркивает, напротив, сходство найденных автором или перенятых им из фольклорной традиции ярких образов, объединенных в «Игровой песне» идеей скорби, печали:

Ничить трава жалошамы, / а древо с туюго къ земли преклонилося (с. 35).

Уныша бо градомъ забралы, / а веселие пониче (с. 37).

Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, / нъ часто врани граяхуть, / трупиа себѣ дѣляче, /
а галици свою рѣчь говоряхуть, / хотять полетѣти на уедие (с. 34).

Уже бо Сула не течеть сребренными струями / къ граду Переяславлю, / и Двина болотомъ течеть /
онымъ грознымъ полочаномъ / подь кликомъ поганыхъ (с. 43).

...утрѣлъ солнцю свѣтъ, / а древо не бологомъ листвие срони: / по Рси и по Сули гради подѣлиша
(с. 43).

Сочинение частей может выражать гиперболизацию происходящего и создавать в контексте некий эффект «обманутого ожидания»⁷:

Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано / у Святыя Софеи въ колоколы, / а онъ въ Киевѣ
звонъ слыша (с. 46).

Уже в древнерусский период сложносочиненные предложения с соединительными, сопоставительно-противительными и разделительными отношениями [Спринчак 1964: 16, 22; Стеценко 1977: 163; Историческая грамматика 1979: 22] способны были в качестве дополнительных семантических оттенков выражать также разные значения обусловленности. В СПИ встречается конструкция, участвующая в оформлении целевых отношений

⁷ О семантических особенностях сочинительных союзов см., например, [Урысон 2006: 22—42].

и включающая составной союз *а быхъ*, который еще сохраняет следы своего происхождения от сочетания простого сочинительного союза с изменяемой по лицам глагольной формой:

Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, / а быхъ не слала къ нему слезъ / на море рано... (с. 48).

Отношения гипотаксиса в «Слове» довольно разнообразно представлены в сложных конструкциях (в том числе бессоюзных и сложносочиненных — см. примеры, приведенные ранее), 8 из которых — бинарные сложноподчиненные предложения, 1 — трехчастное сложноподчиненное предложение; 7 репрезентаций — многочленные предложения, включающие сочинительную или бессоюзную связь наряду с подчинением:

а) с условными отношениями:

«Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, / ни нама будетъ сокольца, / ни нама красны дѣвице, / то почнуть наю птици бити / въ полѣ Половецкомъ» (с. 51).

б) с атрибутивными отношениями:

Ту нѣмци и венедици... / кають князя Игоря, / иже погрузи жиръ во днѣ Каялы... (с. 37).

в) с уступительными отношениями:

Аще и вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ, / Нъ часто бѣды страдаше (с. 46).

г) с пространственными отношениями:

Камо, турь, поскочаеше, / своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, / тамо лежать поганья головы половецкыя (с. 33).

д) с временным значением:

Коли Игорь соколomъ полетѣ, / тогда Влурь вълкомъ потече, / труся собою студеную росу: / претръгоста бо своя бръзая коноя (с. 49).

е) со сравнительно-противопоставительным придаточным:

Лице жъ бы потяту быти, / неже полонену быти... (с. 27).

Сложноподчиненные структуры используются автором «Слова» в зачине (*Боянь бо вѣщий, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакы... Тогда пуцашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй; которыи дотечаше, та предѣ пѣснь пояше — старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предѣ пѣлкы касожьскими, красному Романови Святѣславличю* (с. 26)), в собственных размышлениях об изображаемых событиях и лицах (*Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ* (с. 41); *Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостию своею...* (с. 27)), а также в прямой речи героев («...*Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ, высоко птиць възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду...*» (с. 40); «*Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами*» (с. 50—51); «*Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а въ соколица опутаевѣ красною дѣвицею*» (с. 51)). Используемые в сложноподчиненных предложениях относительные местоимения и союзы, стилистически «высокие» (*аще, камо, яко, иже*, вытесненное в дальнейшем местоименным прилагательным *который*⁸) и «сниженные» (*коли*), подтверждают выводы исследователей «Слова» о сочетании в памятнике черт книжного и разговорного синтаксиса.

⁸ Однако в древнерусский период *иже* «довольно широко (примеры с *который* единичны) используется в памятниках восточнославянской письменности...» [Древнерусская грамматика 1995: 361].

Односоставные и двусоставные конструкции в СПИ

Особый колорит придают «Слову» разные виды односоставных конструкций (34 репрезентации в качестве отдельных простых предложений, также более 30 — в структуре сложных).

То обстоятельство, что, согласно общей для древнерусской эпохи тенденции (см. [Ломтев 1956: 59; Историческая грамматика 1979: 9, 187]), в двусоставных предложениях памятника нечасто используются в качестве подлежащих морфологически «избыточные» личные местоимения 1 и 2-го лица, обуславливает широкое распространение в «Слове» определенно-личных односоставных конструкций (19 отдельных предложений, 11 — в составе сложных конструкций), которые встречаются в прямой речи героев «Игoreвой песни», а также в эмоционально насыщенных обращениях автора к князьям, поэтому в качестве предикатов подобных структур преобладают формы 2 л. индикатива или императива:

а) в речи Игоря и Всеволода:

«Братие и дружино! / ... а всядемь, братие. / на свои бръзья комони, / да позримь синего Дону» (с. 27).

«Хошу бо, — рече, — копие приломити / конец поля Половецкаго, / съ вами, русици, хошу главу свою приложити, / а любо испити шеломомъ Дону» (с. 28).

«...Съдлай, брате, / Свои бръзья комони...» (с. 29).

б) в «золотом слове» Святослава:

«О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! / Рано еста начала Половецкую землю / мечи пѣлити, / а себѣ славы искати. / Нѣ нечестно одолѣсте, / нечестно бо кровь поганую пролиясте... / Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ? / А уже не вижду власти... / брата моего Ярославла... / Нѣ рекосте: «Мужаймѣ сами: / преднюю славу сами похитимь, / а заднюю си сами подѣлимь!» (с. 39).

в) в плаче Ярославны:

«Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви, / омочю бeбрянь рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, / утру князю кровавыя его раны... (с. 47).

г) в рефрене-восклицании автора:

О Руская землѣ! уже за шеломянемъ еси! (с. 31—32).

д) в авторских обращениях к князьям:

Ярь туре Всеволодѣ! / Стоиши на борони, / прыщещи на вои стрѣлами, / гремлеши о шеломы мечи харалужными! (с. 33).

Ты, буй Рюриче, и Давыде!.. / Вступита, господина, въ злата стремень... / Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! / Высоко сѣдиши на своемъ златоконаннѣмъ столѣ.. / отворяеши Киеву врата, / стрѣляеши съ отня злата стола. / Стрѣлай, господине, Кончака... / А ты, буй Романе, и Мстиславе!.. / Высоко плаваеши на дѣло... (с. 41—42).

Иньгварь и Всеволодь, / и вси три Мстиславичи, / не худа гнѣзда шестокрилицы! / Не побѣдными жребии / собѣ власти расхътитесте!.. / Загородите полу ворота... (с. 43).

Неопределенно-личные предложения не столь активны в повествовании, где действующими лицами оказываются конкретные исторические лица. Автор «Слова» использует неопределенно-личные модели только в тех контекстах, в которых нет необходимости уточнять конкретного деятеля (при описании битв русских с половцами), или же возникает потребность «зауалировать» предполагаемого и подлежащего разгадыванию субъекта действия (в вешем сне Святослава, а также при истолковании боярами приснившегося Святославу), или для создания гиперболы:

Съ зараня в пятокъ / потопташа поганяя плъкы половекия... (с. 31).

Бишася день, / бишася другый... (с. 35).

На Немизѣ снопы стелють головами, / молотять чеши харалужными, / на тоѣ животь кладуть, / вѣють душу отъ тѣла (с. 45).

Се у Римѣ кричатъ подь саблями половецкыми... (с. 40).

«Си ночь съ вечера одѣвахуть мя... / чръною паполомою / на кровати тисовѣ; / чръпахуть ми синее вино. / съ трудомъ смѣшено; / сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинѣ / великий женчугъ на лоно / и нѣгують мя (с. 38).

«... Уже соколома крильца пригѣшали / поганыхъ саблями, / а самаю опуташа / въ путины желѣзны» (с. 39).

Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано / у Святыя Софеи въ колоколы, / а онѣ въ Киевѣ звонѣ слыша (с. 45—46).

Безличные и инфинитивные⁹ конструкции, передающие разнообразные модально-оценочные смыслы, а вместе с тем и интенции говорящего, участвуют в оформлении зачина и концовки «Игоревой песни»:

Не лѣпо ли ны бяшетъ братие, / начяти старыми словесы / трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ. / Игоря Святъславлича? (с. 26).

Начати же ся тѣй пѣсни / по былинамъ сего времени. / а не по замышлению Бояню! (с. 26).

Пѣти было пѣснь Игореву, / того внуку... / Чи ли воспѣти было, / вѣщей Бояне, / Велесовъ внуче... (с. 28).

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, / а потомъ молодымъ пѣти... (с. 54).

Включаются безличные и инфинитивные конструкции также в «чужом слове», имеющем характер «притчи или пословицы» [Буслаев 1861: 392], «припевки» из Бояна — «этих драгоценных остатков навсегда утраченного для нас целого» [Там же: 392], «золотого слова» Святослава, лирически насыщенного плача Ярославны и «жень русскихъ», диалога персонализированного Донца и князя Игоря:

«Ни хытру, / ни горазду, / ни птицю горазду / суда бо жиа не минути» (с. 46).

А чи диво ся, братие, стару помолодити? (с. 40).

Мало ли ти бяшетъ горѣ подь облакы вѣяти, / лелѣючи корабли на синѣ морѣ? (с. 47)¹⁰.

Донецъ рече: / «Княже Игорю! / Не мало ти величия, / а Кончаку нелюбия, / а Руской земли веселиа». / Игорь рече: / «О Донце! / не мало ти величия...» (с. 49).

Безличные конструкции участвуют в создании символического пейзажа (солнечного затмения):

Темно бо бѣ в 3 день... (с. 39).

Безличными и инфинитивными предложениями формируется категория негации, в этом случае тесно взаимодействующая с яркими модальными значениями невозможности и трагической предопределенности:

Не бысть ту брата Брячяслава... (с. 44).

Того старого Владимира / нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ... (с. 46).

...ни нама будеть сокольца, / ни нама красны дѣвице... (с. 51).

Также одухотворенные, эмоционально приподнятые обращения автора к князьям, подводящие печальный итог происходящему, вбирают в себя безличные и инфинитивные предложения со значением роковой неизбежности или выражающие чувства героя, мотивы поступков:

⁹ Одна из интерпретаций функционирования инфинитивных предложений в «Слове» представлена в работе [Тарланов 1990: 143—147].

¹⁰ Обстоятельный разбор «поведения» местоимений, перфектных форм и частиц в «Слове» см. в [Зализняк 2006: 3—21; 2007: 3—13].

Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода (с. 35).
 Быти грому великому, / итти дождю стрѣлами съ Дону великаго! / Ту ся копиемъ приламати, / ту ся
 саблями потручати / о шеломы половецкыя, / на рѣцѣ Каялѣ, / у Дону великаго! (с. 32).
 То было въ ты рати и въ ты плъкы, / а сицей рати не слышано! (с. 34).
 Не мыслию ти прелетѣти издалеча / огня злата стола поблюсти? (с. 41).
 А Игорева храбраго плъку не крѣсити! (с. 43).
 Не бысть ту брата Брячяслава, / ни другаго — Всеволода (с. 44).
 О, стонати Руской земли, / помянувшѣ прѣвую годину / и прѣввыхъ князей! (с. 46).
 Комонь въ полуночи Овлурь свисну за рѣкою: / велить князю разумѣти: / князю Игорю не быть!
 (с. 49).

«Слово» на всех уровнях организации пронизано так называемыми «темными местами», в которых одни исследователи видят следы «порчи» первоначального текста, другие — специально примененный автором «Слова» прием¹¹. Одно из таких «темных мест» памятника — создающая семантическую двуплановость (в отношении значения творительного падежа: субъектное или орудийное?), синтаксически неоднозначная (безличная или определенноличная?) конструкция *Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тулии затче?* (с. 48) в плаче Ярославны¹². На наш взгляд, наличие вокативной конструкции в предшествующем контексте и синтаксический параллелизм в построении плача, основанного на олицетворении сил природы, позволяют квалифицировать финал плача как определенноличную конструкцию, структурно повторяющую предшествующие:

О вѣтрѣ, вѣтрило! / Чему, господине, насильно вѣши?.. / О Днепре Словетицю!.. / Възлелѣй,
 господине, мою ладу къ мне... / Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! / Всѣмъ тепло и красно еси: /
 чему, господине, простре горячую свою лучю / на ладѣ вои? / Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ
 лучи съпряже, / тугою имъ тулии затче? (с. 47—48).

Нейтрализуется, создавая амфиболию, оппозиция безличной и личной двусоставной конструкции также в следующем контексте:

Тогда, при Олзѣ Гориславличи, / сѣяшеться и растяшеть усобицами, / погибашеть жизнь Дажь-
 божа внука... (с. 34).

Двусоставные простые предложения — тип структур, качественно и количественно наиболее широко представленный в языковой системе, но в СПИ составляющий только около трети всех высказываний с довольно жестко ограниченными функциями:

а) развертывание событий, составляющих фабулу:

Тогда Игорь възрѣ / на свѣтлое солнце / и видѣ отъ него тьмою / вся своя воя прикрыты (с. 27).
 Игорь ждеть мила брата Всеволода (с. 29).
 Игорь къ Дону вои ведеть! (с. 30).
 Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, / а въ сѣдло кощиево (с. 37).
 А Игорь князь поскочи / горнастаемъ къ тростию / и бѣлымъ гоголемъ на воду (с. 49).
 Игорь ѣдетъ по Боричеву / къ святѣй богородици Пирогошей (с. 52).

б) оформление конструкций с прямой речью (в качестве авторских ремарок):

И рече Игорь къ дружинѣ своей... (с. 27).
 И рече ему буй турь Всеволодь... (с. 29).
 Тогда великий Святъславъ / изрони злато слово / с слезами смѣшено / и рече... (с. 39).

¹¹ См. анализ «аномальных» синтаксических построений, нарушающих линейную цепочку следования членов предложения, ассоциативных «свободных присоединений», нарушающих структурную и смысловую последовательность и «прозрачность» во многих контекстах из «Слова», в работе [Гаспаров Б. 2000: 419—442].

¹² См. подробнее о дискуссии в научной литературе, касающейся квалификации данной структуры, в работе [Гин 1986: 81—86].

Мльвить Гзакъ Кончакови... (с. 50).

Рече Кончакъ ко Гзѣ... / И рече Гзакъ къ Кончакови... (с. 51).

- в) введение краткой сюжетной ретроспективы (повествование о княжеских походах и междоусобицах недавнего прошлого):

Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше / И стрелы по земли сѣяше (с. 33).

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе... / Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ повелѣтъ яти отца своего... (с. 34).

И начаша князи про малое / «се великое» мльвити, / а сами на себѣ крамолу ковати (с. 35).

Вы бо своими крамолами / начясте наводити поганья на землю Рускую... (с. 44).

- г) участие в афористически лаконичной метафоризации, гиперболизации и символизации контекста:

Храбрая мысль носить вашъ умъ на дѣло (с. 42).

Единъ же изрони жемчюжну душу / изъ храбра тѣла / чресь злато ожерелие (с. 44).

Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, / а Донъ шеломы выльяти! (с. 41).

Длъго ночь мръкнетъ (с. 31).

«Слово» насыщено восклицательными и вопросительными фразами, являющимися, вкуче с равноуровневыми повторами и параллелизмом построения синтагм, структурной усложненностью и вносящим во взволнованное размышление динамизм асиндетоном¹³, яркие черты поэтического синтаксиса, а также спонтанной живой речи¹⁴:

«Одинъ братъ, / одинъ свѣтъ свѣтлый — / ты, Игорю! / оба есвъ Святъславлича!.. (с. 29).

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. / Далече залетѣло! (с. 31).

Копиа поють! (С. 46).

А мы уже, дружина, жадни веселия! (с. 39).

Экспрессивно выразительны и эмоционально перекликаются (в том числе цитатами из Бояновых славословий) зачин и концовка памятника:

«Комони ржуть за Сулою — / звенить слава въ Киевѣ; / трубы трубятъ въ Новѣградѣ — / стоять стязи въ Путивлѣ!» (с. 28).

«Слава Игорю Святъславличю, / буй туру Всеволоду, / Владимиру Игоревичу!» / Здрави князи и дружина, / поборая за христианы / на поганья плѣки! / Княземъ слава а дружинѣ! (с. 52).

Риторические восклицания дополняются многочисленными не только в прямой речи, но и в авторском слове медитативными вопросами:

Кая раны дорога, братие, забывъ чти и живота, / и града Чрънигова отня злата стола. / и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны / свычая и обычая? (с. 33).

Что ми шумить, что ми звенить — / Далече рано предъ зорями? (с. 35)¹⁵.

Не ваю ли вои / злачеными шеломы по крови плаваша? (с. 41).

Кое ваши златыи шеломы / сулицы ляцкыи и щиты? (с. 43).

Подобные риторические, «безответные»¹⁶ вопросы — яркая особенность поэтического текста, наполняющая «Слово» лиризмом и, напротив, ослабляющая повествовательное начало памятника.

¹³ Тяготение бессоюзных предложений к использованию именно в языке поэзии отмечалось многими исследователями [Виноградов 1941: 346; Стехин 1966: 99—101; Ковтунова 1986: 189—190; Ширяев 1986: 11 и др.].

¹⁴ Гипотеза о первоначальном устном бытовании впоследствии записанного памятника изложена в работе [Гаспаров Б. 2000: 447—454].

¹⁵ О связи этого контекста с галицкими народными песнями см. [Зализняк 2008: 165].

¹⁶ Термин И. И. Ковтуновой [Поэтическая грамматика 2005: 293].

Обращения, причастные и именные синтагмы как средства ритмизации в СПИ

Грамматическая организация «Слова» свидетельствует о стремлении автора максимально насытить текст мелодически подчеркнутыми (логическим или эмфатическим акцентом, паузами) синтагмами, которые можно с точки зрения ритмо-интонационной рассматривать в качестве колонов (при параллелизме построения — изоколонов). Синтаксические изоколоны, границы которых при устном исполнении произведения отмечаются паузой, являются наиболее яркой приметой народного (былинного, песенного) стихосложения¹⁷, лишённого свойственных классическому литературному стиху графической сегментации, рифмы, изотонии и изосиллабизма. Возникающий при чередовании синтаксических изоколонов ритм, «недостаточно четкий, однако все-таки создающий ощущение мерности речи» [Москвин 2009: 17]¹⁸, в трудах по теории и истории стиха называемый «фразовым», «дисметрическим»¹⁹, формирует стих, равный синтагме-колону и характеризует так называемую «синтаксическую стопу» (в терминах А. А. Потемни), очень удобную для использования синтаксического параллелизма как приема вертикальной ритмизации текста.

Активно используемые как средства ритмизации при создании отдельных синтаксических стоп-изоколонов синтаксический повтор и инверсии в «Слове» формируются во многом благодаря таким конструкциям, как обращения, причастные и субстантивные обороты, а также сравнительные синтагмы.

Обращения (40 вокативных синтагм), представленные в речи автора и героев почти без исключения формами звательного падежа, насыщают «Игореvu песню» эмоциональными апелляциями к дружине, а также и ко всем потенциальным слушателям «Слова» (*братие* (с. 26, 27, 33, 35, 36, 40), *дружину* (с. 27, 39)), к князьям (*княже* (с. 44), *Игорю!* (с. 28), *княже Игорю!* (с. 43, 49), *Ярь туре Всеволодь!* (с. 33), *О моя сыновья, Игорю и Всеволоде!* (с. 39), *Ты, буй Рюриче, и Давыде!* (с. 41), *Осмомысль Ярославле!* (с. 41), *А ты, буй Романе, и Мстиславе!* (с. 42), *Инъгварь и Всеволодь, и вси три Мстиславичи...* (с. 43), *Ярославли вси внуце и Всеслави!* (с. 44)) и врагам русичей (*Тьмутороканьский блъван* (с. 30), *половчине* (с. 32)), «вещему» Бояну (*Бояне* (с. 28), *славлю* (с. 28)), олицетворяемым природным явлениям (*О вѣтрѣ, вѣтрило!* (с. 47), *О Днепре Словутицю!* (с. 47), *Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!* (с. 48), *О Донче!* (с. 49)) и родной земле (*О Руская земле!* (с. 31, 32)). Риторические обращения к читателю, к своим героям, к Родине сближают, наряду с антитезами и метафорами, поэтический строй памятника с традициями книжного красноречия (см. подробнее [Еремин 1950: 93—129]) и лирическим родом.

Вокативные конструкции приобретают в дополнение к апеллятивной эмоционально-оценочную функцию благодаря соседству субстантивных оборотов (20 репрезентаций в тексте «Слова»), формирующих метафорический контекст:

¹⁷ «...Системообразующим для народного стихосложения приемом является синтаксический изоколон, членящий фразы преимущественно по границам синтагм, что исключает появление резких стиховых переносов... разрывающих синтагмы. Это приводит к активизации синтаксического и, в частности, морфолого-синтаксического параллелизма, при котором в отношении симметрии вступают не только синтаксические конструкции, но и морфемы. В результате чего в концовках стихов появляются вкрапления гомеотелевтов и авторифм...», — отмечает В. П. Москвин [Москвин 2009: 289].

¹⁸ Ср. также: «Никто не сомневается, что “Слову” присущ ритмический строй, ритмическая мерность» [Якубинский 1953: 326].

¹⁹ А. П. Квятковский отмечает: «К области дисметрических форм относятся... формы народного аллитерационного стиха... библейского стиха... Здесь уместно отметить, что “Слово о полку Игореве” написано в разных формах дисметрии... В дисметрических стихах нет правильной ритмической формы, нет количественной закономерности; строки идут “естественными” пластами, без расчлененный стиха на равновеликие части» [Квятковский 2008: 17].

О Бояне, соловию стараго времени!.. / Чи ли вспѣти было, / вѣщей Бояне, / велесовь внуче... (с. 28).

Не было оно обидѣ порождено / ни соколу, / ни кречету, / ни тебѣ, чръный воронь, / поганый по-
ловчине! (с. 31—32).

Иньгварь и Всеволодь... / не худа гнѣзда шестокрильци! (с. 43).

Субстантивные обороты, не относящиеся к вокативам, также создают метафорические перифразы или включают выразительные эпитеты:

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами / на храбрыя плѣкы Игоревы (с. 32).

Стрѣлай, господине, Кончака, / поганого кощя... (с. 42).

Олговичи, храбрыи князи, dospѣли на брань... (с. 43).

Рекъ Боянь и Ходына, / Свягъславля пѣснотворца / стараго времени Ярославля, / Ольгава коганя
хоти... (с. 51).

Причастные обороты (39 репрезентаций, в основном с нечленными формами) насыщают «Игорову песню» не только дополнительными предикативными позициями, но и усиливают символический и оценочно-интерпретационный планы текстовой прогрессии:

Абы ты сиа плѣкы ущекоталъ, / скача, славию, по мыслену древу, / летая умомъ подь облакы, /
свивая славы оба полы сего времени, / рища въ тропу Трояню / чресъ поля на горы (с. 28).

Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, / ищучи себѣ чти, а князю — славы. / ...рас-
сушася стрѣлами по полю, / помчаша красныя дѣвки половецкыя... (с. 31).

Высоко плаваеши на дѣло въ буести, / яко соколъ на вѣтрехъ ширяся, / хотя птицю въ буйствѣ
одолѣти (с. 42).

О вѣтре, вѣтрило!.. / Мало ли ти бяшетъ горѣ подь облакы вѣяти, / лелѣючи корабли на синѣ
морѣ? (с. 47).

О Донце! / Немало ти величия, / лелѣявшу князя на вльнахъ, / стлавшу ему зелѣну траву / на своихъ
сребреныхъ брезѣхъ, / одѣвавшу его теплыми мѣлами / подь сѣнию зелену древу; / стрежаше
его гоголемъ на водѣ, / чайцами на струяхъ, / чрънядьми на ветрѣхъ (с. 49—50).

Единственный в «Слове» пример одиночного постпозитивного адъективного атрибута, дистанцированного от определяемого, в членной форме причастного происхождения — предвестник формирования в отдаленном от времени создания памятника будущем категории обособленных полупредикативных определений с именами прилагательными, оформление которой станет возможным в системе русского языка после завершения процесса функционального размежевания и позиционного упорядочения лево- и правостороннего размещения атрибута (см. подробнее, например, [Тарланов 2007: 299—302]), т. е. не ранее XVII в.):

Тому вѣщей Боянь / и прѣвое припѣвку, смысленый, рече... (с. 46).

Сравнительные обороты (4 репрезентации), заполняющие звенья «синтаксической стопы» или сами выступающие в качестве отдельных колонов, формируют яркие образные ряды, восходящие, очевидно, к древней фольклорной традиции:

А поганого Кобяка изъ луку моря... / яко вихрь, выторже... (с. 37).

...по Руской земли прострошася половци, / акы пардуже гнѣздо (с. 39).

Не ваю ли храбрая дружина / рыкають, акы тури, / ранены саблями калеными / на полѣ незнаемъ?
(с. 41).

Поскольку метафорические и компаративные (включающие сравнение) контексты семантически и синтаксически нечленными, метафоризацию контекста можно отнести к средствам ритмизации текста, наряду с инверсией, повторами и структурным параллелизмом. В качестве целостных комплексов внутри «Слова» функционируют и формирующие категорию интертекстуальности «цитаты» из Бояновых текстов, а также многочисленные мелодически экспрессивные фрагменты с прямой речью персонажей и диалогические единства в обращениях автора «Игоровой песни» к князьям и воинству:

И ркоша бояре князю: / «Уже, княже, туга умь полонила...» (с. 38).

...а тьи рекъ: / «Дружину твою, княже, / птицъ крылы приодѣ, / а звѣри кровь полизаша» (с. 44).

Жены руския въсплакашась, аркучи: / «Уже намъ своихъ милыхъ ладь / ни мыслию смыслити, / ни думою судмати, / ни очима съглядати, / а злата и сребра ни мало того потрепати» (с. 36).

Усобица княземъ на поганыя погыбе, / рекоста бо братъ брату: / «Се мое, а то мое же». / И начаша князи про малое / «се великое» мльвити, / а сами на себѣ крамолу ковати (с. 35).

А вьстона бо, братие, Киевъ тугою, / а Черниговъ напастьми (с. 36).

Проблема поэтического ритма СПИ

Вопрос о поэтическом либо прозаическом статусе «Слова» издавна волновал умы исследователей древнерусского шедевра. Еще А. Х. Востоков, задаваясь вопросом, «есть ли какой размер в слове о полку Игореве?» «или, как кажется, голая проза?» [Востоков 1817: 159], привел на этот счет целый ряд доводов: «...во-1-ых, неизвестно, для пенья ли сочинено сие, в подлиннике так называемое слово; или только для чтения, так как летописи и др. тех времен письменные памятники, от которых отличается оно только своею витиеватостью? Естьлиже для пенья оно сочинено, то в стихах или прозе? ... ибо и прозу можно петь. Так как мы поем наши Славянские псалмы и другие церковные стихи, никакого определенного размеру не имеющие. Наконец, почему мы можем знать, что в слове о полку Игореве не было какого-нибудь размера, который ежели бы и сохранился до нас через столько веков в настоящем своем виде (что уже весьма сомнительно) под пером.bestолковых переписчиков: то мы при всем том не только судить об нем, ни даже приметить его теперь не могли бы. За его древностью; ибо чрез 600 лет верно сколько-нибудь переменялся и прозодия языка Русского? И потому слово о полку Игореве не может иметь никакого отношения к позднему Русскому стихотворству и размеру...» [Там же: 159—160]. Востоков предложил, очевидно, первым, разбить текст «Слова» на отдельные «стихи», подобные библейским: «Может быть, таким образом яснее окажется, был ли в ней какой-нибудь размер. — Признаюсь, что я испытывал сию операцию над всей поэмой, и она у меня разделилась, без всякой принужденной растяжки и без всякой перестановки слов, на такие довольно ровные и мерные периоды или стихи» [Там же: 161].

Ф. Е. Корш, исследователь русского народного стихосложения, которое «относится к типу тоническому, т. е. ритмическое ударение в нем совпадает с прозаическим или, во всяком случае, связано с ним органически» [Корш 1896: 1], писал о подобных былинным «стихах», выделенных им в СПИ [Там же: 490—491].

П. П. Вяземский одним из первых обратил внимание на звукопись в «Игоревой песне», являющуюся характерной чертой прежде всего лиропоэтического жанра: «Необходимо также обратить внимание на значительные следы аллитерации в Русской поэме XII столетия» [Вяземский 1877: 29].

Е. В. Барсов указывал, что «Слово» «соткано на основе Боянова песнотворчества; песнь по былинам отражает в себе форму старой исторической песни на героической основе» [Барсов 1887: XVII], и автор «Игоревой песни», приводя зачины (запевы) и припевки (рефрены) из Бояна, подражал размеру древних песен, которые имели характер «не книжных произведений, а живой народной песни: оно было творчество струнное» [Там же: 303]. Эта древняя южнорусская поэзия, представителем которой, по всей видимости, был «вещий» Боян, стояла, по образному выражению Ватрослава Ягича, «на распутьи эпоса и лирики, как и теперь еще малорусские думы» [Ягич 1878: 144]; ср. [Житецкий 1877: 642—660]²⁰.

Современные исследователи памятника также находят в ритмике и построении «Слова» черты текста, написанного стихами и строфами. Так, В. В. Колесов, исследовав акцентную

²⁰ В этой рецензии на издание СПИ О. Огановским изложены собственные разыскания П. И. Житецкого в области синтаксиса, ритмики «Слова о полку Игореве», также его связи с украинскими народными думами.

и ритмическую природу «Слова», приходит к выводу о том, что памятник написан «тоническим» типом стихосложения в сочетании с древнейшим ритмическим стихом «припевом» из Бояна [Колесов 1983: 23]. В. И. Стеллецкий выделяет в «Слове» «ритмико-синтаксические единицы», объединяющиеся в 45 разных по объему «строф» (или «тирад»), согласно древней традиции дружинной поэзии, и 5 композиционных частей (вместе с зачином и концовкой), часть из которых исследователь и переводчик «Игровой песни» относит к ритмической прозе (170 строк), часть — к стихам (260 строк) [Стеллецкий 1985: 189—208].

Однако шедевр неизвестного автора создавался в ту отдаленную от нас эпоху, когда оппозиции «стихи — проза» не было, хотя уже существовали и применялись в книжном и народном поэтическом творчестве ритм и рифма в качестве средств выражения художественного замысла и мнемонических приемов (привычная для современного читателя и исследователя дихотомия «стих — проза» появилась только в XVII в. в связи с укреплением жанра «виршей»; до этой поры в сознании древнерусского человека жили другие противоположности: «текст поющий» — «текст произносимый» и «книжная словесность — народная словесность» [Гаспаров М. 1985: 264]). «Поэтому, — заключает М. Л. Гаспаров, — неправомерно навязывать древнерусской литературе современную систему классификации словесности, в которой различаются “стихи” и “проза”. Неправомерно, например, ставить вопрос, стихами или прозой написано “Слово о полку Игореве”: можно только констатировать (с сомнением!), что “Слово” написано “не для пения”...» [Там же: 264]. И все же, на наш взгляд, не случайно большинство переводов древнерусского шедевра являются не прозаическими, а поэтическими переложениями. Исследователи и переводчики «Игровой песни» видят в ней сочетание напевной и риторической интонаций: «Первая часто бывает приглушена последнею и обратно: риторическая интонация «Слова» — иная, не современная, она создается на основе и как бы в рамках напевности» [Стеллецкий 1950: 412]. Ритм как «единственный вид симметрии, воспринимаемый слухом» [Портер 2003: 13], формирующийся в «Слове» сложным чередованием, но со вполне определенной последовательностью «либо предельно сжатых, либо, наоборот, растянутых во времени» [Колесов 1983: 20] строк-рядов, и симметричная композиция, являющаяся «более устойчивой чертой поэзии, нежели метрико-ритмическая регулярность или строфика» [Эткинд 1999: 259], наряду с эвфонической организацией, разумеется, играют особую роль в создании памятника, предназначенного для устного исполнения, возможно, двумя певцами²¹, и пения по памяти. Особенности ритмо-синтаксической организации СПИ позволяют прийти к заключению о близости памятника не только традициям эпических «сказаний» или ораторской прозы, но и жанру лирической народной поэзии, о контаминации в структуре «Слова» черт исторической песни-славы и песни-хулы, былинного эпоса²², обрядового плача-причитания и необрядовой фольклорной лирической песни, заклинания и молитвы.

Синтаксис поэтического переложения «Слова о полку Игореве», созданного В. А. Жуковским

В. А. Жуковский, основатель «школы гармонической точности» (по меткому выражению Пушкина), относится к числу поэтов, глубоко осознавших связь с национальными корнями, национальной почвой, ценивших и знавших русскую историю, народную поэзию, древнюю словесность. К 1817 году — времени начала работы В. А. Жуковского над переложением

²¹ Гипотеза о диалогическом исполнении «Слова» изложена в работах [Кулаковский 1977; Лихачев 1986: 9—28].

²² С жанром былины в синтаксическом отношении «Слово» сближает преобладание сложных предложений, распространенность контекстов с прямой речью, активность повторов и, напротив, отличается от былины большой удельный вес односоставных предложений, однородных рядов (об этих особенностях синтаксиса былины см. [Тарланов 2008: 222, 276—277]).

«Слова о полку Игореве» — уже существовала стойкая традиция стихотворного переложения древнерусского шедевра: с 1803 по 1816 г. было напечатано около 30 полных поэтических переводов «Игоревой песни». Активный интерес к «Слову» был обусловлен не только сентименталистскими и романтическими веяниями в художественной литературе (интересом к самобытной славянской культуре и отечественной истории, стремлением к созданию синтетических жанров — лиро-эпических или лиро-драматических), но и патриотическим подъемом, охватившим умы русских людей в эпоху наполеоновского нашествия.

Замысел перевода «Слова» вырос прежде всего из исторических штудий Жуковского, предпринятых им поначалу в процессе работы над поэмой «Владимир». Кроме того, обращение поэта к изучению древнерусской истории, очевидно, в немалой степени было вызвано и тесным творческим и дружеским общением с Н. М. Карамзиным²³, называвшим «Игореву песнь» «особенной исторической повестью, украшенной цветами воображения и языком стихотворства» [Карамзин 1991: 392], и А. И. Тургеневым, подарившим Жуковскому экземпляр первого московского издания «Ироической песни о походе на половцов удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича...» (1800 г.), — членами «Дружеского литературного общества», в атмосфере которого «Слово о полку Игореве» воспринималось как высочайший образец истинно национальной древней русской поэзии (подробнее см. [Лихачев 1957: 66—89; Канунова 1984: 400—465]). Жуковский, близко знавший готовивших первое издание памятника Н. Н. Бантыша-Каменского и А. Ф. Малиновского, а также А. И. Мусина-Пушкина, возможно, был знаком с текстом древнего памятника еще и до появления его в печати (см. об этом предположении в работе [Тищенко 1984: 98—105]). В начале 1810-х гг. Жуковский издал труды по русской истории (Карамзина, а также труды дерптских профессоров Шлецера и Эверса в библиотеке Дерптского университета в 1810 г.), некоторые фольклорные источники, делает выписки из древнерусских памятников, в том числе из «Песни Игорю» на языке оригинала. Особый интерес к «Игоревой песне» объясняется и некоторыми обстоятельствами личной биографии «Певца во стане русских воинов»: захваченный общим патриотическим порывом, в составе Московского ополчения поручиком-добровольцем первого пехотного полка он участвовал в Бородинском сражении.

Прежде чем начать переложение древнерусского шедевра, Жуковский должен был найти метр и мелодику нового текста. По этому поводу Р. В. Иезуитова высказывает предположение о том, что отказ поэта «перевести знаменитую древнюю поэму любым из размеров современного ему русского стиха был связан с глубоким недовольством поэта теми переводами, которые появились в русской поэзии того времени... Жуковский попытался найти, уловить внутренний ритм древнего памятника — вот почему и в черновом автографе и прямо в тексте книги на ее первых страницах он набрасывает примерную схему размера» [Иезуитова 1989: 131—132].

Если сопоставить синтаксическую организацию оригинала с переложением В. А. Жуковского (см. таблицу 1), то окажется, что отступлений от исходного типа конструкции около 70, что составляет немногим более трети предложений, однако, если исключить из этого числа ситуации вполне закономерных разногласий в постановке знаков препинания²⁴ и прежде всего пунктуационные варианты, обозначающие разнящиеся в первом и последующих изданиях «Слова» границы простых и бессоюзных сложных предложений, синтаксических

²³ О работе Н. М. Карамзина над помещенным им в третий том «Истории государства Российского» прозаическим переводом «Слова о полку Игореве» см. подробно [Дмитриев 1962: 38—49].

²⁴ Б. М. Гаспаров по этому поводу отмечает: «Во многих случаях соотношение синтаксических компонентов в “Слове” носит размытый и амбивалентный характер, вполне соответствующий специфике как устного исполнения текста, так и передачи синтаксических отношений на письме в древнерусскую эпоху. Любой однозначный выбор, утверждающий постановкой того или иного знака препинания, оказывается в этих условиях искажением, поскольку он уничтожает амбивалентность и возможность симультанной интерпретации, присущие первоначальному тексту» [Гаспаров Б. 2000: 455—456], предлагая свою редакцию текста «Слова» с использованием знаков более (/) и менее (/) длительных пауз на границах синтагм вместо современной пунктуации [Там же: 479—513].

изменений уже окажется почти в два раза меньше. Очень показательным представляется то обстоятельство, что текст переложения по количеству предложений совпадает с оригиналом (см. таблицу 2): Жуковский несколько повышает, в сравнении с переводимым памятником, число двусоставных конструкций, а также увеличивает долю безличных структур, стремясь, видимо, тем самым усилить модально-оценочное начало в «Игровой песне». Выбрав очень близкий оригиналу неклассический свободный стих и ритм, но все же тяготея к большей, чем это наблюдается в оригинале, упорядоченности в числе и размещении ударных и безударных слогов, в длине строк и количестве слогов, Жуковский существенно уменьшает долю неполных двусоставных (например, *рече* (с. 28, 38) → *он рек* (с. 116, 123), *рече* (с. 50) → *примолвил он* (с. 131)) и определенно-личных односоставных предложений. В области сложных конструкций Жуковский чуть сокращает количество сложноподчиненных структур, увеличивает лишь на 2 конструкции число сложносочиненных и многокомпонентных предложений и, напротив, незначительно уменьшает долю бессоюзия (на 5 конструкций).

Первая группа грамматических изменений оригинала обусловлена естественными историческими причинами — динамикой самой синтаксической системы русского языка за почти тысячелетний период. Так, Жуковский заменяет определенно-личные конструкции двусоставными полными, вводя позицию личного местоимения 1-го или 2-го лица, бывшую избыточной с точки зрения древнерусской морфологической системы (*Рано вы стали мечами разить Половецкую землю... Не с честию вы победили... То ль сотворили вы моей серебряной седине!* (с. 124—125); ср.: *Рано еста начала Половецкую землю мечи цѣлти... Нь нечестно одолѣсте... Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ?* (с. 39—40); *Не по жеребь ли победы власть себе вы похитили?* (с. 127); ср.: *Не побѣдными жребии собѣ власти расхытисте!* (с. 43) и т. п.), или двусоставными эллиптическими предложениями с нулевым глаголом бытия, в силу исчезновения полной парадигмы у связки *быть* в настоящем времени (*О Русская земля! Уж ты за горами Далеко!* (с. 118); ср.: *О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!* (с. 31)). Кроме того, безличные предложения с глагольной связкой *было* заменяются в переложении инфинитивными с частицей *бы*: *Тебе бы песнь гласить Игорю...* (с. 116); ср. в «Слове»: *Пѣти было пѣснь Игореву...* (с. 28). Также Жуковский заменяет утративший соединительное значение союза *а* на перечислительный *и*: «*Дружину твою, князь Изяслав, Крылья птиц приодели, И звери кровь полизали!*» (с. 127); ср.: «*Дружину твою, княже, птицъ крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша*» (с. 44).

Сложноподчиненное предложение замещается сочиненным рядом или бессоюзным предложением, сочетанием двух отдельных предложений или простым предложением, осложненным обособленным оборотом, что не только подчеркивает паратаксичность как историческую черту древнего грамматического строя, но и характеризует переводчика — отличного знатока языковых древностей: *Будь ты с нами, и была бы дева по ногате, А отрок по резане* (с. 125); ср.: *Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ* (с. 41); *Начнем же, братья, повесть сию От старого Владимира до нынешнего Игоря. Натянул он ум свой крепостью...* (с. 116); ср.: *Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ старого Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостию...* (с. 27); *Греки и моравы Славу поют Святославу, Кают Игоря-князя, Погрузившего силу на дне Каялы...* (с. 123); ср.: *...ту греци и морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жирь во днѣ Каялы...* (с. 37); *Сокол ученый Птиц высоко взбивает...* (с. 125); ср.: *Коли соколь въ мытѣхъ бываает, высоко птицъ взбиваает...* (с. 40). Иногда подобные замены помогают Жуковскому избежать стилистически сниженных союзов и, напротив, внести в историческую песнь «украшающие» его причастные конструкции.

Иные замены, осуществленные Жуковским, объясняются причинами прежде всего стилистического и версификационного характера. Иногда, например, простые предложения «Слова» сливаются под пером Жуковского в единый усложненный комплекс, однородные ряды сказуемых заменяются полипредикативной единицей, что усиливает поэтическую плавность и симметричность построения речи, напевность мелодики, попутно изменяя тип управления и порядок слов во фразах:

Тогда Игорь возрел на светлое солнце, / Увидел он воинов своих, тьмой от него прикрытых, / И рек
Игорь дружине своей... (с. 116).

Ср.: Тогда Игорь възрѣ / на свѣтлое солнце / и видѣ отъ него тьмоу / вся своя воя прикрыты. / И рече
Игорь / къ дружинѣ своей... (с. 27).

Тот Олег мечом крамолу ковал, / И стрелы он по земле сеял (с. 120).

Ср.: Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше / и стрѣлы по земли сѣяше (с. 33).

Шеломы у вас латинские, под ними железные панцири! (с. 126).

Ср.: Суть бо у ваю желѣзныи паробци / подѣ шеломы латиньскими (с. 42).

Дон тебя, князя, кличет, / Дон зовет князей на победу! (с. 127).

Ср.: Донѣ ти, княже, кличеть / и зоветь князи на побѣду (с. 43).

Жуковский в некоторых контекстах заменяет двусоставные предложения односоставными безличными в стремлении подчеркнуть релевантный для романтического мышления мотив судьбы (*Черна земля под копытами Костьми была посеяна, Полита была кровию, И по Русской земле вошло бедой* (с. 121); ср.: *Чръна земля подѣ копыты костьми была посѣяна, а кровию поляна: туюго въздоша по Руской земли* (с. 34)) или интимизировать контекст, приблизив образ автора к внешнему адресату-читателю (*Вам памятно, как пели о бранях первых времен...* (с. 115); ср.: *Помняшетъ бо, рече, пѣрвыхъ времянь усобицѣ* (с. 26)).

Инфинитивное предложение со значением невозможности, предопределенности в «припевке» из Бояна замещается обобщенно-личным, широко распространенным в русских пословицах, вариантом: «*Будь хитер, будь смышлен, Будь по птице горазд, Но божьего суда не минуешь!*» (с. 128); ср.: «*Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути*» (с. 46).

Ряд простых предложений с повторяющейся структурой Жуковский предпочитает иногда простому предложению, осложненному обособленным оборотом, в целях подчеркивания тех самых «эхо-повторов», которые составляют характерную черту древнего памятника:

Мало ль подоблачных гор гор твоему веяню? / Мало ль кораблей на синем море твоему лелеяню? (с. 129).

Ср.: Мало ли ти бяшетъ горѣ подѣ облакы вѣяти, / лелѣючи корабли на синѣ морѣ? (с. 47).

Однако, если сопоставить количество вербоидных оборотов, встречающихся в «Слове» (39 репрезентаций) и переложении Жуковского (49 примеров), окажется, что при создании ритма свободного стиха потребность в наполнении строки обособленными синтагмами возникла у переводчика чаще, причем деепричастные обороты (32 примера) употребляются Жуковским в переложении в два раза активнее, чем причастные (17 примеров). Деепричастные синтагмы последовательно используются переводчиком как аналоги оборотов с краткими действительными причастиями из «Слова». Приведем случаи дополнительного к оригиналу введения Жуковским в текст переложения причастных и деепричастных конструкций в качестве синонимических замен частей сложных предложений или однородных рядов:

Чей сокол долетел — того и песнь прежде пелась: / Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу, / Сразившему Редедю перед полками касожскими... (с. 115).

Ср.: ...та преди пѣснь пояше — / старому Ярославу, / храброму Мстиславу, / иже зарѣза Редедю предѣ пѣлкы касожьскими... (с. 26).

И встала обида в силах Дажьбожиих внуков, / Девой вступя на Троянову землю... (с. 121).

Ср.: Вѣстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, / вступила дѣвою на землю Трояню... (с. 35).

Кают Игоря-князя, / Погрузившего силу на дне Каялы... (с. 123).

Ср.: ...кають князя Игоря, / иже погрузи жиръ во днѣ Каялы... (с. 37).

И половцы, копыя свои повергнув, / Главы подклонили... (с. 126).

Ср.: ...и половци сулицы своя повръгоша, / а главы своя подклониша... (с. 42).

Ты, лелея, нес суда Святославы... (с. 129).

Ср.: Ты лелѣяль еси на себѣ Святослави носады... (с. 48).

Чаще, чем автор «Слова», Жуковский прибегает к использованию обособленных приложений (30 репрезентаций, а в оригинале «Слова» — 22): в эпоху сентиментализма и романтизма процесс развития субстантивных оборотов протекал очень интенсивно, что было обусловлено не только продолжающимся углублением иерархии гипотаксических связей в строе русского предложения, но и калькированием номинативных оборотов французского языка, а также расширяющимся распространением метафорических перифраз в художественной речи карамзинской и пушкинской поры. Именно эта общепозитическая тенденция, очевидно, не могла не оказать влияния на Жуковского как виднейшего представителя «школы гармонической точности». Приложения помогают Жуковскому не только заполнить пространство строки для поддержания симметрии ударений и построения фраз в соседних стихах, но и уточнить грамматическую структуру оригинальной конструкции²⁵:

Едва уснул его мощный отец их, / Святослав грозный, великий князь киевский (с. 122).

Ср.: ...ту бяше успилъ отецъ ихъ — / Святъславъ грозный великый киевскый... (с. 36).

Дон тебя, князя, кличет, / Дон зовет князей на победу! (с. 127).

Ср.: Донъ ти, княже, кличеть / и зоветь князи на побѣду (с. 43).

Жуковский дважды использует в переложении адъективные обороты в качестве выразительных эпитетов, отступив от оригинала, написанного в ту эпоху языкового развития, когда прилагательные, в отличие от причастий, не обладали широкими возможностями присоединения зависимых слов для образования адъективных групп, к тому же при не сформировавшихся еще более строгих нормах расположения атрибутов в предложении:

Прошли времена, благоденствием обильные... (с. 122).

Ср.: ...упуди жирня времена (с. 35).

Бросил Всеслав жребий о девице, ему милой (с. 128).

Ср.: ...врже Всеславъ жребий о дѣвицу себѣ любу (с. 45).

В переложении Жуковского немногим более широко, чем в «Слове», представлены сравнительные обороты (с союзами *словно, словно как, как* на месте древних *яко и акы*):

Кричат в полночь телеги, словно распущенны лебеди... (с. 118).

И стали князья говорить про малое, как про великое... (с. 122).

Не ваша ль храбрая дружина рыкает, / Словно как туры, калеными саблями ранены, в поле незнаемом? (с. 126).

На что ж, как ковыль-траву, ты развеял мое веселие?.. (с. 129).

Синтаксические различия в оригинале и переложении объясняются в ряде случаев присутствием «темных мест» в древнерусском памятнике, потребовавших последующей конъектурной правки первого издания. Так, во фразе, описывающей «мутень сонь», *Всю ночь съ вечера бусови врани възгряху у Плъсьнска, на болони бѣша дѣбрь Кияня и не сошлю къ синему морю* (с. 38) в издании 1800 г. читаем: *Кисаню* вместо *Кияня* и *не сошлю* вместо *несоша* [Слово: Екатерининская копия 2003: 183—184]. Пользовавшийся именно этим изданием В. А. Жуковский по-своему истолковал это «темное место», изменив одновременно и синтаксическую структуру отрывка: *И с вечера целую ночь граяли враны зловещие, Слетевшись на выгон в дѣбри Кисановой... Уж не послать ли мне к синему морю?..* (с. 123). Также и в некоторых других случаях обособленные обороты появляются в переложении там, где возникает гипотетический контекст, непонятный для Жуковского из-за неверного

²⁵ По этому поводу В. И. Борковский отмечал: «Когда личное местоимение вошло в состав предложения и определенно-личное предложение превратилось в личное двусоставное предложение, была утрачена возможность подчеркнуть действующее лицо только путем постановки личного местоимения. Язык развил другие средства, которые позволяют выделить в речи 1- или 2-е лицо. Все шире начинают употребляться приложения, при этом и развернутого типа (особенно в художественных произведениях)...» [Историческая грамматика 1979: 216].

графического разделения строк древнерусского памятника на слова и словосочетания или неточного толкования смысла фраз первыми издателями и комментаторами «Слова»: *Стяги его стали ныне Рюриковы, / Другие — Давыдовы, / Нося на рогах их, воли ныне землю паиут...* (с. 129); ср.: *...бо нынѣ стаиа стязи Рюриковы, / а дружиш — Давыдовы, / нъ розно ся имъ хоботы паиуть* (с. 46), где *хоботы* — развевающиеся полотнища стягов²⁶. *К утру ж, вонзивиши трикузы, раздвигнул врата Новугороду...* (с. 128); ср.: *...с три кусы отвори врата Новуграду...* (с. 45), где *кусы* — уколы копьем²⁷. *Он, подпершись клюками, сел на коня...* (с. 128); ср.: *Тѣй клюками подпрѣ ся о кони...* (с. 45), где *клюки* следует понимать как «хитрости». *Пел Боян, песнотворецъ старого времени, / Пел он походы на Святослава, / Правнука Ярославова, сына Ольгова, супруга дщери Когановой* (с. 132); ср.: *Рекъ Боянъ и Ходына, / Святъслава пѣснотворца / стараго времени Ярослава, / Ольгова коганя хоти...* (с. 51) — в первом издании вместо *Ходына* значитесь раздельнооформленное сочетание *ходы на* [Слово: Екатеринбургская копия 2003: 204], а форма двойственного числа (*хоти*) существительного была истолкована как генитив единственного числа.

Огромная заслуга В. А. Жуковского, как показал сопоставительный синтаксический анализ, заключается в бережном сохранении каждого слова, каждого поэтического образа, в лингвистически точной и исторически достоверной передаче особенного ритмико-интонационного и грамматического строя оригинала, в стремлении сохранить самый дух памятника и все его художественные красоты в первоизданном, почти нетронутым виде, что резко выделяет это переложение на фоне предшествующих вольных интерпретаций. Поэт закончил работу над переводом «Слова» в 1819 г., но так и не отдал свое детище в печать (в 1833 г. Жуковский подарит писарскую копию своего творения А. С. Пушкину, и только в 1882 г. исследователь «Слова» Е. В. Барсов осуществит издание переложения, приписав, правда, этот труд самому Пушкину). Основатель «школы гармонической точности», используя свободный стих, лишенный рифмы, метра, равнотактности и равноударности, действительно своим ритмическим чутьем и прозорливостью намного опередил свое время, и не только по той причине, что в эпоху Серебряного века русские поэты перенесли на русскую почву верлибр (сам этот термин введен в конце XIX в. французским поэтом Гюставом Каном) как альтернативу каноническому стиху, но и потому, что одним из первых русских поэтов ввел в художественную литературу тот стих, который издавна использовался в народной поэзии. Как отмечает А. П. Квятковский, «наша народная поэзия полна многообразных форм метрического и дисметрического верлибра. Древняя поэма наша “Слово о полку Игореве” — шедевр народной полиритмии, в ней гармонично совмещаются метрические и дисметрические формы народного стиха... свободный стих, или — что то же — верлибр, — это исконная форма народной и древней русской поэзии...» [Квятковский 2008: 574—575]²⁸.

Синтаксис поэтического перевода СПИ, созданного Н. А. Заболоцким

Н. А. Заболоцкий начал работу над переложением «Слова» в 1938 г., когда отмечалось 750-летие древнерусского памятника, а завершил свой труд только в 1950 г. Особые чувства Заболоцкого к «Слову» были вызваны обстоятельствами трудной судьбы поэта, работавшего над ним в тяжелейшие годы вынужденной разлуки с близкими и друзьями. В пору народных сражений и испытаний Великой Отечественной войны, с ее величайшим героизмом и огромными потерями, смысл древнерусского памятника по-новому раскрылся поэту. Работа над переводом «Слова» стала для Заболоцкого духовным спасением, преодолением отчаяния, источником веры и надежды на лучшее будущее, о чем говорят сохранившиеся

²⁶ В первом издании: *нъ рози нося имъ хоботы паиуть* [Слово: Екатеринбургская копия 2003: 197].

²⁷ В первом издании *трикусы* [Там же: 195].

²⁸ О свободном стихе см. подробнее, например, [Федотов 2002: 303—312; Москвин 2009: 269—281].

строки писем поэта к друзьям: «Сейчас, когда я вошел в дух памятника, я преисполнен величайшего благоговения, удивления и благодарности судьбе за то, что из глубины веков донесла она до нас это чудо. В пустыне веков, где камня на камне не осталось после войны, пожаров и лютого истребления, стоит этот одинокий, ни на что не похожий собор нашей древней славы. Страшно, жутко подходить к нему. Невольно хочется глазу найти в нем знакомые пропорции, золотые сечения наших привычных мировых памятников. Напрасен труд! Нет в нем этих сечений, все в нем полно особой нежной дикости, иной, не нашей мерой измерил его художник» [Заболоцкий 1969: 166—167].

Состоявший долгие годы в переписке с Заболоцким Н. Степанов отмечал, что «Николай Алексеевич мечтал о таком переводе, который, сохраняя свою точность и научную доброкачественность, донес бы до современного читателя все великолепие и поэтическую красоту подлинника... Во всех его многочисленных разговорах о “Слове” основным мотивом являлось утверждение, что “Слово” — памятник поэтический, стиховой, и для современного читателя должен быть передан рифмованным стихом» [Работа Н. Заболоцкого 1969: 165—166]. «Надо было решить основной вопрос: стихи это или не стихи? Для XII века это было тем, что для нас является стихами. Это несомненно. Как бы художественно ни обрабатывался подстрочник, какова бы ни была частная удача... — все же его перевод не звучит для нас стихами... Поэтому я не колеблясь встал на точку зрения целесообразности тонического перевода, а встав на этот путь, без колебания принял и рифму...» [Там же: 167—168], — признавался сам поэт, отдавая при этом себе отчет в том, что «в древности картина стихосложения была другая, — там ритм определялся музыкой: при пении получалось одно, при чтении же совсем другое» [Заболоцкий 1969: 185]. Для своего переложения Н. А. Заболоцкий выбирает пятистопный хорей — размер, ранее использованный для завершения в 1869 г. перевода «Слова» А. Н. Майковым²⁹.

По свидетельству близких Заболоцкого, поэт неоднократно перечитывал произведения Жуковского (см. [Воспоминания 1984: 173]), бывшего одним из любимейших его писателей, поэтому можно также говорить о творческом влиянии на Заболоцкого и создателя «школы гармонической точности», несмотря на очевидные ритмо-метрические и иные различия двух переложений.

Прежде всего, переложения различаются в зачине и концовке, в чем проявляется разность трактовки начала и финала «Игорева песни», получившая свое отражение в предшествующей и современной переводу Заболоцкого издательской и литературно-исследовательской традициях и дискуссиях о «Слове». Так, А. С. Пушкин, работая над оставшейся незавершенной и сохранившейся в черновых записях статьей о «Слове», настаивал на том, что в самом начале «Игорева песни» «поэт говорит утвердительно», и здесь «ирония пробивается сквозь пышную хвалу» Бояну (цит. по [Цявловский 1962: 226, 235]). По этому поводу в одном из писем Заболоцкому Д. С. Лихачев замечал: «... Пушкин писал, что автор “Слова” отказывается следовать высокопарной манере Бояна и считает ее устарелой. Соответственно

²⁹ Перевод Майкова из всех прежних переложений «Слова» Заболоцкий «особенно высоко ценил» [Работа Н. Заболоцкого 1969: 166] как аналог эпического народного стиха: выбирая стихотворный метр для перевода древнерусского памятника, Майков ознакомился с трудами И. И. Срезневского, и прежде всего, очевидно, поэту была известна статья известного историка языка «Несколько замечаний об эпическом размере славянских народных песен», в которой Срезневым выдвинута гипотеза об общеславянском происхождении хорейского размера. По мнению К. Тарановского, 5-стопный хорей своеобразным ритмическим рисунком «служит для передачи динамической темы пути» [Тарановский 2000: 384], поскольку синэстетически связан с «ритмом человеческого шага» [Там же: 401], а резкая асимметричность 5-стопного стиха «соответствует душевному разладу в переживаниях, подчеркивает отсутствие внутренней гармонии» [Там же: 402] (см. также о выражении эмоций «регрессивной ценностной зоны» хореем как нисходящим размером в работе [Винарская 1989: 58—60]). Поскольку «Слово о полку Игорева» «буквально пронизано движением» [Филипповский 1986: 58] во времени и в пространстве, выбранный Майковым, а затем и Заболоцким размер точно соответствовал художественному замыслу создателя исторической песни.

он переводил и первую фразу «Слова». Он считал, что частица «ли» употреблена в этой первой фразе в утвердительном смысле. Я думаю, что Пушкин безусловно прав. Он поэтически почувствовал то, чего не почувствовали все ученые педанты до и после него» [Работа Н. Заболоцкого 1969: 171]. Кстати, именно повествовательно-восклицательной, а не вопросительной является первая фраза в издании памятника 1800 г. (см. [Ироическая песнь 1800: 1; Слово: Екатерининская копия 2003: 161]) и в переложении Жуковского, опиравшегося на версию первых издателей памятника:

Не прилично ли будет нам, братья, / Начать древним складом / Печальную повесть о битвах
Игоря, / Игоря Святославича! (с. 115).

Между тем Заболоцкий, споря с данной трактовкой начала «Игоровой песни», писал Д. С. Лихачеву: «Начинать свою песнь с поношения своего прославленного и давно умершего предка-певца — не в духе и не в стиле эпохи» [Работа Н. Заболоцкого 1969: 174], а в статье, посвященной ритмической структуре «Слова» уточнял: «Конечно, это отношение ученика, не лишённого известной неуверенности в собственных творческих силах» [Заболоцкий 1969: 177—178]. Поэтому Заболоцкий интерпретирует первую фразу «Игоровой песни» как вопросительное обращение к снискавшим славу и уважение поэтическим традициям прошлого за советом в поисках собственной манеры изложения:

Не пора ль нам, братья, начать / О походе Игоровом слово, / Чтоб старинной речью рассказать /
Про деянья князя удалого? (с. 134).

Столь же различны и трактовки финала в двух переложениях. Если Жуковский, в соответствии с авторитетной для него версией первых издателей «Слова» (см. [Ироическая песнь 1800: 46; Слово: Екатерининская копия 2003: 206]), понимает последний используемый создателем исторической песни союз как сопоставительный и включает слово *аминь* в состав сложносочиненного предложения (*Слава князьям, а дружине аминь!* (с. 133)), считая, что финал вбирает в себя не только прославление князей, но и мотив скорби о погибшей в боях с половцами дружине, то Заболоцкий настаивает на более оптимистической интерпретации заключительной формульной фразы и на прочтении союза *а* в качестве соединительного, свойственного древнерусской речи: *Слава князьям и дружине слава!* (с. 161).

Синтаксис переложения, выполненного Заболоцким, гораздо более сложен, чем синтаксическая архитектура «Слова» и перевода Жуковского, и не отражает стремления автора к сохранению архаических черт грамматической организации в переводе: Заболоцкий употребляет на 20 сложных предложений больше (см. таблицу 2), чем автор оригинала и его переводчик эпохи «золотого века» русской литературы, при этом в два раза превышает долю сложноподчиненных конструкций и, за счет незначительного сокращения примеров бессоюзия, несколько усиливает роль сочинительных связей в тексте. В дополнение к присутствующим в оригинале условным, уступительным, атрибутивным и пространственным отношениям между главной и придаточной частями Заболоцкий использует сложноподчиненные предложения со значением цели, времени, сравнения, изъяснения, местоименно-соотносительные:

И не зная, что сулит судьбина, / Князь промолвил: «Братья и дружина!.. (с. 137).

И бежит молва про удалого, / Будто он, на Русь накликав зло, / Из седла, несчастный, золотого /
Пересел в кощеево седло... (с. 146).

Шли они на полчища врагов. / Чтоб отмстить за наши пепелища (с. 149).

Старый сокол, хоть и слаб он с виду, / Высоко заставит птиц лететь... (с. 149).

Вы из древней выскочили славы, / Коль решили честью пренебречь (с. 153).

Лишь заря займется на поутру, / Ярославна, полная печали, / Как кукушка, кличет на юру... (с. 156).

Кличет Див, как половец в дозоре... (с. 138).

Слава всем, кто, не жаля сил, / За христиан полки поганых бил! (с. 161).

Только 30 % бессоюзных конструкций выражают в творении Заболоцкого перечислительные отношения, остальные поэт насыщает разнообразными следственными, изъяснительными, объяснительными, причинными, распространительно-атрибутивными смыслами:

Стяги плещут: половцы идут! (с. 140).

А куряне славные — / Витязи исправные: / Родились под трубами, / Росли под шеломами... (с. 136).

Но, взглянув на солнце в этот день, / Подивился Игорь на светило: / Середь бела дня ночная тень / Ополченья русские прикрыла (с. 137).

Спит гнездо бесстрашное Олега — / Далеко продвинулось оно! (с. 139).

Да князья помочь мне не хотят, / Мало толку в силе молодецкой... / И Владимир в ранах, чуть живой, — / Горе князю в сече боевой! (с. 149).

Не ко благу дерево листья уронило: / Поганое войско грады поделило (с. 152).

Мрак стоит над Русскою землей: / Горько ей без Игоря одной (с. 160).

В среднем в каждое третье многокомпонентное сложное предложение, то есть в два раза чаще, чем создатель «Слова» и Жуковский, Заболоцкий вводит гипотаксические связи, иногда прибегая к использованию периода:

О Боян, старинный соловей! / Приступая к вешему напеву, / Если б ты о битвах наших дней / Пел, скача по мысленному древу; / Если б ты, взлетев под облака, / Нашу славу с дедовскою славой / Сочетал на долгие века, / Чтob прославить сына Святослава; / Если б ты Трояновой тропой / Средь полей помчался и курганов, — / Так бы ныне был воспет тобой / Игорь-князь, могучий внук Троянов... (с. 135).

... И едва / Смолк Овлур, как от ночного гула / Вздрогнула земля, Зашумела трава, / Буйным ветром вежи всколыхнуло (с. 158).

И, когда дремал он под листовою, / Где царила сумрачная мгла, / Страж ему был гоголь над водою, / Чайка князя в небе стерегла (с. 159).

В сфере сложносочиненных предложений у Заболоцкого в отступление от оригинального текста существенно меньше доля сопоставительно-противопоставительных отношений и активнее группа соединительно-следственных и перечислительных значений, например:

А враги на Русь несутся тучей, / И повсюду бедствие и горе (с. 144).

Подобно Жуковскому, но еще более последовательно Заболоцкий сокращает число определенно-личных конструкций, заменяя их двусоставными с личными местоимениями-подлежащими, чуть усиливает роль инфинитивных и безличных конструкций (в том числе в составе сложных целых), а также риторически-вопросительных, восклицательных и отрицательных предложений для повышения эмоциональности звучания и степени диалогичности повествования:

Князь великий Всеволод! Доколе / Муки нам великие терпеть? / Не тебе ль на суздальском престоле / О престоле отчем порадеть? (с. 149).

Но уж прежней славы больше с нами нет... / По Суле, по Роси счету нет врагу (с. 152).

Старого Владимира уж нет (с. 155).

Вот где копыям русским преломиться. / Вот где саблям острым притупиться, / Загремев о вражеский шлем! (с. 140).

Нет конца их ликованью... (с. 148).

И с тех пор житья нам нет от лютой / Половецкой проклятой земли! (с. 153).

Чтob ворота Полю запереть, / Вашим стрелам время зазвенеть / За Русскую землю, / За Игоревы раны — / Удалого сына Святославича! (с. 152).

Заболоцкий в качестве единственного исключения использует в описательном контексте номинативное предложение бытийно-указательного значения, отступая в этом от исторически достоверного отражения грамматической структуры древнерусского текста³⁰:

Вот уж полночь (с. 158).

³⁰ Выполняющие обычно художественно-описательную функцию в современном русском литературном языке и потому стилистически маркированные бытийные номинативные предложения не были еще развившейся категорией в древнерусскую эпоху: именительным падежом, обычно в сочетании с частицами и междометиями, могли выражаться эмоционально-оценочные смыслы;

Ближе к оригиналу, чем Жуковский (см. таблицу 2), Заболоцкий оказывается в привлечении неполных (с отсутствующим подлежащим) и эллиптических (с нулевым сказуемым) двусоставных конструкций (например: *Вот где славы прадедовской гром!* (с. 149); *А не всем рекам такая слава* (с. 159)).

Гораздо более существенные отличия от «Слова» и его перевода, выполненного Жуковским, наблюдаются в сфере осложненного предложения: оставляя, как и Жуковский, неизменным число обращений в тексте, Заболоцкий заметно сокращает количество причастных оборотов (до 12 в сравнении с 39 в оригинале и 17 у Жуковского) и субстантивных синтагм — поясняющих перифразов (также до 12, в то время как в оригинале их более 20, а у Жуковского свыше 30), но зато резко увеличивает удельный вес деепричастных синтагм (75 репрезентаций, т. е. в два раза больше, чем у Жуковского, причем иногда с устаревшими формами: *Птиц бия* (с. 144), *Потряся искрометным рогом* (с. 144), *Все ручьи соседние пожрав* (с. 159), *Соколом ширяясь сквозь туман* (с. 151) и др.), подчеркивающих мотив движения во времени и в пространстве, динамизирующих повествование, и адъективных групп, выполняющих функцию выразительных эпитетов, в том числе с краткими формами прилагательных, которые обладают архаической окраской в современном русском языке и являются приметой традиционно-поэтического синтаксиса³¹ (13 примеров у Заболоцкого, в сравнении с 1 в оригинале и 2 у Жуковского):

...прославим Игоря, который, / *Напрягая разум, полный сил,* / Мужество избрал себе опорой... (с. 135).

Так седлай же борзых коней, брат! / *А мои, давно готовы к бою,* / Возле Курска под селом стоят (с. 136).

Свист зверей несется, *полон гнева...* (с. 138).

Выбрав в поле место для ночлега / И нуждаясь в отдыхе давно, / Спит гнездо бесстрашное Олега — / *Далеко подвинулось оно! / Залетело, храброе,* далече... (с. 139).

Сравнительные обороты также используются Заболоцким более активно (12 конструкций), чем в оригинале и в переводе Жуковского:

Тот Боян, исполнен дивных сил, / *Приступая к вещему напеву...* / *Как орел,* под облаком парил... (с. 134).

И, как барсы лютые, на нас / *Кинулись поганные с войною* (с. 147).

Сам всю ночь, *как зверь,* блуждал в тумане, / *Вечер — в Киеве, до зорь — в Тмуторокани,* / *Словно волк,* напав на верный путь, / *Мог он Хорсу бег пересягнуть* (с. 155).

В отличие от Жуковского, Заболоцкий вводит в текст переложения две вводные конструкции, представленные лексемами с народнопоэтической коннотацией и хорошо известные русскому языку если не древней, то уже старшей поры во вводном употреблении:

Знать, на кости русские скликают / *Зверя кровожадные орлы...* (с. 138).

У Софии в Полоцке, *бывало,* / *Позвонят к заутрене...* (с. 155).

многочисленной группой были только номинативные заголовки (предложенческий статус которых не всегда признается грамматистами, а происхождение связывается с двусоставными конструкциями: например, А. А. Потебня относил подобные заголовочные комплексы к неполным двусоставным предложениям [Потебня 1888: 79]). Приводимые А. М. Сабениной [Историческая грамматика 1979: 298—300] примеры из «Слова», включающие, наряду с номинативом, форму дательного падежа, очевидно, точнее было бы квалифицировать как двусоставные эллиптические предложения с пропуском сказуемого — глагола бытия, к которому (а не к подлежащему) по смыслу и функционально тяготеет косвенное дополнение (*Туга и тоска сыну Глѣбову!*) или формульные, с ослабленной членностью предложения, фразеологизированные приветствия и пожелания (*Княземъ слава а дружинѣ!*; *Слава Игорю Святъславличю...!*).

³¹ Об использовании подобного рода конструкций поэтами пушкинской поры см. подробнее [Патрова 2002: 78—92].

Вводные слова как носители разнообразных модальных смыслов — редкое явление в древнерусских памятниках, однако начало формированию категории субъективной модальности уже и в эту отдаленную эпоху было положено использованием форм изъявительного и повелительного наклонений глагола *рещи* (в СПИ встречается форма *рече*), которая с течением времени «перестает восприниматься в живой речи... становится показателем введения в текст чужой речи, т. е. своеобразным модальным словом» [Спринчак 1960: 215]. Например, в «Слове»:

Помняшьть бо, рече, / пьрвыхъ времянь усобищѣ (с. 26).
...крычатъ тѣлѣгы полунощы, / рци, лебеди роспушени (с. 30).

Стилистической и синтаксической новацией Заболоцкого-переводчика «Слова о полку Игореве» являются также примеры сегментированной и парцеллированной речи, примененные поэтом XX в. с целью акцентуации особенно важных в смысловом отношении отрезков высказывания и оптимизации читательского восприятия песни:

*Игорь-князь и Всеволод отважный — / Святослава храбрые сыны — / Вот ведь кто с дружиною
бесстрашной / Разбудил поганых для войны!* (с. 145).
*И тебе ли, тур, скорбеть о ранах, / Если жизнь не ценишь ты свою! / Если ты на ратном этом
поле / Позабыл о славе прежних дней, / О златом черниговском престоле, / О желанной Гле-
бовне своей!* (с. 141).

Богатство и разнообразие поэтического синтаксиса переложения Заболоцкого не только позволяет создать особую ритмо-мелодическую палитру и придать повествованию характер то стремительного движения, то взволнованно-эмоционального монолога, то окрашенного в минорные ноты размышления, но и создать сам опорный каркас стиха, подчиненного заданному размеру, подчеркнуть горизонтальные и вертикальные связи в архитектонике поэтического текста, сложный синтаксис которого, насыщенный однородными рядами и обособленными синтагмами, полипредикативными конструкциями и обращениями, поддерживается постоянством метрического рисунка и композиционной симметрией, грамматическим параллелизмом и различными типами повторов, столь широко представленных в оригинале:

Вспала князю эта мысль на ум — / *Искусить неведомого края, / И сказал он, полон ратных дум, /
Знаменем небес пренебрегая: / «Копие хочу я преломить / В половецком поле незнакомом, /
С вами, братья, голову сложить / Либо Дону зачерпнуть шеломом!»* (с. 137).
*Укрепив носилки между выюков, / Святополк отца увез в печали, / На кронях угорских убаюкав. /
Прозван Гориславичем в народе, / Князь Олег пришел на Русь как ворог (с. 142).*
*И сам, прирублен саблею каленой, / В чужом краю, среди кровавых трав, / Кипучей кровью в битве
обагренный, / Упал на щит червленый, простонав...* (с. 153).
*Князь могучий полоцкий Всеслав / Кинул жребий, в будущее глянув, / О своей любимой загадав. /
Замышляя новую крамолу, / Он опору в Киеве нашел...* (с. 154).
*В горностая-белку обратясь, / К тростникам помчался Игорь-князь / И поплыл, как гоголь, на
волне, / Полетел, как ветер, на коне. / Конь упал, и князь с коня долой, / Серым волком скачет
он домой. / Словно сокол, вьется в облака, / Увидав Донец издалека. / Без дорог летит и без пу-
тей, / Бьет к обеду уток-лебедей. / Там, где Игорь соколом летит, / Там Овлур, как серый волк,
бежит, / Все в росе от полуночных трав, / Борзых коней в беге надорвав (с. 158).*

Если сравнить размер предложения в обоих переводах «Слова», то окажется, что Жуковский в более чем 50 % репрезентаций предпочитает размещать предикативную единицу в границах 1 или 2 строк (предложения, равные по протяженности 3 и 4 стихам, составляют здесь только четверть от 207 конструкций); напротив, Заболоцкий активно использует предложения объемом в 4 стиха, в два раза реже — длиною в 2 стиха, что в гораздо большей степени соответствует традиционному для русской лирики размеру предложения, совпадающего, в согласии с некой подсознательной поэтической «инерцией», чаще всего с объемом самого распространенного типа строфы — катреном (что отражает гармонию

ритма и синтаксиса в классических стихах). Единичными случаями в обоих переложениях представлены конструкции, занимающие от 8 до 14 строк.

Переложения отличает также и частотность переносов из строки в строку: у Жуковского — 63 примера на 544 строки, у Заболоцкого в пространстве из 700 строк — 140 переносов, из них более 10 довольно резких, не совпадающих с границами синтагм, таким образом, в переложении Жуковского в среднем используется 1 анжамбман на 9 строк, у Заболоцкого — 1 перенос на 5 строк. Если Заболоцкий, подчеркивая движение во времени и в пространстве, усиливает роль переносов, то Жуковский стремится на пространстве более длинных строк (используемых, например, в известных поэту записях русских былин и, как правило, совпадающих с границами синтаксических единиц) выдержать мерность и плавность ритмического рисунка при переложении лиро-эпического монументального полотна. Поскольку в «Слове» чередуются контексты взволнованно-динамические и фрагменты с ретардацией повествования, перед поэтами-переводчиками «Игровой песни» всегда вставала проблема определения длины строки³², и ритмо-синтаксический выбор, сделанный Заболоцким, явно отличается от предложенного ранее Жуковским решения, хотя интуитивное тяготение поэта пушкинского времени к длинным строкам, почти лишенным анжамбманов, очевидно, в большей степени соответствует ритмо-мелодическому замыслу³³ создателя «Слова».

Синтаксические особенности переложения, сближающего Заболоцкого, питомца русской классики, с автором «Слова о полку Игореве», наследником Бояновых традиций, отражают стремление поэта XX в. подчеркнуть идею преемственности традиций великой древней и новой русской литературы.

Заключение

Неповторимый, изменчивый в зависимости от композиционного движения ритм СПИ подерживается прежде всего оригинальной синтаксической архитектурой памятника, очень разнообразной с точки зрения типологии и усложненной в аспекте устройства: симметрией расположения колонов и их звеньев, параллелизмом, повторами конструкций и их частей, инверсией, диалогическими единствами, цитатными фрагментами, метафорическими неделимыми синтагмами, асиндетоном в союзе с богатой системой паузирования, формируемого членением текста на отдельные простые предложения или предикативные части внутри сложных целых, однородными рядами, обращениями, причастными и именными оборотами, сравнительными синтагмами. Поэтический синтаксис «Слова» — гениальное по замыслу и исполнению, намного опередившее свое время в отношении особенностей грамматической архитектуры предвесье будущего «строительства» системы синтаксических

³² См. рассуждения В. И. Стеллецкого на тему выбора длины строки при разбиении «Слова» на ритмические отрезки: «...традиционное деление на короткие строки разрушает напевность, присутствующую “Слову”... Членение перевода на короткие отрывки, как мне указал проф. Л. И. Тимофеев, явилось препятствием к дальнейшему приближению ритма перевода к ритмическому строю подлинника... Первой задачей, которую необходимо было разрешить в целях изучения ритмики “Слова”, прежде всего, естественно, явилась задача разделения текста на ритмические периоды. Это деление хотелось проделать не на слух, а руководствуясь какими-либо объективными критериями. После того, как они были найдены и поставленная мною задача была выполнена, я приступил к моему второму переводу. В древнерусском тексте оказалось найденных таким образом 497 строк, т. е. на 239 строк меньше, чем в моем первом переводе и только на 57 строк менее, чем у Жуковского; стало быть, строки древнерусского текста, найденные с помощью объективных критериев, оказались во многих случаях значительно более длинными, чем традиционные... Когда я окончил свой второй перевод, я убедился, что у этого нового перевода имеется только один определенный предшественник, а именно перевод Жуковского» [Стеллецкий 1950: 412—413].

³³ О ритмической организации СПИ см. [Никифоров 1940: 214—250; Штокмар 1941: 65—82; Тимофеев 1963: 88—104; Стеллецкий 1964: 27—40; Picchio 1972: 147—162].

норм классической русской поэтической речи, которое будет совершаться в пушкинскую эпоху под пером поэтов «школы гармонической точности».

Как показали наблюдения над синтаксической структурой переложений В. А. Жуковского и Н. А. Заболоцкого, перевод середины XX в. является более вольным в отношении сохранения синтаксических особенностей оригинального текста в сравнении с переложением Жуковского. Однако грамматический строй переложения Заболоцкого, продолжавшего классические традиции русской лирики в новых условиях, очень близок поэтической морфологии и синтаксису начала XIX столетия, историческим стилизациям романтиков пушкинской эпохи, а также созданным в то же время первым переложениям «Игровой песни». Заболоцкий, найдя органично соответствующие содержанию «Слова» ритм и мелодику, сохранив основные художественные особенности автора древнерусского шедевра (богатство лексики и фразеологии, повторы, параллелизм, тропику, риторические фигуры, образную систему, приемы диалогизации и усиления эмоционального начала в лиро-эпическом жанре), прибегает в своем оригинальном переводе к той степени архаизации языка, которая в сознании современного ему читателя будила, наряду с нравственно-патриотическими и эстетическими чувствами, аллюзии, отсылающие к столь любимому самим поэтом «золотому веку» отечественной поэзии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Синтаксические конструкции в «Слове о полку Игореве»
и его поэтических переложениях

№ предложения в СПИ	«Слово о полку Игореве»	№ строки в издании [Слово 1985] ³⁴	Перевод Жуковского	Перевод Заболоцкого
1	Безличное ОПП	1—3	Безличное ОПП	СПП
2	Инфинитивное ПП	3—4	Инфинитивное ПП	Инфинитивное ОПП
3	СПП	5—7	СПП	Двусоставное ПП
4	БСП	7—8	МСП (5)	Двусоставное ПП + ССП + МСП (3)
5	МСП (4)	8—12		
6	БСП	13—15	МСП (3)	МСП (3)
7	СПП	16—20	Определенно-личное ОПП + БСП	СПП
8	Двусоставное ПП	21—22	МСП (3)	БСП + СПП
9	Двусоставное ПП	22—23		
10	МСП (4)	23—26 ³⁵	СПП + определенно-личное ОПП	СПП + двусоставное ОПП
11	ССП	26—27	ССП	ССП
12	БСП	27—30	Определенно-личные ПП + ОПП	Двусоставное ОПП
13	Неполное двусоставное ПП	28	Двусоставное ПП	

³⁴ В издании [Слово 1985], в отличие от цитируемого в основной части статьи издания [Слово о полку Игореве 1985], строки пронумерованы, что облегчает поиск предложений по указанному в первом столбце номеру; расхождения в пунктуационном оформлении предложений, выявленные при сопоставлении изданий [Слово о полку Игореве 1985] и [Слово 1985], оговариваются в последующих сносках.

³⁵ В издании [Слово 1985] здесь два предложения: сложноподчиненное и сложносочиненное.

Таблица 1 (продолжение)

№ предложения в СПИ	«Слово о полку Игореве»	№ строки в издании [Слово 1985]	Перевод Жуковского	Перевод Заболоцкого
14	Двусоставное ОПП	31—34	Двусоставное ОПП	МСП (5)
15	Безличное ПП	35	Инфинитивное ОПП	
16	БСП	37	БСП	БСП
17	Безличное ПП	37—38	МСП (6)	Инфинитивное ПП
18	МСП (4)	38—40		МСП (4)
19	Двусоставное ПП	41		Двусоставное ПП
20	Двусоставное ПП	41—42	Двусоставное ПП	Двусоставное ПП
21	БСП	42—43	БСП	Двусоставное ПП + БСП
22	ССП	43—45	ССП	Неполное двусоставное ОПП + БСП ++ МСП (6) + неполное двусоставное ОПП
23	МСП (11)	45—50	МСП (7)	
24	Двусоставное ПП	51—52	Двусоставное ПП	БСП
25	МСП (6)	52—57	МСП (3) + БСП	МСП (6)
26	БСП	57—59	Двусоставное ПП + БСП	ССП
27	Двусоставное ПП	60		МСП (8)
28	МСП (4)	60—63 ³⁶	МСП (4)	
29	Определенно-личное ОПП	63	Эллиптическое двусоставное ПП	Эллиптическое двусоставное ПП
30	Двусоставное ПП	64	МСП (5)	Двусоставное ПП
31	БСП	64—65		Двусоставное ПП + МСП (3)
32	БСП	65—66 ³⁷		
33	Двусоставное ОПП	66—67	Двусоставное ОПП	Двусоставное ОПП
34	МСП (3)	68—71	Двусоставное ОПП	Двусоставное ОПП + БСП
35	Неопределенно-личное ПП	71—73 ³⁸	ССП	
36	Эллиптическое двусоставное ПП	74—75	Эллиптическое двусоставное ПП	Двусоставное ОПП
37	Двусоставное ПП	76	БСП	БСП
38	Неполное двусоставное ПП	77		
39	Двусоставное ОПП	77—79	Двусоставное ОПП	МСП (5)
40	БСП	79—81	ССП	ССП
41	МСП (3)	82—84	МСП (3)	ССП + двусоставное ПП
42	БСП	85 ³⁹	2 инфинитивных ПП	МСП (3)
43	БСП	86—88	БСП	БСП

³⁶ В издании [Слово 1985] здесь два предложения: простое и трехчленное бессоюзное.

³⁷ В издании [Слово 1985] здесь одно четырехчастное бессоюзное предложение.

³⁸ В издании [Слово 1985] здесь одно четырехчастное сложное предложение.

³⁹ В издании [Слово 1985] здесь два простых инфинитивных предложения.

Таблица 1 (продолжение)

№ предложения в СПИ	«Слово о полку Игореве»	№ строки в издании [Слово 1985]	Перевод Жуковского	Перевод Заболоцкого
44	Определенно-личное ОПП	88	Эллиптическое двусоставное ПП	Двусоставное эллиптическое ПП
45	Двусоставное ОПП	89—90	Двусоставное ОПП	МСП (3)
46	МСП (6)	90—93 ⁴⁰	Двусоставное ПП + МСП (3) + двусоставное ПП	МСП (5)
47	ССП	94—95	ССП	ССП
48	МСП (3)	96—98	МСП (5)	Двусоставное ПП
49	СПП	98—100		СПП
50	Двусоставное ОПП	100—101		МСП (3) + парцеллят
51	Двусоставное вопросительное ОПП	102—104		
52	МСП (3)	105—106	МСП (3)	МСП (3)
53	Двусоставное ПП	106—108	ССП	Двусоставное ОПП
54	МСП (3)	108—111	Двусоставное ПП + ССП	ССП
55	Двусоставное ПП	111—114	ССП	Двусоставное ОПП
56	Двусоставное ПП	114—116	Двусоставное ПП	Двусоставное ОПП
57	БСП	116—119	Безличное ПП + БСП	БСП
58	МСП (3)	119—123	МСП (4)	МСП (5)
59	ССП	123—124	ССП	ССП
60	МСП (3)	124—127	МСП (3)	ССП + МСП (3) + ССП
61	БСП	127—129	ССП	ССП
62	БСП	129—130	БСП	БСП
63	БСП	130—132	Двусоставное ПП + безличное ПП	Двусоставное ОПП + определенно-личное ПП + безличное ПП
64	МСП (3)	132—133	МСП (3)	МСП (4)
65	МСП (4)	133—137 ⁴¹	МСП (4)	
66	ССП	137—138	ССП	ССП
67	БСП	139—140	БСП	МСП (3) + неполное двусоставное ОПП
68	БСП	140—143	Двусоставное ОПП + БСП + МСП (3)	
69	БСП	143—145		
70	ССП	145		
71	Двусоставное ПП	145—147	МСП (3)	Двусоставное ПП
72	Двусоставное ПП	147—148 ⁴²		ССП
73	Двусоставное ОПП	149	Двусоставное ОПП	Двусоставное ОПП
74	Инфинитивное ПП	150	Инфинитивное ПП	Инфинитивное ПП

⁴⁰ В издании [Слово 1985] здесь два предложения: четырехчленное бессоюзное и двухчастное сложносочиненное.

⁴¹ В издании [Слово 1985] здесь два предложения: простое и трехчленное бессоюзное.

⁴² В издании [Слово 1985] здесь одно многочастное предложение с вкраплениями прямой речи.

Таблица 1 (продолжение)

№ предложения в СПИ	«Слово о полку Игореве»	№ строки в издании [Слово 1985]	Перевод Жуковского	Перевод Заболоцкого
75	ССП	150—152	Двусоставное ОПП	ССП
76	Двусоставное ОПП	153	Двусоставное ОПП	Двусоставное ОПП
77	ССП	154—156	ССП	Инфинитивное ПП + двусоставное вопросительное ПП + МСП (4)
78	ССП	157—158	МСП (4)	МСП (3)
79	БСП	158—159		
80	ССП	160—162	ССП	
81	МСП (7)	163—173 ⁴³	СПП + МСП (3) + двусоставное ПП + двусоставное ОПП	Двусоставное ОПП + БСП
82	ССП	170—173		Двусоставное ПП
83	СПП	173—176	Двусоставное ОПП	СПП
84	Двусоставное ПП	176—177	Двусоставное ПП	МСП (3) + СПП + ССП
85	ССП	178	МСП (3)	ССП
86	Двусоставное ПП	179	Двусоставное ПП	МСП (3)
87	Неполное двусоставное ПП	181	Двусоставное ПП	Двусоставное ОПП
88	МСП (3)	179—184	МСП (3)	Неопределенно-личное ПП + БСП
89	Двусоставное ПП	184—185	Двусоставное ПП	ССП
90	БСП	185—187	Двусоставное ОПП + инфинитивное ПП	Двусоставное ПП
91	Двусоставное ПП	188	Двусоставное ПП	Двусоставное ОПП
92	БСП	188—191 ⁴⁴	БСП	Двусоставное вопросительное ПП
93	ССП	191—193	БСП	2 двусоставных ПП
94	МСП (4)	193—197	Двусоставное ПП + МСП (3)	ССП + БСП
95	БСП	197—198	Двусоставное ПП + ССП	МСП (3)
96	МСП (3)	199—200	МСП (3)	МСП (5)
97	БСП	200—202	БСП	Двусоставное ПП + неполное двусоставное ПП + БСП
98	Двусоставное ОПП	203	Двусоставное ПП	Двусоставное ОПП
99	Двусоставное ОПП	204—205	Двусоставное ОПП	Двусоставное ОПП
100	Определенно-личное ПП	206—207	Двусоставное ПП	Двусоставное ОПП + двусоставное ПП
101	Определенно-личное ПП	207—208	Двусоставное ПП	Двусоставное ПП

⁴³ В издании [Слово 1985] здесь два простых предложения и одно пятичленное бессоюзное.⁴⁴ В издании [Слово 1985] здесь два простых предложения.

Таблица 1 (продолжение)

№ предложения в СПИ	«Слово о полку Игореве»	№ строки в издании [Слово 1985]	Перевод Жуковского	Перевод Заболоцкого
102	Двусоставное ПП	208—210	Двусоставное ПП	Двусоставное ПП
103	Определенно-личное вопросительное ПП	210	Двусоставное восклицательное ПП	Двусоставное вопросительное ОПП
104	Определенно-личное ПП	211—214	Определенно-личное ПП	МСП (3) + МСП (3) + номинативное ПП
105	Двусоставное ОПП	214—216	Двусоставное ОПП	
106	Определенно-личное ПП	216	Двусоставное ПП	Двусоставное ПП
107	МСП (3)	216—217	Двусоставное ПП	Двусоставное ПП
108	Безличное вопросительное ОПП	218	Безличное ПП	Безличное вопросительное ПП
109	МСП (3)	218—220	БСП	СПП + БСП
110	МСП (3)	220—221 ⁴⁵	Двусоставное ОПП + двусоставное ПП	
111	ССП	222—223	ССП	Двусоставное ПП
112	Эллиптическое двусоставное ПП	223	Эллиптическое двусоставное ПП	БСП
113	Инфинитивное вопросительное ПП	224—225	Эллиптическое двусоставное ПП + определенно-личное вопросительное ПП	2 инфинитивных вопросительных ПП
114	Двусоставное ПП	226—227	МСП (4)	МСП (3) + МСП (3)
115	МСП (3)	227—228		
116	Двусоставное ПП	228—229	ССП	Двусоставное ПП + двусоставное вопросительное ПП + двусоставное вопросительное ОПП
117	Двусоставное вопросительное ПП	230—231		
118	Двусоставное вопросительное ОПП	231—233	Двусоставное вопросительное ОПП	Двусоставное вопросительное ОПП
119	Определенно-личное побудительное ОПП	233—235	Определенно-личное побудительное ОПП	Определенно-личное ОПП
120	БСП	236—240	МСП (4)	3 двусоставных ПП
121	МСП (3)	240—242		МСП (3)
122	Определенно-личное побудительное ОПП	242—244	Определенно-личное побудительное ОПП	Определенно-личное ОПП
123	Двусоставное ПП	245—246	МСП (3)	ССП
124	Определенно-личное ОПП	246—248		
125	Двусоставное ПП	248—249	БСП	МСП (4) + БСП
126	ССП	249—252	ССП	

⁴⁵ В издании [Слово 1985] здесь двучленное бессоюзное и простое предложения.

Таблица 1 (продолжение)

№ предложения в СПИ	«Слово о полку Игореве»	№ строки в издании [Слово 1985]	Перевод Жуковского	Перевод Заболоцкого
127	МСП (3)	252—254	МСП (4)	Безличное ПП + двусоставное ПП + БСП + безличное ПП
128	Инфинитивное ПП	255 ⁴⁶		Инфинитивное ПП
129	Двусоставное ОПП	255—256	БСП	Двусоставное ОПП
130	Двусоставное ОПП	256—257	Двусоставное ОПП	Двусоставное ОПП
131	Определенно-личное ПП	259—260	Двусоставное вопросительное ОПП	БСП + двусоставное вопросительное ПП
132	Двусоставное эллиптическое вопросительное ПП	260—261	Двусоставное эллиптическое вопросительное ПП	Двусоставное эллиптическое вопросительное ПП
133	Определенно-личное побудительное ОПП	261—263	Определенно-личное побудительное ПП	СПП
134	ССП	264—266	БСП	2 двусоставных ПП
135	МСП (3)	267—271	МСП (3)	2 двусоставных ОПП
136	ССП	271—272	ССП	ССП
137	Безличное ПП	273	Безличное ПП	Двусоставное ПП
138	Двусоставное ПП	274—275 ⁴⁷	Двусоставное ПП	Двусоставное ОПП + двусоставное ПП
139	МСП (3)	275—276	МСП (3)	МСП (3)
140	БСП	277—278	БСП	2 определенно-личных побудительных ПП
141	Определенно-личное ПП	278—279 ⁴⁸	Двусоставное ПП	СПП + ССП
142	Двусоставное ПП	279—280		
143	Двусоставное ПП	281 ⁴⁹		
144	Двусоставное ПП	282—283	Двусоставное ОПП	Двусоставное ПП + двусоставное ОПП
145	Двусоставное ПП	283—285	Двусоставное ОПП	Двусоставное ОПП
146	МСП (5)	285—289	Двусоставное ОПП	Двусоставное ПП + двусоставное ОПП
147	Неопределенно-личное ПП	289—291	Неопределенно-личное ПП	МСП (3) + ССП + БСП
148	БСП	291—292	БСП	
149	БСП	293—296	МСП (4)	МСП (4)
150	ССП	296—298	ССП	МСП (3) + МСП (3) + ССП

⁴⁶ В издании [Слово 1985] здесь одно четырехчастное предложение.

⁴⁷ В издании [Слово 1985] здесь одно бессоюзное сложное предложение.

⁴⁸ В издании [Слово 1985] здесь одно трехчастное бессоюзное предложение.

⁴⁹ В издании [Слово 1985] здесь одно сложноподчиненное предложение.

Таблица 1 (продолжение)

№ предложения в СПИ	«Слово о полку Игореве»	№ строки в издании [Слово 1985]	Перевод Жуковского	Перевод Заболоцкого
151	СПП	298—299	СПП	
152	Двусоставное ОПП	299—300	Двусоставное ПП	
153	Инфинитивное ОПП	300—301	ССП	Двусоставное ПП
154	Инфинитивное ОПП	302—303	Инфинитивное ОПП	Инфинитивное ОПП
155	МСП (4)	303—306	Безличное ПП + МСП (4)	Безличное ПП + ССП + двусоставное вопросительное ПП + МСП (4)
156	Двусоставное ПП	306 ⁵⁰		
157	БСП	307—308	БСП	Двусоставное ОПП
158	Неполное двусоставное ПП	308	Неполное двусоставное ПП	
159	МСП (3)	308—310	МСП (3)	Двусоставное ОПП + МСП (3)
160	Двусоставное ОПП	311	Двусоставное ОПП	СПП
161	Определенно-личное вопросительное ОПП	312	Определенно-личное вопросительное ОПП	Двусоставное вопросительное ОПП
162	Определенно-личное вопросительное ОПП	313—314	Двусоставное вопросительное ПП	Безличное вопросительное ПП
163	Безличное вопросительное ОПП	314—315	2 безличных ПП	Двусоставное ОПП
164	Определенно-личное вопросительное ОПП	316	Двусоставное вопросительное ОПП	Двусоставное вопросительное ОПП
165	Двусоставное ОПП	317—318	Двусоставное ОПП	СПП
166	Двусоставное ПП	318—319	МСП (4)	Двусоставное ПП + МСП (3)
167	Двусоставное ПП	319—320		
168	СПП	320—322		
169	Двусоставное ОПП	322—323	Двусоставное ОПП	СПП
170	БСП	324—325	БСП	Безличное ПП + 2 двусоставных вопросительных ПП
171	Определенно-личное вопросительное ПП	325—326 ⁵¹	Двусоставное вопросительное ПП	
172	БСП	327	МСП (3)	Двусоставное ПП + БСП
173	Двусоставное ПП	328—329 ⁵²		
174	Двусоставное ПП	329—330	Двусоставное ПП	Двусоставное ПП + БСП + двусоставное ПП
175	МСП (3)	330—332	БСП	
176	МСП (3)	332—333 ⁵³	МСП (3)	Двусоставное ПП + определенно-личное ОПП + МСП (4)
177	МСП (3)	333—335	МСП (3)	

⁵⁰ В издании [Слово1985] здесь одно сложное предложение из пяти частей.⁵¹ В издании [Слово1985] здесь одно простое и одно трехчленное бессоюзное предложение.⁵² В издании [Слово1985] здесь одно трехчленное бессоюзное предложение.⁵³ В издании [Слово1985] здесь два простых предложения.

Таблица 1 (окончание)

№ предложения в СПИ	«Слово о полку Игореве»	№ строки в издании [Слово 1985]	Перевод Жуковского	Перевод Заболоцкого
178	Двусоставное ПП	335—336	МСП (5)	Двусоставное ОПП
179	Неполное двусоставное ПП	336—337		МСП (3) + 2 неполных двусоставных ПП + МСП (3) + ССП
180	Неполное двусоставное ПП	338—339 ⁵⁴		
181	МСП (3)	340—342	МСП (3)	
182	Двусоставное ПП	342	Двусоставное ПП	Двусоставное ОПП
183	Безличное ПП	343—344	Безличное ПП	2 двусоставных ОПП
184	Двусоставное ПП	344	Эллиптическое двусоставное ПП	Двусоставное ПП
185	МСП (3)	344—349	Безличное ПП	Безличное ОПП
186	МСП (3)	349—351	Двусоставное ПП	Двусоставное ПП
			БСП + 2 двусоставных ПП	Эллиптическое двусоставное ПП + ССП + МСП (3)
187	Двусоставное ПП	352	Двусоставное ПП	
188	ССП	353	ССП	
189	БСП	354—355	БСП	
190	МСП (4)	355—357	МСП (6)	МСП (4)
191	БСП	357—358		
192	Двусоставное ПП	358—359	Двусоставное ПП	Двусоставное ПП
193	СПП	359—360	СПП	МСП (3)
194	Двусоставное ПП	360—361	Двусоставное ПП	Двусоставное ПП
195	СПП	361—362	СПП	МСП (3)
196	Двусоставное ПП	362—363	Двусоставное ПП	Двусоставное ПП
197	МСП (4)	363—365	МСП (4)	МСП (3)
198	Двусоставное ОПП	366—367	Двусоставное ОПП	СПП
199	МСП (3)	368—369	МСП (3) + двусоставное ПП + безличное ПП	МСП (3)
200	МСП (4)	369—371 ⁵⁵	БСП + МСП (3)	БСП + двусоставное ОПП
201	Двусоставное ПП	372—373		Двусоставное ПП
202	БСП	373	БСП	ССП
203	Инфинитивное ОПП	374—375	МСП (5)	МСП (3)
204	Клишированное ПП	375—376		
205	Клишированное ПП	376—377		
206	Клишированное ОПП	377	Клишированное ОПП	Клишированное ОПП
207	Нечленимое П	378	ССП	Клишированное ПП

⁵⁴ В издании [Слово1985] здесь одно предложение с однородным рядом сказуемых.

⁵⁵ В издании [Слово1985] здесь два бессоюзных сложных предложения.

Таблица 2

**Частотность разных типов синтаксических структур
в «Слове о полку Игореве» и его поэтических переложениях**

Тип конструкции	«Слово о полку Игореве»	Перевод Жуковского	Перевод Заболоцкого
Двусоставное ПП	44	41	53
Двусоставное ОПП	19	26	36
Неполное двусоставное ПП	5	1	1
Неполное двусоставное ОПП	—	—	5
Эллиптическое двусоставное ПП	3	6	4
Эллиптическое двусоставное ОПП	—	2	—
Определенно-личное ПП	10	3	3
Определенно-личное ОПП	9	7	3
Неопределенно-личное ПП	1	1	1
Безличное ПП	4	9	7
Безличное ОПП	3	2	1
Инфинитивное ПП	4	5	5
Инфинитивное ОПП	3	2	3
Номинативное ПП	—	—	1
ССП	20	22	26
СПП	8	6	16
БСП	33	29	27
МСП	40	41	49
Клишированные, с ослабленной членимостью П	4	4	2
<i>Итого</i>	207	207	243

Условные сокращения:

- ПП — простое предложение;
- ОПП — осложненное обращениями, причастными и именными оборотами простое предложение;
- ССП — сложносочиненное предложение из двух частей;
- СПП — сложноподчиненное предложение из двух частей;
- БСП — бессоюзное сложное предложение из двух частей;
- МСП — многочленное сложное предложение (с указанием количества частей в скобках: 3 и более).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Акимова 2006 — Акимова Э. Н. Реализация категории обусловленности в языке памятников письменности русского средневековья (XI—XVII вв.). Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2006. [Akimova E. N. *Realizatsiya kategorii obuslovlennosti v yazyke pamyatnikov pis'mennosti russkogo srednevekov'ya (XI—XVII vv.)* [Manifestation of the category of conditionality in the language of the Russian medieval literary texts (XI—XVII centuries)]. Saransk: Mordovian Univ., 2006.]
- Барсов 1887 — Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как памятник Киевской дружинной Руси. Т. 1—3. Т. 1. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1887. [Barsov E. V. «*Slovo o polku Igoreve*» kak pamyatnik Kievskoi druzhinnoi Rusi [The Igor Tale as a literary masterpiece of Kievian druzhina Rus']. In 3 vol. Vol. 1. Moscow: Univ. Printing House. (M. Katkov), 1887.]
- Борковский 1972 — Борковский В. И. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Бессоюзные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными. М.: Наука, 1972. [Borkovskii V. I.

- Sravnitel'no-istoricheskii sintaksis vostochnoslavjanskikh jazykov. Bessoyuznye predlozheniya, sopostavlyаемые so slozhnopodchinennymi* [Comparative historical syntax of East Slavic languages. Conjunctionless sentences compared with sentences with subordinate conjunctions]. Moscow: Nauka, 1972.]
- Брукер 1990 — Брукер Н. И. Конструкции цепного нанизывания с синтаксической частицей *же* // Семантика и прагматика языковых единиц. Душанбе: ТГУ, 1990. С. 163—174. [Bruker N. I. Chain stringing constructions with the syntactic particle *zhe*. *Semantika i pragmatika jazykovykh edinit*. Dushanbe: Tajik State Univ., 1990. Pp. 163—174.]
- Буслаев 1861 — Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: В 2 т. Т. 1. СПб.: Типогр. товарищества «Общественная польза», 1861. [Buslaev F. I. *Istoricheskie ocherki russkoi narodnoi slovesnosti i iskusstva* [Historical essays of the Russian folklore and art]. In 2 vol. Vol. 1. St. Petersburg: Obshchestvennaya Pol'za Partnership Printing House, 1861.]
- Винарская 1989 — Винарская Е. Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). М.: Высшая школа, 1989. [Vinarskaya E. N. *Vyrazitel'nye sredstva teksta (na materiale russkoi poezii)* [Expressive means of the text (based on Russian poetry)]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1989.]
- Виноградов 1941 — Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М.: ГИХЛ, 1941. [Vinogradov V. V. *Stil' Pushkina* [Pushkin's writing style]. Moscow: Gos. Izd. Khudozhestvennoi Literatury, 1941.]
- Виноградов 1978 — Виноградов В. В. О задачах истории русского литературного языка // В. В. Виноградов. Избр. труды: История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. С. 152—178. [Vinogradov V. V. The goals of the history of the Russian Standard language. Vinogradov V. V. *Izbr. trudy: Istoriya russkogo literaturnogo yazyka*. Moscow: Nauka, 1978. Pp. 152—178.]
- Воспоминания 1984 — Воспоминания о Н. Заболоцком. М.: Советский писатель, 1984. [*Vospominaniya o N. Zabolotskom* [Memoirs about N. Zabolotsky]. Moscow: Sovetskii Pisatel', 1984.]
- Востоков 1817 — Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении. СПб.: Морская типография, 1817. [Vostokov A. Kh. *Opyt o russkom stikhoslozhenii* [An essay concerning Russian versification]. St. Petersburg: Morskaya Tipografiya, 1817.]
- Вяземский 1877 — Вяземский П. П. «Слово о полку Игореве». Исследование о вариантах. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншала, 1877. [Vyazemskii P. P. «*Slovo o polku Igoreve*». *Issledovanie o variantakh*. [The Igor Tale. Study of the variants]. St. Petersburg: A. Transhal Tip. i Khromolit, 1877.]
- Гаспаров Б. 2000 — Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М.: Аграф, 2000. [Gasparov B. M. *Poetika «Slova o polku Igoreve»* [Poetics of the Igor Tale]. Moscow: Agraf, 2000.]
- Гаспаров М. 1985 — Гаспаров М. Л. Оппозиция «стих — проза» и становление русского литературного стиха // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. М.: Наука, 1985. С. 264—277. [Gasparov M. L. “Verse — prose” opposition and evolution of the Russian literary verse. *Russkoe stikhoslozhenie. Traditsii i problemy razvitiya*. Moscow: Nauka, 1985.]
- Гин 1986 — Гин Я. И. К истолкованию финала плача Ярославны // Исследования «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1986. С. 81—86. [Gin Ya. I. Towards the interpretation of the end of Yaroslavna's lamentations. *Issledovaniya «Slova o polku Igoreve»*. Likhachev D. S. (ed.). Leningrad: Nauka, 1986. Pp. 81—86.]
- Демкова 1979 — Демкова Н. С. Повторы в «Слове о полку Игореве». К изучению композиции памятника // Русская и грузинская средневековые литературы. Л.: Наука, 1979. С. 59—73. [Demkova N. S. Reiterations in the Igor Tale. Towards study of the text composition. *Russkaya i gruzinskaya srednevekovye literatury*. Leningrad: Nauka, 1979. Pp. 59—73.]
- Дмитриев 1962 — Дмитриев Л. А. Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 18. М.; Л., 1962. С. 38—49. [Dmitriev L. A. N. M. Karamzin and the Igor Tale. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 18. Moscow; Leningrad, 1962. Pp. 38—49.]
- Древнерусская грамматика 1995 — Древнерусская грамматика XII—XIII вв. / Отв. ред. В. В. Иванов. М.: Наука, 1995. [*Drevnerusskaya grammatika XII—XIII vv.* / Отв. ред. В. В. Иванов. М.: Наука, 1995.]
- Еремин 1950 — Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // «Слово о полку Игореве»: сб. ст. и исследований. М.; Л., 1950. С. 93—129. [Ermin I. P. The Igor Tale as a literary text of Kievan Rus' politic eloquence. «*Slovo o polku Igoreve*»: *sbornik statei i issledovanii*. Moscow; Leningrad, 1950. Pp. 93—129.]
- Житецкий 1877 — Житецкий П. И. [Zhitetskii P. I.]. Ueber das russische Lied von Igors Heereszug. *Archiv fuer slavische Philologie*. Bd 2. Berlin, 1877. Ss. 642—660.
- Заболоцкий 1969 — Заболоцкий Н. А. К вопросу о ритмической структуре «Слова о полку Игореве» // Вопросы литературы. 1969. № 1. С. 176—188. [Zabolotskii N. A. The rhythmical structure of the Igor Tale revisited. *Voprosy literatury*. 1969. No. 1. Pp. 176—188.]

- Заболоцкий 1972 — Заболоцкий Н. А. Избр. произведения: В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1972. [Zabolotskii N. A. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]: In 2 vol. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1972.]
- Зализняк 2006 — Зализняк А. А. Можно ли создать «Слово о полку Игореве» путем имитации // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 3—21. [Zaliznyak A. A. Can one create the Igor Tale by means of imitation? *Voprosy jazykoznanija*. 2006. No. 5. Pp. 3—21.]
- Зализняк 2007 — Зализняк А. А. Еще раз об энклитиках в «Слове о полку Игореве» // Вопросы языкознания. 2007. № 6. С. 3—13. [Zaliznyak A. A. Enclitics in the Igor Tale revisited. *Voprosy jazykoznanija*. 2007. No. 6. Pp. 3—13.]
- Зализняк 2008 — Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. [Zaliznyak A. A. «*Slovo o polku Igoreve*»: *vzglyad lingvista* [The Igor Tale through linguist's eyes]. 3rd edition, enlarged. Moscow: Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi, 2008.]
- Иезуитова 1989 — Иезуитова Р. В. Жуковский и его время. Л.: Наука, 1989. [Iezuitova R. V. *Zhukovskii i ego vremya* [Zhukovskii and his time]. Leningrad: Nauka, 1989.]
- Ироическая песнь 1800 — «Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича...». М.: В Сенатской типографии, 1800. [«*Iroicheskaya pesn' o pokhode na polovtsov udel'nogo knyazu Novgoroda-Severskogo Igorya Svyatoslavicha*...». Moscow: V Senatsoi Tipografii, 1800.]
- Историческая грамматика 1979 — Борковский Б. И. (ред.). Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М.: Наука, 1979. [Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Slozhnoe predlozhenie. Moscow: Nauka, 1979.]
- Истрина 1923 — Истрина Е. С. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Пг. Рос. гос. акад. тип., 1923. [Istrina E. S. *Sintaksicheskie yavleniya Sinodal'nogo spiska I Novgorodskoi letopisi* [Syntactic phenomena of the Synodal copy of the 1st Novgorod Chronicle]. Petrograd: Ros. Gos. Akad. Tip., 1923.]
- Канунова 1984 — Канунова Ф. З. Русская история в чтении и исследованиях В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. 1. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984 [Kanunova F. Z. Russian history in Zhukovskii's reading and studies. *V. A. Zhukovskii Library in Tomsk*. Part 1. Tomsk: Tomsk Univ., 1984.]
- Карамзин 1991 — Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. Т. 2—3. М.: Наука, 1991. [Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [History of the Russian state]: In 12 vol. Vol. 2—3. Moscow: Nauka, 1991.]
- Квятковский 2008 — Квятковский А. П. Ритмология. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. [Kvyatkovskii A. P. *Ritmologiya* [Rhythmology]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2008.]
- Ковтунова 1986 — Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. [Kovtunova I. I. *Poeticheskii sintaksis* [Poetic syntax]. Moscow: Nauka, 1986.]
- Колесов 1983 — Колесов В. В. Ритмика «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. 1983. Т. 37. С. 14—24. [Kolesov V. V. Rhythmics of the Igor Tale. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. 1983. Vol. 37. Pp. 14—24.]
- Колесов 1989 — Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. [Kolesov V. V. *Drevnerusskii literaturnyi yazyk* [Old Russian Literary Language]. Leningrad: Leningr. Univ., 1989.]
- Котляренко 1966 — Котляренко А. Н. Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л.: Наука, 1966. С. 128—198. [Kotlyarenko A. N. A comparative study of some grammar features of Zadonshchina and the Igor Tale. «*Slovo o polku Igoreve*» i *pamyatniki Kulikovskogo tsikla*. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. Pp. 128—198.]
- Корш 1896 — Корш Ф. Е. О русском стихосложении // Изв. Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1896. Т. 1. Кн. 1. С. 1—45. [Korsh F. E. About the Russian versification. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi akademii nauk*. 1896. Vol. 1. Book 1.]
- Кулаковский 1977 — Кулаковский Л. В. Песнь о полку Игореве: Опыт воссоздания модели древнего мелоса. М.: Сов. композитор, 1977. [Kulakovskii L. V. *Pesn' o polku Igoreve: Opyt vossозdaniya modeli drevnego melosa* [The Igor Tale: An attempt of reconstruction of the ancient melos model]. Moscow: Sov. Kompozitor, 1977.]
- Лихачев 1957 — Лихачев Д. С. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: АН СССР, 1957. Т. 13. С. 66—89.

- [Likhachev D. S. History of the Igor Tale editing in the end of the XVIII century. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1957. Vol. 13. Pp. 66—89.]
- Лихачев 1983 — Лихачев Д. С. Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве» // Русская литература. 1983. № 4. С. 9—21. [Likhachev D. S. Poetics of reiteration in the Igor Tale. *Russkaya literatura*. 1983. No. 4. Pp. 9—21.]
- Лихачев 1986 — Лихачев Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // Д. С. Лихачев (отв. ред.). Исследования «Слова о полку Игореве». Л.: Наука, 1986. С. 130—144. [Likhachev D. S. A hypothesis of dialogic composition of the Igor Tale. *Issledovaniya «Slova o polku Igoreve»*. Likhachev D. S. (ed.). Leningrad: Nauka, 1986. Pp. 130—144.]
- Ломтев 1956 — Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1956. [Lomtev T. P. *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka* [Essays on the historical syntax of the Russian language]. Moscow: Moscow State Univ., 1956.]
- Москвин 2009 — Москвин В. П. Теоретические основы стиховедения. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. [Moskvin V. P. *Teoreticheskie osnovy stikhovedeniya* [Theoretical foundations of verse study]. Moscow: Librokom, 2009.]
- Никифоров 1940 — Никифоров А. И. Проблема ритмики «Слова о полку Игореве» // Учен. зап. Лeningradского пед. ин-та им. М. Н. Покровского. Л., 1940. Т. 14. Вып. 2. С. 214—250. [Nikiforov A. I. Rhythmics of the Igor Tale. *Uchenye zapiski Leningradskogo ped. in-ta im. M. N. Pokrovskogo*. Leningrad, 1940. Vol. 14. No. 2. Pp. 214—250.]
- Николаева 1978 — Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы (вступит. ст.) // Николаева Т. М. (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. С. 5—39. [Nikolaeva T. M. Text linguistics. Present and future (Preface). *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Nikolaeva T. M. (ed.). Moscow: Progress, 1978. Pp. 5—39.]
- Николаева 1985 — Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале современных славянских языков). М.: Наука, 1985. [Nikolaeva T. M. *Funksii chastits v vyskazyvanii (na materiale sovremennykh slavyanskikh yazykov)* [Functions of particles in the utterance (based on modern Slavic languages)]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Николаева 2011 — Николаева Т. М. «Слово о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста; «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты. 3-е изд. М.: URSS, 2011. [Nikolaeva T. M. *«Slovo o polku Igoreve»*. *Poetika i lingvistika teksta; «Slovo o polku Igoreve» i pushkinskie teksty* [The Igor Tale. Text poetics and linguistics; The Igor Tale and Pushkin's texts]. 3rd edition. Moscow: URSS, 2011.]
- Обнорский 1946 — Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946 [Obnorskiĭ S. P. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka starshego perioda* [Essays on the history of the Russian standard language of the early period]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1946.]
- Патроева 2002 — Патроева Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. [Patroeva N. V. *Poeticheskii sintaksis: kategoriya oslozhneniya* [Poetic syntax: category of complication]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ., 2002.]
- Петерсон 1937 — Петерсон М. Н. Синтаксис «Слова о полку Игореве» // *Slavia*. Roč. XIV. Seš. 4. Praha, 1937. Ss. 547—592. [Peterson M. N. Syntax of the Igor Tale. *Slavia*. Roč. XIV. Seš. 4. Praha, 1937. Ss. 547—592.]
- Портер 2003 — Портер Л. Г. Симметрия — владычица стихов: Очерк начал общей теории поэтических структур. М.: Языки славянской культуры, 2003. [Porter L. G. *Simmetriya — vladychitsa stikhov: Ocherk nachal obshchei teorii poeticheskikh struktur* [Symmetry — a mistress of the verse: An essay of the basics of the general theory of poetic structures]. Moscow: Yazyki Slavyanskoĭ Kul'tury, 2003.]
- Потебня 1888 — Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. Харьков: Типография М. Ф. Зильберберга, 1888. [Potebnya A. A. *Iz zapiskov po russkoi grammatike* [Selected writings on the Russian grammar]. Vol. 1—2. Khar'kov: M. F. Zil'berberg Printing House, 1888.]
- Поэтическая грамматика 2005 — Поэтическая грамматика / Отв. ред. Е. В. Красильникова. Т. 1. М.: Азбуковник, 2005. [*Poeticheskaya grammatika* [Poetic grammar]. Krasil'nikova E. V. (ed.). Vol. 1. Moscow: Azbukovnik, 2005.]
- Работа Н. Заболотского над переводом «Слова о полку Игореве» / Комментарии Д. Лихачева и Н. Степанова // Вопросы литературы. 1969. № 1. С. 164—188. [Zabolotskiĭ's work upon the translation of the Igor Tale. Comments of D. Likhachev and N. Stepanov. *Voprosy literatury*. 1969. No. 1. Pp. 164—188.]
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1. М., 1988. [*Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI—XIV vv.)*] [A dictionary of the Old Russian language]. Vol. 1. Moscow, 1988.]

- СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1. М., 1975. [*Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv.* [A dictionary of the XI—XVII centuries Russian language]. No. 1. Moscow, 1975.]
- Слово 1985 — Слово о полку Игореве: Сборник. Л.: Сов. писатель, 1985. (Б-ка поэта. Большая сер.). [*Slovo o polku Igoreve: Sbornik* [The Igor Tale: Collection]. Leningrad: Sov. Pisatel', 1985.]
- Слово о полку Игореве 1985 — Слово о полку Игореве / Вступит. ст. и подгот. древнерус. текста Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1985. [*Slovo o polku Igoreve* [The Igor Tale]. Preface and preparation of the Old Russian text by D. Likhachev. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1985.]
- Слово: Екатерининская копия 2003 — Слово о полку Игореве: Екатерининская копия и перевод XVIII века (факсимильное воспроизведение), первое издание (репринтное воспроизведение), перевод, комментарии, приложение. М.: Дрeвлехранилище, 2003. [*Slovo o polku Igoreve: Ekaterininskaya kopiya i perevod XVIII veka (faksimil'noe vosproizvedenie), pervoe izdanie (reprintnoe vosproizvedenie), perevod, kommentarii, prilozhenie* [The Igor Tale: Catherine copy and translation of the 18th century (facsimile), the 1st edition (reprint), translation, comments, appendix]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2003.]
- Спринчак 1960 — Спринчак Я. А. Очерк русского исторического синтаксиса (простое предложение). Киев: Радянська школа, 1960. [*Sprinchak Ya. A. Oчерk russkogo istoricheskogo sintaksisa (prostoe predlozhenie)* [An essay of the Russian historical syntax (simple sentence)]. Kiev: Rad'an'ska Shkola, 1960.]
- Спринчак 1964 — Спринчак Я. А. Очерк русского исторического синтаксиса: В 2 ч. Ч. 2. Киев: Радянська школа, 1964. [*Sprinchak Ya. A. Oчерk russkogo istoricheskogo sintaksisa* [An essay of the Russian historical syntax]: In 2 parts. Part 2. Kiev: Rad'an'ska Shkola, 1964.]
- Стеллецкий 1950 — Стеллецкий В. И. Художественный перевод «Слова о полку Игореве» с сохранением основ ритмического строя подлинника // В. П. Адрианова-Перетц (ред.). «Слово о полку Игореве»: Сб. исследований и статей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 410—416. [*Stelletsckii V. I. Literary translation of the Igor Tale with maintaining of the basics of the rhythmical structure of the original. «Slovo o polku Igoreve»: Sb. issledovaniy i statei.* Adrianova-Peretts V. P. (ed.). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1950. Pp. 410—416.]
- Стеллецкий 1964 — Стеллецкий В. И. К вопросу о ритмическом строе «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1964. № 4. С. 27—40. [*Stelletsckii V. I. Rhythmical structure of the Igor Tale revisited. Russkaya literatura.* 1964. No. 4. Pp. 27—40.]
- Стеллецкий 1985 — Стеллецкий В. И. К вопросу о книжном древнерусском стихосложении XII—XIII вв. // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. М.: Наука, 1985. С. 189—208. [*Stelletsckii V. I. XII—XIII centuries literary Old Russian versification revisited. Russkoe stikhoslozhenie. Traditsii i problemy razvitiya.* Moscow: Nauka, 1985. Pp. 189—208.]
- Стехин 1966 — Стехин Ю. К. Сложное предложение в поэтическом языке (на материале русской советской поэзии) // Вопросы синтаксиса сложного предложения и методики его преподавания в школах и вузах. Краснодар: Изд-во Краснодарского гос. пед. ин-та, 1966. С. 96—107. [*Stekhin Yu. K. Complex sentence in the poetic language (based on the Russian Soviet poetry). Voprosy sintaksisa slozhnogo predlozheniya i metodiki ego prepodavaniya v shkolakh i vuzakh.* Krasnodar: Krasnodar State Ped. Inst., 1966. Pp. 96—107.]
- Стеценко 1977 — Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1977. [*Stetsenko A. N. Istoricheskii sintaksis russkogo yazyka* [Historical syntax of the Russian language]. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Vysshaya Shkola, 1977.]
- Тарановский 2000 — Тарановский К. Ф. О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 372—403. [*Taranovskii K. F. About relation of verse rhythm and subject matter. Taranovskii K. F. O poezii i poetike.* Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000. Pp. 372—403.]
- Тарланов 1990 — Тарланов З. К. Об одном способе объективации повествования в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.: Наука, 1990. Т. 43. С. 143—147. [*Tarlanov Z. K. A method of objectivization of the narrative in the Igor Tale. Trudy Otdela drevnerusskoi literatury.* Moscow: Nauka, 1990. Vol. 43. Pp. 143—147.]
- Тарланов 2007 — Тарланов З. К. Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. [*Tarlanov Z. K. Universitetskii kurs russkogo sintaksisa v nauchno-istoricheskom osveshchenii* [A university course of the Russian syntax from the academic and historic point of view]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ., 2007.]
- Тарланов 2007 — Тарланов З. К. Динамика в развитии и функционировании языка. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. [*Tarlanov Z. K. Dinamika v razvitiy i funktsionirovaniy yazyka* [Dynamics in the language development and functioning]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ., 2008.]

- Тимофеев 1963 — Тимофеев Л. И. Ритмика «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1963. № 1. С. 88—104. [Timofeev L. I. Rhythmics of the Igor Tale. *Russkaya literatura*. 1963. No. 1. Pp. 88—104.]
- Тищенко 1984 — Тищенко В. И. В. А. Жуковский и «Слово о полку Игореве» // Вопросы русской литературы. Вып. 2 (44). Львов: Изд-во Львовского ун-та, 1984. С. 98—105. [Tishchenko V. I. V. A. Zhukovskii and the Igor Tale. *Voprosy russkoi literatury*. No. 2 (44). Lvov: Lvov Univ., 1984. Pp. 98—105.]
- Урысон 2006 — Урысон Е. В. Семантика союза *но*: данные языка о деятельности сознания // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 22—42. [Uryson E. V. The semantics of the Russian conjunction *no*: language data on the activity of consciousness. *Voprosy jazykoznanija*. 2006. No. 5. Pp. 22—42.]
- Федотов 2002 — Федотов О. И. Основы русского стихосложения: Теория и история русского стиха: В 2 кн. Кн. 1. Метрика и ритмика. М.: ФЛИНТА; Наука, 2002. [Fedotov O. I. *Osnovy russkogo stikhoslozheniya: Teoriya i istoriya russkogo stikha* [Fundamentals of the Russian versification: Theory and history of the Russian verse]: In 2 books. Book 1. *Metrika i ritmika* [Metrics and rhythmics]. Moscow: FLINTA; Nauka, 2002.]
- Филипповский 1986 — Филипповский Г. Ю. Мотив движения в «Слове о полку Игореве» // Лихачев Д. С. (отв. ред.). Исследования «Слова о полку Игореве». Л.: Наука, 1986. С. 58—64. [Filiprovskii G. Yu. The theme of movement in the Igor Tale. *Issledovaniya «Slova o polku Igoreve»*. Likhachev D. S. (ed.). Leningrad: Nauka, 1986. Pp. 58—64.]
- Цявловский 1962 — Цявловский М. А. Пушкин и «Слово о полку Игореве» // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 207—239. [Tsyavlovskii M. A. Pushkin and the Igor Tale. *Tsyavlovskii M. A. Stat'i o Pushkine*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1962. Pp. 207—239.]
- Черкасова 1948 — Черкасова Е. Т. Служебное слово *бо* и его значение в древнерусском языке // Учен. зап. МГПИ. 1948. Т. 56. Вып. 2. С. 46—68. [Cherkasova E. T. The link-word *bo* and its meaning in the Old Russian language. *Uchenye Zapiski Mosk. Gos. Ped. Inst.* 1948. Vol. 56. No. 2. Pp. 46—68.]
- Ширяев 1986 — Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М.: Наука, 1986. [Shiryayev E. N. *Bessoyuznoe slozhnoe predlozhenie v sovremennom russkom yazyke* [The conjunctionless complex sentence in modern Russian]. Moscow: Nauka, 1986.]
- Штокмар 1941 — Штокмар М. П. Ритмика «Слова о полку Игореве» в свете исследований XIX—XX вв. // Гудзий Н. К. (ред.). Старинная русская повесть. Статьи и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 106—136. [Shtokmar M. P. Rhythmics of the Igor Tale in the light of XIX—XX centuries investigations. *Starinnaya russkaya povest'. Stat'i i issledovaniya*. Gudzii N. K. (ed.). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1941. Pp. 106—136.]
- Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. Т. 5. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 293—296. [*Entsiklopediya «Slova o polku Igoreve»*] [The Igor Tale Encyclopedia]: In 5 vol. Vol. 5. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1995. Pp. 293—296.]
- Эткинд 1999 — Эткинд Е. Г. Божественный глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М.: Языки русской культуры, 1999. [Etkind E. G. *Bozhestvennyi glagol. Pushkin, pročitannyi v Rossii i vo Frantsii* [Word divine. Pushkin read in Russia and in France]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1999.]
- Ягич 1878 — Ягич И. В. О славянской народной поэзии // Славянский ежегодник: Сб. статей по славяноведению. Киев, 1878. С. 140—270. [Jagić I. V. O slavyanskoi narodnoi poezii [About Slavic folk poetry]. *Slavyanskii ezhegodnik: Sb. statei po slavyanovedeniyu*. Kiev, 1878. Pp. 140—270.]
- Якубинский 1953 — Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М.: Учпедгиз, 1953. [Yakubinskii L. P. *Istoriya drevnerusskogo yazyka* [History of the Old Russian language]. Moscow: Uchpedgiz, 1953.]
- Picchio 1972 — Picchio R. On the prosodic structure of the Igor Tale. *Slavic and East European Journal*. 1972. Vol. XVI. No. 2.

Статья поступила в редакцию 28.12.2013.

К ВОПРОСУ О ВЫТЕСНЕНИИ ПРОСТОГО ПРЕТЕРИТА В СРЕДНИЖНЕНЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ*

© 2015 г. Е. А. Власова

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Россия
kealis@gmail.com

Статья посвящена особенностям проявления *Präteritumschwund* в среднижненемецком языке. *Präteritumschwund* представляет собой вытеснение простого прошедшего перфектом или в другой терминологии аналитическим прошедшим. Данное явление свойственно различным европейским языкам и диалектам. В связи с этим вытеснение простого прошедшего часто становится объектом внимания типологов. В германистике это явление получило название *Präteritumschwund* и часто рассматривается в разделе немецкой диалектологии. На основе данных многочисленных исследований утверждается, что данное явление полностью реализовалось в южных диалектах немецкого языка. В статье оспаривается точка зрения, согласно которой северные диалекты Германии полностью сохранили простое прошедшее. В результате анализа среднижненемецкого молитвенника XV в. Ф. 955 оп. 2 № 51 объемом 424 страницы делается вывод о широком распространении этого явления в среднижненемецком узусе. В качестве причин возникновения данного явления рассматриваются не столько формальные особенности глагольного формообразования, сколько структурные процессы, характерные для западноевропейской языковой общности.

Ключевые слова: типология, немецкая диалектология, Средние века, среднижненемецкий ареал

ON THE DECLINE OF SIMPLE PRETERIT IN MIDDLE LOW GERMAN

Elisaveta A. Vlasova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russia
kealis@gmail.com

The paper deals with peculiarities of *Präteritumschwund* phenomena in Middle Low German. *Präteritumschwund* is understood as a comprehensive system of elimination of the simple past forms. Instead of simple past, perfect forms or analytic past are found. I show that Middle Low German not only has developed such phenomena, but also reveals a wide usage of it. My data come from a prayer book of the late XVth century (F. 955 op. 2 No. 51), which was put together presumably in Lübeck and consists of nine blocks revealing a wide range of dialect features. It is assumed that reasons of evolvement of *Präteritumschwund* in the Middle Low German should be found not in the morphology aspects of the verbs, but in the system processes existing in the West European community. This thesis is supported by the examples from the prayer book, where even evidence of *Doppelt-Perfekt* phenomena is found, which is strongly connected with *Präteritumschwund*.

Präteritumschwund is traditionally examined on the basis of South German dialects. That is why the present work based on Middle Low German manuscripts seems to be essential for understanding of German system processes.

Keywords: typology, German dialectology, the Middle Ages, Middle Low German

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-04-00375 «Немецкие духовные тексты в рукописях XIV—XVI вв. из собрания Российской национальной библиотеки (лингвистическое, археографическое и текстологическое исследование)».

На обширном европейском материале проблема исчезновения форм простого прошедшего времени была исследована в работах [Thieroff 1995; Drinka 2003; Abraham 1999; 2004; Abraham et al. 2001]. Данное явление рассматривается в типологии [Thieroff 1995; Abraham et al. 2001]¹. Вытеснение форм прошедшего времени изучается также в рамках дискурсивной грамматики [Abraham et al. 2001; Lindgren 1957] и представляет собой ареальный феномен, который развился в той или иной степени в центральноевропейских языках, а также в африкаанс. В областях, граничащих с зоной распространения этого феномена, оппозиция «перфект» vs. «претерит» сохраняется.

С целью проследить особенности проявления *Präteritumschwund* в средненижненемецком диалекте используется молитвенник XV в. Ф. 955 оп. 2 № 51², хранящийся среди других трофейных рукописных памятников, попавших на территорию СССР после Второй мировой войны, в собрании Отдела рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Данный молитвенник является конволютом, состоящим из девяти самостоятельных блоков (212 листов), написанных разными писцами независимо друг от друга и лишь позднее, на рубеже XV—XVI вв., переплетенных в Любеке или его окрестностях. О том, что этот молитвенник происходит из городской библиотеки города Любека, свидетельствует также шифр на внутренней стороне обложки: «Manuscr. theol. germ. 8.42; die Zahl LXXVI» — и штемпели, тесненные на кожаной обложке молитвенника. Анализ типов бумаг по водяным знакам, произведенный Е. А. Ляховицким, позволяет датировать первые восемь блоков периодом между 1470 и 1499 гг., девятый блок восходит к 50-м гг. XV в. [Bondarko et al. 2012].

Впервые подробное описание рукописи было сделано Паулем Хагеном [Hagen 1922]. С содержательной точки зрения молитвенная книга Ф. 955 оп. 2 № 51 имеет достаточно традиционный состав текстов для молитвенных сборников, используемых светскими лицами в личных целях и широко распространенных в Германии в период позднего Средневековья. Так, в молитвеннике представлены средненижненемецкие редакции следующих популярных молитвенных текстов: *Salve regina*, *Alma redemptoris*, *Pater noster*, *Adore te in cruce pendentem*, средненидерландская редакция покаянных псалмов³, десять псалмов Давида (с 21 по 30), молитвы, обращенные к Деве Марии, св. Анне и другим святым, цикл молитв, посвященных Иисусу Христу. Молитвенник содержит редко встречающееся в подобных сборниках вопрошание Ансельма о страстях Христовых. Переводной характер текстов и зависимость их от латинского источника открывает широкие перспективы для изучения выбора времен сравнительно с латинским оригиналом.

Подробный анализ языка молитвенника содержится в статье [Власова 2013а], где отмечается, что он демонстрирует характерное для средненижненемецкого письменного узуса диалектное смешение. С одной стороны, молитвенник имеет любекское происхождение и содержит черты любекского языка (местоимение *uns* ‘мы’; единое окончание для мн. ч. глаголов /-en/ [Peters 1987]). С другой стороны, материал молитвенника опровергает нередко постулируемый исследователями в отношении средненижненемецкого письменного языка тезис о существовании любекской нормы [Peters 1987]. Блоки молитвенника наряду с любекскими особенностями обнаруживают вестфальскую диалектную окраску (написание некоторых лексем через /oe/: *boem* ‘дерево’, *doen* ‘делать’, *doet* ‘смерть’), верхненемецкие заимствования (например, большое количество случаев сокращения долгих гласных в соответствующем фонетическом окружении: *eddele* ‘благородный’, *nedder*

¹ В российской типологии изучение перфекта является актуальным направлением. Так, в апреле 2013 г. в Институте лингвистических исследований РАН было проведено рабочее совещание на тему «Семантика перфекта в языках мира», где с докладами выступили В. А. Плунгян, Д. В. Сичинава, А. Б. Шлуинский и Е. В. Горбова.

² Подробнее о молитвеннике см. описание рукописи в статье [Bondarko et al. 2012], о языковом составе см. [Власова 2013а].

³ Подробнее о средненидерландском характере покаянных псалмов молитвенника Ф. 955 оп. 2 № 51 см. [Власова 2014].

‘низкий’, *leddich* ‘свободный’), а также северноголландские диалектные признаки (*ons ‘мы’* [Миронов 1986]).

Э. Бенвенист подчеркивал, что сложные времена, которые выражаются посредством конкурирующих с простым прошедшим аналитических форм, имеют двойной статус, образуя с простыми два типа отношений. По мнению французского ученого, они выражают предшествование и «перфективность», которая представляет собой совокупность «совершенности действия» и «актуальности» ситуации [Бенвенист 1974].

Проблема вытеснения форм простого прошедшего формами перфекта, или в терминологии В. Абрахама формами аналитического прошедшего времени (*analytic past*), получила в германистике название *Präteritumschwund* [Duden 2005: 520]. На немецком материале это явление часто рассматривается в контексте различий письменного и разговорного стилей языка, так как полное вытеснение форм прошедшего времени реализовалось в разговорном стиле [Gersbach 1982; Schwitalla 2003; Klein, Vater 1998].

В отечественной германистике особое место занимает книга В. М. Жирмунского «Немецкая диалектология», где вытеснение форм прошедшего времени рассматривается в рамках различий между верхненемецкими и нижненемецкими диалектами. Автор утверждает, что вытеснение форм прошедшего времени свойственно южным диалектам немецкого языка. Следует отметить, что данная точка зрения отражает наиболее традиционный взгляд на данную проблематику. Южные диалекты немецкого языка рассматриваются в качестве основной области распространения данного явления в работах [Dal 1960; Lindgren 1957; Abraham 2004]. В работе В. М. Жирмунского глава, посвященная описанию нижненемецкой глагольной парадигмы, начинается с утверждения, что нижненемецкий полностью сохранил простое прошедшее, в отличие от большинства верхненемецких диалектов [Žirmunskij 2010: 596]. Переходя к более подробному описанию нижненемецкого глагола, этот же автор, ссылаясь на описание диалекта Пригница [Mackel 1905], говорит о том, что во многих нижненемецких диалектах намечается тенденция к замещению простых претеритальных форм аналитическими. В случае как южных [Dal 1960; Lindgren 1957], так и северных диалектов немецкого языка в качестве причины возникновения подобной тенденции часто называются особенности глагольного формообразования. Опираясь на описание диалекта Пригница [Mackel 1905], В. М. Жирмунский утверждает, что в ряде вестфальских и остфальских диалектов выбор аналитических форм со вспомогательным глаголом обусловлен выпадением дентального суффикса между гласными при образовании простого прошедшего времени у слабых глаголов. В результате этого выпадения происходит внешнее совпадение форм настоящего и прошедшего времени 1 и 2 л. ед. ч., например: прош. вр. ед. ч. *huapə, huapəs, huapə* от *hoppen* ‘надеяться’; *makə, makəst, makə* от *maken* ‘делать’. Следует отметить, что В. М. Жирмунский опирается на диалектографические данные, собранные в конце XIX — первой половине XX в. В анализируемом нами молитвеннике конца XV — начала XVI в. также содержится пример на омонимию форм прошедшего и настоящего времени слабого глагола *maken*. Приведем характерный пример на омонимию форм прошедшего и настоящего времени слабого глагола *maken* из анализируемого нами молитвенника конца XV — начала XVI в.: *Dyn rode vnde dyn staf trostede my en du makest ene tafelen vor myneme angesychte weder de my bedrouen Du hest vet gemaket myn houet jn olye* ‘Твой жезл и твоя посох успокоили меня, Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих, умастил елеем мою голову’. Значение прошедшего времени у глагола *makest* ‘сделал’ возникает благодаря окружающему контексту из синонимичных форм: *trostede* ‘успокоил’; *hest vet gemaket* букв. ‘сделал влажным’. Этот пример подтверждает наличие в средненижненемецком тенденции к замещению простого прошедшего аналитической формой.

В средненижненемецком трудности с формальным различием форм простого и настоящего времени могут возникать и в случае с сильными глаголами. Так, в предложении из анализируемого нами молитвенника *alle de my segen de belachten my se spreken myt den lippen unde wegeden dat houet* ‘все, кто со мной заговаривали, [те] высмеивали меня, они

говорили губами и отворачивали голову' двояко может быть истолкована форма глагола *spreken* 'говорить'. В словаре под редакцией А. Лаш и К. Борхлинга [MHW 1956—2004] форма множественного числа этого глагола в настоящем и прошедшем времени совпадает.

Таким образом, в средненижненемецком слабые и сильные глаголы для точной передачи значения прошедшего времени могли требовать использования аналитической формы, состоящей из вспомогательного глагола и причастия II.

Предпочтение аналитической формы может быть обусловлено ее составом. При передаче значения перфективности важную роль играет причастие с префиксом *ge-*⁴ [Lasch 1914]. Рассмотрим особенности использования аналитического прошедшего времени на примере различных классов глаголов средненижненемецкого языка.

1. Слабые глаголы

В молитвеннике Ф. 955 оп. 2 № 51 некоторые слабые глаголы, например *belachen*, не имеют аналитической формы прошедшего времени. Все формы этого глагола со значением прошедшего времени являются формами простого прошедшего: *yk volgede un do belacheden my* 'я проследовал, и там меня осмеивали'; *do belacheden my de yoden* 'там меня осмеивали евреи'. В отличие от глагола *belachen* 'смеяться', глагол *maken* 'делать' используется как в перфекте, так и в форме простого прошедшего времени: *he ys de lazarum vormeckede van deme dode unde den blynt geboren sende makede* 'он Лазаря излечил от смерти и рожденного слепым сделал зрячим'; *He makede ene sund* 'он сделал его здоровым'. Во всех этих примерах посредством глагола *maken* выражено завершённое действие. Такое же завершённое действие выражает глагол *maken*, когда стоит в перфекте: *Du heuest gemaket van eynen lowen eyn lam* 'из льва ты сделала ягненка'.

Таким образом, в результате анализа молитвенника Ф. 955 оп. 2 № 51 было установлено, что слабые глаголы могут выражать прошедшее время как посредством простого прошедшего, так и формой аналитического прошедшего времени. Примеры с глаголом *maken* показывают, что сложная форма употребляется для создания дополнительного значения результативности. В то же время отсутствие перфектной формы у глагола *belachen* может свидетельствовать о том, что простое прошедшее придает действию оттенок дуративности.

2. Сильные глаголы

Материал молитвенника Ф. 955 оп. 2 № 51 свидетельствует о том, что сильные глаголы для передачи прошедшего времени могут быть употреблены в сложной форме, состоящей из причастия II и вспомогательного глагола. Например, в предложении: *so dunket my dat nütte wesen hest he ghebraken* 'мне кажется, что он воспользовался благодатью'. Использование перфекта возможно и с глаголом движения *kommen* 'идти': *Ik byn gekammen* 'я пришел'.

Во всех этих примерах форма, состоящая из вспомогательного глагола *hebben / sin* 'иметь / быть' и причастия прошедшего времени смыслового глагола, используется для подчеркивания результативности произведенного действия. Вероятно, с этой же целью глагол *don / doen* 'делать' употребляется в перфектной форме в таких предложениях, как *vorgeuen al de sunde de se gedan heft* 'отпусти все грехи, которые она совершила'. Следует отметить, что глагол *don / doen* 'делать' для передачи прошедшего времени может также употребляться в форме простого прошедшего: *se deden ere munt up ouer my also de grymende louve* 'они открывали пасть на меня, как рычащие львы'. В этом случае подчеркивается длительность действия, то есть дуративный аспект в значении глагола.

⁴ Подробнее о функции префикса *ge-* см. работу [Смирницкая 2002]; о приставке *ge-* в средненижненемецком языке см. [Власова 2013б].

3. Глаголы *hebben* / *sin*

К наиболее интересным примерам вытеснения форм простого прошедшего относятся те случаи, когда причастие II образуется от вспомогательных глаголов *hebben* / *sin*. Особенностью таких случаев является то, что данные глаголы, с точки зрения современных грамматик (см. [Duden 2005]), являются теми глаголами (наравне с *werden*), которые для передачи значения прошедшего времени используют форму простого прошедшего и почти не образуют перфективных форм. В молитвеннике Ф. 955 оп. 2 № 51 используются перфектные формы от *hebben* и *sin* с глаголом *hebben* в качестве вспомогательного глагола. Например: *wente du hest vele lef gehat ga yn* ‘когда у тебя было много радости’; *hylgen wandrynge de du gehat hefst* ‘святые скитания, которые у тебя были’. В предложении *se dy to spreken du haddest lydendes noch gehat* ‘они тебе говорят: у тебя были еще страдания’ мы имеем дело с условным наклонением. Предложение с похожим смыслом в изъявительном наклонении: *Och leue here wo pinderliken we di dat dede unde lident gehat du haddest genoch geleden* ‘О, возлюбленный Господь, ты достаточно страдал’; букв. ‘ты достаточно имел страданий’. Пример представляет собой сверхсложную форму *lident gehat du haddest genoch geleden*, получившую в германистике название *doppeltes Perfekt*. Данное явление имеет давнюю традицию исследования [Litvinov, Radčenko 1998; Breuer, Dorow 1996; Thieroff 1992], в особенности на материале южных диалектов немецкого языка. Подробный анализ проблематики, а также обзор имеющейся литературы по данному вопросу содержится в работе [Buchwald-Warwegen 2012]. В данном случае, как указывает Д. В. Сичинава [Сичинава 2013], носителем ретроспективного сдвига оказываются причастие прошедшего времени с префиксом *ge-* от вспомогательного глагола (*gehat*) (подробнее о ретроспективном сдвиге см. работы [Плунгян 1998; 2006; 2012]).

Глагол *sin* в форме перфекта встречается в следующих примерах: *sunde lot hadden gewesen* ‘избавились от грехов’; *erliken hest gewesen dy du erbare vrouwe sunte anna* ‘достойной ты была, ты, достойная дева, святая Анна’.

В результате анализа примеров с *hebben* в качестве второй части составного глагольного сказуемого можно сделать вывод о том, что сказуемые обозначают законченные действия, смысл которых содержится в зависимой от *hebben* именной части: *haddest lydendes gehat*, *lident gehat du haddest* — ‘отстрадал’; *hest lef gehat* — ‘нарадовался’; *hylgen wandrynge de du gehat hefst* — ‘наскитался’. В случае с примером *lot hadden gewesen* основное смысловое содержание также передано посредством *lot*, аналитическая форма *hadden gewesen* подчеркивает результативность. Вероятнее всего, здесь можно говорить не о значении результирующего состояния в прошедшем, а о значении аннулированного результата [Сичинава 2013].

Таким образом, наличие перфективных форм от глаголов *hebben* / *sin* свидетельствует о том, что явление *Präteritumschwund* не только имело место в средненижнегерманском, но в отношении глаголов *hebben* / *sin* получило большее развитие, чем в современном немецком языке, в котором перфективные формы от *hebben* / *sin*, как правило, не употребляются.

Следует отметить, что важной особенностью проанализированных нами примеров является наличие их в письменном тексте молитвенника, которое может указывать на широкое распространение этого явления в средненижнегерманском узусе. В. Абрахам указывал, что преимущественной сферой *Präteritumschwund* является устная сфера южных диалектов немецкого языка (South German dialects) [Abraham 2004].

В. М. Жирмунский писал о полном сохранении в нижнегерманском простого прошедшего. В других работах указывается, что вытеснение форм простого прошедшего имело место в нижнегерманском, но не получило столь широкого развития, как в южных диалектах [Dal 1960; Lindgren 1957; Niebaum et al. 1999]). Примеры из молитвенника Ф. 955 оп. 2 № 51 свидетельствуют о том, что аналитическое прошедшее могут образовывать в средненижнегерманском практически все классы глаголов: слабые, сильные, *hebben* / *sin*. Следует отметить, что аналитическую форму образуют преимущественно перфективные глаголы (см. примеры с *maken*, *don*, *hebben*, *hilligen*, *braken* и отсутствие примеров с *belachen*), что

согласуется с данными средневерхненемецких диалектов [Abraham 2004: 245]. Эти наблюдения позволяют сделать вывод о том, что аналитические формы усиливают значение результативности. Доказательством данному утверждению служит пример: *du hefst vormadet de cronen unde dat rike dines vaders unde ghinghest in de wustenighe dor der leue willen gades unses heren ihus Christi* 'ты заслужил корону и королевство твоего отца и ушел в пустыню по воле Господа нашего Иисуса Христа', где перфективный глагол в аналитической форме *hefst vormadet* 'заслужил' является однородным сказуемым к глаголу в форме простого прошедшего *ghinghest* 'ушел'.

Исходя из данных, полученных в результате анализа молитвенника Ф. 955 оп. 2 № 51, можно заключить, что в средненижненемецком глаголы образуют аналитические формы преимущественно с глаголом *hebben* при наличии возможности образования с *sin*: *Ik byn gekammen* 'я пришел'. Так, глагол *sin* в тексте молитвенника имеет форму *hest gewesen*. Эти данные подтверждают наблюдение [Drinka 2003], что в западноевропейской общности развился *have/hebben* в качестве вспомогательного глагола. В восточных европейских языках получил распространение глагол *be/sin*. Предпочтение *have* на западе объясняется заимствованием из поздней латыни. Все эти данные указывают на то, что не только и не столько формальные причины (например, формальное совпадение форм настоящего и прошедшего у слабых глаголов) обусловили вытеснение форм простого прошедшего времени в средненижненемецком. Такая точка зрения согласуется с данными относительно южных диалектов немецкого языка [Lindgren 1957; Abraham et al. 2001] ученых, не разделяющих традиционного объяснения *Präteritumschwund* в южных диалектах Германии посредством *e*-апокопы ([Žirmunskij 2010; Guchmann, Semenjuk 1981], первоначально [Reis 1894]). Опровержением устоявшегося в немецкой диалектологии представления о фонологических причинах вытеснения форм прошедшего времени служит также недостаток свидетельств в пользу того, что вытеснение прошедших форм у слабых глаголов произошло раньше, чем у сильных глаголов, не подверженных апокопе [Schrodt, Donhauser 2004]. Описание южношвейцарского диалекта местечка Салей (Saley) показало, что и в случае полного осуществления *e*-апокопы возможно сохранение форм прошедшего времени [Frei 1970].

В случае с нижненемецкими диалектами следует указать на определенный недостаток систематических описаний, а также статистических данных, относящихся к различным диалектным ареалам как нижненемецкого, так и средненемецкого языков. В связи с этим нам представляется актуальной предложенная в данной работе попытка описать вытеснение форм прошедшего времени на материале одного рукописного памятника. На основе произведенного анализа молитвенника Ф. 955 оп. 2 № 51 нам кажется целесообразным предположить, что вытеснение простого прошедшего в средненижненемецком обусловлено внутренними структурными процессами, характерными для западноевропейской языковой общности. Эти процессы, в свою очередь, осуществляются в рамках общих типологических тенденций развития от синтетического к аналитическому строю языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бенвенист 1974 — Бенвенист Э. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 203—224. [Benvenist E. Verbs «to be» and «to have» and their functions in the language. Benvenist E. *Obshechaya lingvistika*. Moscow: Progress, 1974. Pp. 203—224.]
- Власова 2013а — Власова Е. А. Диалектные особенности средненижненемецкого языка в молитвеннике XV в. из Любека (РНБ, Ф. 955 оп. 2 № 51) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2013. Т. XVII. С. 160—175. [Vlasova E. A. Dialect features of Middle Low German in the XV century prayer book from Lubeck (The National Library of Russia, F. 955 inv. 2 No. 51). *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. 2013. Vol. XVII. Pp. 160—175.]
- Власова 2013б — Власова Е. А. Особенности функционирования приставки *ge-* в глагольных частях прошедшего времени в средненижненемецком // Девяткина Е. М. (ред.). Проблемы языка, сборник научных статей по материалам Второй конференции-школы «Проблемы языка: взгляд

- молодых ученых». М.: Институт языкознания РАН, 2013. С. 78—90. [Vlasova E. A. Functioning of prefix *ge-* in the verbal past participle in Middle Low German. *Problemy yazyka, sbornik nauchnykh statei po materialam Vtoroi konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh»*. Devyatkina E. M. (ed.). Moscow: Institute of Linguistics (RAS), 2013. Pp. 78—90.]
- Власова 2014 — Власова Е. А. Особенности среднидерландского и среднижнегерманского вокализма в молитвенных книгах XV—XVI вв. // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2014. Т. 10. Ч. 1. Вып. 6. С. 452—462. [Vlasova E. A. Distinctive features of Middle Dutch and Middle Low German vocalism in the XV—XVI centuries prayer books. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2014. Vol. 10. Part. 1. No. 6. Pp. 452—462.]
- Миронов 1986 — Миронов С. А. История нидерландского литературного языка (IX—XVI вв.) М.: Наука, 1986. [Mironov S. A. *Istoriya niderlandskogo literaturnogo yazyka (IX—XVI vv.)* [History of Standard Dutch (IX—XVI centuries)]. Moscow: Nauka, 1986.]
- Плунгян 1998 — Плунгян В. А. Плюсквамперфект и показатели «ретроспективного сдвига» // Выдрин В. Ф., Кибрик А. А. (ред.). Язык. Африка. Фульбе: сборник научных статей в честь А. И. Коваль. СПб.; М.: Европейский дом, 1998. С. 106—115. [Plungian V. A. Pluperfect and markers of the «retrospective shift». *Yazyk. Afrika. Ful'be: sbornik nauchnykh statei v chest' A. I. Koval'*. Vydrin V. F., Kibrik A. A. (eds). St. Petersburg; Moscow: Evropeiskii Dom, 1998. Pp. 106—115.]
- Плунгян 2006 — Плунгян В. А. К описанию армянской глагольной парадигмы: «Темпоральная подвижность» и перфектив // Армянский гуманитарный вестник. 2006. № 1. С. 7—20. [Plungian V. A. Towards the description of the Armenian verb paradigm: «Temporal flexibility» and the perfective. *Armyanskii gumanitarnyi vestnik*. 2006. No. 1. Pp. 7—20.]
- Плунгян 2012 — Плунгян В. А. Предисловие // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2012. Т. 8. Ч. 2. Вып. 6. С. 7—42. [Plungian V. A. Preface. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2012. Vol. 8. Part 2. No. 6. Pp. 7—42.]
- Сичинава 2013 — Сичинава Д. В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-ПРЕСС, 2013. [Sichinava D. V. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt [Pluperfect typology. Slavic pluperfect]*. М.: AST-PRESS, 2013.]
- Смирницкая 2002 — Смирницкая С. В. Грамматизация словообразовательных элементов в истории немецкого языка (на примере префикса *ge-*) // Пак Н. М. (ред.). Труды по германистике и истории языкознания. СПб.: Наука, 2002. С. 12—19. [Smirnitskaya S. V. Grammaticalization of word-formative elements in the history of German (as exemplified by prefix *ge-*). *Trudy po germanistike i istorii yazykoznaniiya*. Pak N. M. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2002. Pp. 12—19.]
- Abraham 1999 — Abraham W. Preterite Decay as a European Areal Phenomenon. *Folia Linguistica*. 1999. Vol. 35. No. 1—2. Pp. 11—18.
- Abraham 2004 — Abraham W. The European emergence of the periphrastic perfect: An autonomous, parsing-driven development. *Теоретические проблемы языкознания. Сб. ст. к 140-летию кафедры общего языкознания филол. фак-та С.-Петербургского гос. ун-та*. СПб., 2004. С. 224—247. [*Teoreticheskie problemy yazykoznaniiya. Sb. st. k 140-letiyu kafedry obshchego yazykoznaniiya filol. fak-ta S.-Peterburgskogo gos. un-ta*. St.-Petersburg, 2004. Pp. 224—247.]
- Abraham et al. 2001 — Abraham W. et al. *Präteritumschwund und Diskursgrammatik: Präteritumschwund in gesamteuropäischen Bezügen: areale Ausbreitung, heterogene Entstehung, Parsing sowie diskursgrammatische Grundlagen und Zusammenhänge*. Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2001.
- Bondarko et al. 2012 — Bondarko N. et al. Mittelniederdeutsche geistliche Prosa in Handschriften der Russischen Nationalbibliothek St. Petersburg. *Manuscripta germanica. Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas. Zeitschrift für deutsches Altertum*. 2012. Beiheft 15. Pp. 123—155.
- Breuer, Dorow 1996 — Breuer C., Dorow R. *Deutsche Tempora der Vorvergangenheit*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 1996.
- Buchwald-Wargenau 2012 — Buchwald-Wargenau I. *Die doppelte Perfektbildungen im Deutschen: eine diachrone Untersuchung*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2012.
- Dal 1960 — Dal I. Zur Frage des süddeutschen Präteritumschwundes. *Indogermanica. Festschrift für Wolfgang Krause zum 65. Geburtstag am 18. September 1960 von Fachgenossen und Freunden dargebracht*. Heidelberg: Winter, 1960.
- Drinka 2003 — Drinka B. Areal factors in the development of the European periphrastic perfect. *Historical Linguistics*. 2003. Pp. 105—129.
- Duden 2005 — Duden. Präteritumschwund. *Die Grammatik*. Mannheim: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus, 2005.

- Frei 1970 — Frei G. *Walsersdeutsch in Saley: Wortinhaltliche Untersuchung zu Mundart und Weltansicht der albertümlichen Siedlung Salecchio/Saley*. Bern; Stuttgart: Haupt, 1970.
- Gersbach 1982 — Gersbach B. *Die Vergangenheitstempora in oberdeutscher gesprochener Sprache. Formen, Vorkommen und Funktionen untersucht an Tonbandaufnahmen aus Baden-Württemberg, Bayrisch-Schwaben und Vorarlberg*. Tübingen: Niemeyer, 1982.
- Guchmann, Semenjuk 1981 — Guchmann M., Semenjuk N. *Zur Ausbildung der Norm der deutschen Literatursprache im Bereich des Verbes (1470—1730). Tempus und Modus. Bausteine zur Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen*. Berlin: Akademie-Verlag, 1981.
- Hagen 1922 — Hagen P. *Die deutschen theologischen Handschriften der Lübeckischen Stadtbibliothek*. Lübeck: Schmidt, 1922.
- Klein, Vater 1998 — Klein W., Vater H. The Perfect in English and German. *Typology of verbal categories: Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday*. Tübingen: Niemeyer, 1998. Pp. 215—237.
- Lasch 1914 — Lasch A. *Mittelniederdeutsche Grammatik*. Halle: Niemeyer, 1914.
- Lindgren 1957 — Lindgren K. Über den oberdeutschen Präteritumschwund. *Suomalaisen Tiedeakatemia Toimituksia*. 1957.
- Litvinov, Radčenko 1998 — Litvinov V., Radčenko V. *Doppelte Perfektbildung in der deutschen Literatursprache*. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 1998.
- Mackel 1905 — Mackel E. Die Mundart der Prignitz. *Niederdeutsches Jahrbuch*. 1905. No. 31—33. Ss. 92—98.
- MHW 1956–2004 — Lasch A., Borchling C. *Mittelniederdeutsches Handwörterbuch*. Neumünster: Karl Wachholz, 1956—2004.
- Niebaum et al. 1999 — Niebaum H. et al. *Einführung in die Dialektologie des Deutschen*. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 1999.
- Peters 1987 — Peters R. Katalog sprachlicher Merkmale zur variablenlinguistischen Erforschung des Mittelniederdeutschen. *Niederdeutsches Wort*. 1988. No. 28. Teil 2. Ss. 2—76.
- Reis 1894 — Reis. H. Das Präteritum in den süddeutschen Mundarten. *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. 1894. No. 19. Ss. 334—337.
- Schwitalla 2003 — Schwitalla J. *Gesprochenes Deutsch. Eine Einführung*. 2. Auflage. Berlin: Erich Schmidt, 2003.
- Schrodt, Donhauser 2004 — Schrodt R., Donhauser K. Tempus, Aktionsart. Aspekt und Modus im Deutschen. *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. 2004. Bd 3. Ss. 2504—2525.
- Thieroff 1992 — Thieroff R. Das finite Verb im Deutschen: Tempus-Modus-Distanz. *Studien zur deutschen Grammatik*, 40. Tübingen: Narr., 1992.
- Thieroff 1995 — Thieroff R. *Tense systems in European Languages II*. Tübingen: Niemeyer, 1995.
- Žirmunskij 2010 — Žirmunskij V. *Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Formen- und Lautlehre der deutschen Mundarten*. Frankfurt am Main: Lang, 2010.

Статья поступила в редакцию 30.06.2014.

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ КАЛЬКИРОВАНИИ И «ВТОРИЧНОМ ЗАИМСТВОВАНИИ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ РУБЕЖА XX—XXI ВЕКОВ*

© 2015 г. А. А. Горбов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Россия
verde2002@yandex.ru

В статье рассматривается механизм семантического калькирования как одного из важнейших инструментов иноязычного контактного влияния на русский язык, резко усилившегося на рубеже XX—XXI вв. Изучение типичных примеров показывает, что одним из главных критериев выявления семантической кальки является переводная эквивалентность слов языка-источника и языка-реципиента на уровне значения, являющегося исходным для того переносного значения, которое приобретает слово языка-реципиента. В связи с понятием семантического калькирования критическому рассмотрению подвергается понятие «вторичного заимствования». Анализ показывает, что в объем этого понятия исследователи включают разнородные явления — от случаев явного семантического калькирования до случаев материального заимствования слов, чей план выражения случайным образом совпадает с планом выражения более ранних заимствований.

Ключевые слова: русский язык, языковые контакты, семантическое калькирование, вторичное заимствование

ON SEMANTIC CALQUING AND ‘SECONDARY BORROWING’ IN RUSSIAN AT THE TURN OF THE 21ST CENTURY

Andrei A. Gorbov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russia
verde2002@yandex.ru

The paper discusses the mechanism of loan translation as one of the major instruments of foreign language contact influence on Russian, which has seen a sharp rise at the turn of the 21st century. Particular attention is paid to semantic calquing — a type of loan translation that is more difficult to reveal due to the absence of formal similarities in source and target language structures. Case studies show that direct meaning translation correspondence between a word in the source language and a word in the replica language is a basic criterion to decide whether or not a particular transferred meaning is a case of semantic calquing (polysemy copying). In connection with the discussion of semantic calquing, the paper criticizes the concept of “secondary borrowing”, which is sometimes claimed to be a language contact mechanism distinct from both direct lexical borrowing and loan translation (calquing). The analysis shows that this concept includes essentially different phenomena — instances of polysemy copying (semantic calquing) as well as cases of direct borrowing of lexemes homonymous with previously borrowed loanwords. The paper thus proves that direct borrowing and calquing are the only two language contact mechanisms operating on the lexical level, while the term “secondary borrowing” can only refer to (sometimes random) formal coincidence between a new and an existing loanword.

Keywords: Russian, language contact, calquing, loan translation, polysemy copying, secondary borrowing

* Работа выполнена при поддержке Гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю. С. Маслова» НШ-1778.2014.6.

Вводные замечания

Усиление иноязычного влияния на русский язык на рубеже XX—XXI вв. стало предметом многих исследований, в которых, однако, основное влияние уделяется прямым лексическим заимствованиям. Между тем важным аспектом контактного влияния являются и процессы калькирования. В первую очередь следует обратить внимание на семантическое калькирование, поскольку в русском языке последних десятилетий преобладает именно этот тип (тогда как в XIX в. чаще имело место словообразовательное калькирование), ср. [Крысин 2004: 223].

Именно семантическое калькирование, как представляется, приводит не только к расширению лексической семантики отдельных слов, но и к запуску процессов изменений в области грамматики. При этом анализу процессов калькирования уделяется гораздо меньше внимания, чем рассмотрению вопросов, связанных с прямым лексическим заимствованием. Л. П. Крысин объясняет это двумя факторами: во-первых, малым количеством калек в языке по сравнению с числом прямых заимствований, и во-вторых, трудностью выявления калек ввиду отсутствия четких критериев, по которым то или иное новообразование следует считать результатом иноязычного влияния, а не процесса развития языка в соответствии с его внутренними закономерностями [Там же: 221]. С доводом Л. П. Крысина о трудности выявления калек следует, по-видимому, согласиться. При этом, однако, утверждение о малом количестве калек не представляется убедительным, поскольку остаются неясными основания для сравнения количества калек и прямых заимствований: возможно, впечатление малочисленности калек создается именно из-за того, что большая их часть остается невыявленной (ср. мнение Ш. Балли, считавшего материальное заимствование явлением «значительно менее распространенным, чем калька» [Балли 1961: 71]).

Наряду с понятием семантического калькирования в некоторых авторитетных лингвистических исследованиях вводится понятие «вторичного заимствования», которое охватывает явления, которые трудно отличить от семантического калькирования. В связи с этим требуется обсуждение вопроса о соотношении двух понятий.

1. О механизме семантического калькирования и одном необходимом критерии его выявления

Калькирование представляет собой «образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путем буквального перевода» [ЛЭС: 211] без заимствования материального экспонента иноязычной лексической единицы. Таким образом, в результате калькирования фактически заимствуемый иноязычный элемент оказывается оформлен средствами воспринимающего языка — исконными или заимствованными, но хорошо освоенными. Этот факт сам по себе в значительной степени затрудняет выявление калки, поскольку любой значащий элемент выявляется прежде всего с опорой на план выражения (ср. в этой связи особые основания для выделения и специфические трудности при выявлении нулевых знаков). Неслучайно также то, что, хотя калькирование и считается обычно видом заимствования, калки в словари иностранных / иноязычных слов не включаются и де-факто заимствованными / иноязычными единицами не признаются (следует также отметить, что некоторые лингвисты вообще не включают калькирование в объем понятия заимствования, ср., например, [Ефремов 1974: 79—86]). Тем не менее практически все исследователи признают тот факт, что калки, как и материальные заимствования, являются результатом контактного влияния одного языка (языка-источника) на другой (язык-реципиент).

Носители русского языка (в том числе лингвисты, специально не занимавшиеся темой калькирования) обычно не ощущают следов какого-либо иноязычного влияния в таких калках, как *необходимо*, *мировоззрение*, *мероприятие* (словообразовательные калки с немецкого) или *без задней мысли* (фразеологическая калка с французского), поскольку

восприятие знаков осуществляется через их материальные экспоненты, которые в таких случаях чаще всего являются исконными (реже — ранее освоенными заимствованиями). Идеальным доказательством факта калькирования могло бы быть документальное подтверждение зависимости наименования в одном языке от наименования с той же мотивировкой в другом языке, а поскольку калькирование в любом случае является результатом перевода, таким подтверждением могли бы служить сведения об источнике, времени и обстоятельствах осуществления этого перевода. Между тем во многих случаях предполагаемого калькирования такие сведения отсутствуют, и при установлении факта калькирования приходится пользоваться вероятностными критериями.

Необходимыми условиями для выдвижения обоснованной гипотезы о калькировании являются наличие культурного контакта предполагаемого языка-реципиента с предполагаемым языком-источником и отсутствие в предполагаемом языке-реципиенте в периоды, предшествующие установлению контакта, лексической единицы с соответствующими свойствами. При этом под «соответствующими свойствами» для словообразовательных и фразеологических калек понимается не только соответствие значений, но и структурное соответствие элементов плана выражения, ср.:

не-об-ход-им-(о) < Un-um-gäng-lich
без задней мысли < sans arrière-pensée

В связи с этим представляется естественным тот факт, что наибольшие затруднения связаны с выявлением семантических, а не словообразовательных или фразеологических калек. Поскольку семантическое калькирование предполагает лишь получение из чужого языка нового (переносного) значения уже существующей в языке-реципиенте лексической единицей (ср. [Маринова 2012: 107]), в плане выражения не содержится уже абсолютно никакой информации о возможном иноязычном влиянии. На этом основывалось предложение Ю. С. Сорокина об исключении семантических калек из состава калек вообще [Сорокин 1965: 165], что привело бы к отрицанию самого явления семантического калькирования.

Представляется, однако, что факторы, позволяющие предполагать наличие семантической кальки с достаточно высокой вероятностью, все же существуют и в принципе аналогичны указанным выше условиям, с той лишь разницей, что вместо критерия структурного соответствия в плане выражения в данном случае должен применяться критерий, отражающий сущность процесса семантического калькирования как приобретения лексической единицей языка-реципиента переносного значения по аналогии с лексической единицей языка-источника.

Рассмотрим в этой связи прилагательное *крутой*, широко употребляемое в оценочных переносных значениях, развившихся у него еще в 1980-е годы в жаргонной речи, а в 1990-е годы вошедших в литературный язык вследствие распространения через средства массовой информации, ср. следующие примеры из основного и газетного корпусов [НКРЯ]:

- (1) Передоверять замирение Кавказа наиболее **крутым** и беспринципным из числа тамошних авторитетов — значит в конце концов потерять Кавказ, отдав при этом куда больше, чем просил когда-то Дудаев [Д. Быков. Два теракта // Труд-7. 27.01.2011].
- (2) **Крутые** парни — это простые парни: «Дать этой суке по морде, и все дела» [Д. Драгунский. Матрица // Частный корреспондент (2010)].

Такие употребления прилагательного *крутой* в некоторых авторитетных исследованиях трактуются как семантическая калька с английского языка, однако в отношении объекта калькирования нет полной определенности: указываются прилагательные *tough* и *cool* (см., например, [Крысин 1996: 161] со ссылкой на [Земская, Розина 1994]; [Крысин 2000]). В других работах высказывается сомнение в правильности такой трактовки. В частности, Л. П. Крысин в более поздних работах указывает на возможность саморазвития семантики слов *крутой* и *круто*: значения прилагательного *крутой* в контекстах типа приведенных

в примерах (1) и (2) действительно вполне могут быть логически выведены из значений, реализуемых в сочетаниях *крутые меры* и *крутой характер* (ср. [Крысин 2002: 31; 2004: 221]). При этом такой путь развития нового значения признается, по-видимому, равновероятным его появлению в результате калькирования, поскольку не приводится ни аргументов в пользу одной из двух трактовок, ни возражений против какой-либо из них.

В случае признания прилагательного *крутой* калькой обращает на себя внимание тот факт, что объектами калькирования могут считаться сразу два английских прилагательных — *tough* и *cool*. Это, по-видимому, не случайно и обусловлено диффузностью оценочного значения русского прилагательного, которое в разных контекстах актуализирует разные оттенки концептуального значения и имеет различные коннотации.

Так, в примерах (1) и (2) слово *крутой* (*круче*) употреблено в значении ‘отличающийся особой силой, агрессивный, и впечатляющий этими качествами’ (ср. толкование в словаре [Скляревская 2008: 519], значение 1). В таком употреблении прилагательное *крутой* может быть признано переводным эквивалентом английского прилагательного *tough* в значении ‘strong and prone to violence’ (‘сильный и склонный к насилию’) [Oxford]. Концептуально близкое значение рассматриваемое прилагательное может иметь в контекстах, предполагающих не только отрицательную (как в приведенных выше примерах), но и положительную оценку соответствующих качеств, которые представляются как некий образец для подражания, ср.:

- (3) В одном из эпизодов герой Дизеля сходит с стенка на стенку с **крутым** американским копом (Джонсон), за которым — огромная сила полицейской машины [С. Тюркин. Фильмы недели со Стасом Тюркиным // Комсомольская правда. 28.04.2011] (*крутой* ≈ *tough*).
- (4) «Ну, это по-настоящему отличные парни, по-настоящему **крутые** парни. Один из них был очень мужественный человек, проехавший несколько тысяч километров на двухколесном мотоцикле. Он инвалид с одной ногой, вторую он потерял где-то в Югославии во время войны. Я не **крутой**, вот эти парни, они — да», — отметил премьер [Путин признался Наоми Кэмпбелл, что он «не крутой» // РБК Daily. 01.02.2011].

Возможность представления «крутизны» (т. е. демонстрируемой всем окружающим силы в сочетании с агрессивностью) как положительного качества связана, по-видимому, с социально-экономическими изменениями, которые произошли на постсоветском пространстве в конце XX в. и повлекли за собой переориентацию системы ценностей, что привело «к актуализации определенной группы признаков слов и к развитию у них новых оценочных значений со знаком плюс» [Ермакова 2008: 69]¹.

В связи с такой «переоценкой ценностей», как представляется, лексическая семантика прилагательного *крутой* могла претерпеть изменения и расшириться, что могло привести к переводной эквивалентности этого прилагательного — только в приведенной группе значений — английскому прилагательному *tough*.

Впрочем, в разных контекстах у прилагательного *крутой* в переносном оценочном значении актуализируются различные семы. В некоторых случаях — особенно когда речь идет о положительной оценке — сила и агрессивность может восприниматься не только в прямом, но и метафорическом смысле, как сила производимого впечатления и активное воздействие на сознание окружающих. При таком переосмыслении силы и агрессивности

¹ В частности, агрессивность в постсоветском обществе часто оценивается как качество не исключительно отрицательное, а в известных пределах и положительное, поскольку для достижения *успеха* (еще одно ключевое понятие постсоветской эпохи) необходимо выдвинуться в центр внимания, оттеснив конкурентов (ср. название популярной книги Й. Спэлстра «Агрессивный маркетинг: как увеличить свой доход, расправившись с затратами» (СПб., 2005) или самопредставление фирмы как «молодой агрессивной компании» в объявлении о приеме на работу: <http://spb.hh.ru/vacancy/8468608> — дата обращения 17.04.2014). Такого рода агрессивность и, соответственно, «крутизна» часто связывается с американской манерой поведения, что, возможно, и привело исследователей к предположению о том, что оценочное значение прилагательного *крутой* является калькой с английского.

в сочетании с положительной оценкой переводным эквивалентом прилагательного *крутой* в английском языке окажется прилагательное *cool* в значении ‘very attractive, fashionable, interesting etc. in a way that people admire — used in order to show approval’ (‘весьма привлекательный, модный, интересный и т. п. и в силу этого вызывающий у людей восхищение — употребляется для выражения одобрения’) [Longman].

В связи с высказанными соображениями интерес представляет пример (4). С одной стороны, «крутыми парнями» в нем называются сильные люди с твердым характером (что соответствует понятию *tough*); с другой стороны, говорящий выражает восхищение такими качествами, указывая на них как на наиболее привлекательные. Таким образом, значение прилагательного *крутой* в этом примере может быть передано в английском переводе как прилагательным *tough*, так и прилагательным *cool*.

Безусловно, существуют и контексты, в которых значение слова *крутой* сводится лишь к сильному положительному впечатлению, которое производит определяемый объект на окружающих, и соответствует оценочному значению английского прилагательного *cool*, но не *tough*, ср.:

- (5) — Я просто дива в этом платье, — комментирует Валерия, — Оно очень **крутое!** [Наталья Тубольцева. Мисс Стиль «КП» Валерия Шарыгина: «Обожаю экспериментировать со своей внешностью!» // Комсомольская правда. 18.04.2011].
- (6) — Установи, как положено, номера, и твой мотоцикл будет выглядеть еще **круче**, — советует Геннадий Дмитриевич [Н. Ступников. За прошедший год на областных дорогах погибли 13 детей // Комсомольская правда. 14.05.2011].

Такое значение полностью соответствует дефиниции, данной в словаре [Скляревская 2008], значение 3: «Производящий сильное впечатление, неординарный, особо престижный».

Таким образом, спектр экспрессивно-оценочных значений у прилагательного *крутой* шире, чем у каждого из двух английских прилагательных (*tough* и *cool*), которые, по имеющимся гипотезам, являются объектами калькирования: в части контекстов *крутой* соответствует по значению только английскому прилагательному *tough*, в части — только *cool*, а в некоторых случаях в качестве перевода может быть выбрано любое из двух английских прилагательных. В связи с этим возникают сомнения в том, что в данном случае имеет место калькирование с какого-либо одного из двух английских слов. Кроме того, переносные оценочные значения, реализуемые прилагательным *крутой*, безусловно, связаны между собой общей идеей неординарности и силы производимого впечатления, что позволяет считать их оттенками одного значения и заставляет усомниться в том, что мы имеем дело с двумя кальками с разных английских слов.

Чтобы разрешить возникшие сомнения, необходимо, как представляется, обратиться к сущности семантического калькирования как контактного влияния одного языка на другой.

Механизм семантического калькирования может быть описан следующим образом. В некоторый период времени язык L1 оказывает влияние на язык L2, являясь для последнего источником пополнения лексикона. Язык L2 нуждается в лексической единице для передачи значения ‘X’, которое передается в языке L1 лексической единицей WL1 и является в этом языке производным значением, образованным путем переноса наименования от значения ‘X’ лексической единицы WL1. Чтобы имело место семантическое калькирование, в языке L2 должна существовать некоторая лексическая единица WL2, которая по аналогии с лексической единицей WL1 языка L1 приобретет переносное значение ‘X’. Возникает вопрос, каким образом в языке L2 осуществляется выбор лексической единицы для выражения переносного значения ‘X’: является ли такой выбор произвольным или имеются какие-либо факторы, ограничивающие свободу выбора?

Логичным представляется следующее предположение: поскольку наличие значения ‘X’ у лексической единицы WL1 является результатом переноса наименования от исходного значения ‘X’, то и лексическая единица WL2 языка реципиента должна иметь значение ‘X’, т. е. между единицами WL1 и WL2 языков L1 и L2 должна заранее наблюдаться переводная

эквивалентность на уровне значения 'X' — значения, являющегося исходным для переносного значения 'X'.

Соответственно, механизм семантического калькирования можно представить в виде следующей схемы:

1. До калькирования: устоявшаяся переводная эквивалентность на уровне исходного значения			
Язык	Лексическая единица	Значения	
		исходное	переносное
L1:	WL1:	'X'	'X''
(переводная эквивалентность)			
L2:	WL2:	'X'	
2. Калькирование: добавление значения			
Язык	Лексическая единица	Значения	
		исходное	переносное
L1:	WL1:	'X'	'X''
(переводная эквивалентность) →			↓ (аналогия)
L2:	WL2:	'X'	'X''
3. Калькирование осуществлено: расширение зоны переводной эквивалентности			
Язык	Лексическая единица	Значения	
		исходное	переносное
L1:	WL1:	'X'	'X''
(переводная эквивалентность)			
L2:	WL2:	'X'	'X''

Схема 1. Этапы семантического калькирования

Таким образом, для выражения требуемого значения выбирается лексическая единица WL2 языка-реципиента L2, которая является устоявшимся переводным эквивалентом единицы WL1 языка-источника L2 на уровне исходного значения 'X' (такая эквивалентность является необходимым, но, естественно, не достаточным условием).

В работах, где вводится и определяется понятие семантической кальки, приводимые авторами иллюстративные примеры отвечают требованию словарной переводной эквивалентности на уровне исходных значений. В частности, механизм приобретения русским глаголом *трогать* переносного значения «волновать чувства» под влиянием французского глагола *toucher* (пример Анны А. Зализняк, http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/KALKA.html) в качестве необходимого предварительного условия предполагает наличие словарного соответствия на уровне исходных значений: 'X'_(WL1 = TOUCHER) = 'X'_(WL2 = ТРОГАТЬ), ср.: 'X'_(TOUCHER): «1. [Le suj. désigne un animé ou une partie de son corps, qui entre en contact direct avec ce que désigne le compl.] a) Entrer en contact avec quelqu'un, quelque chose. (1. [Субъект обозначает одушевленный предмет или часть его тела, который/ая входит в непосредственный контакт с тем, что обозначается объектом]. а) Входить в контакт с кем-либо, чем-либо)» [CNRTL]; 'X'_(ТРОГАТЬ): «1. Прикасаться к кому-, чему-л., дотрагиваться» [MAC]. Таким образом, имеет место тождество исходного значения 'X', благодаря чему становится возможным калькирование имеющегося у единицы WL1 переносного значения 'X'_(TOUCHER): «6. *Au fig.*

a) [Le suj. désigne qqc. d'abstr.] Provoquer une impression affective ou intellectuelle déterminée; affecter d'une manière précise. b) Émouvoir en suscitant une sympathie profonde, des sentiments d'affection. (6. *Перен.* а) [Субъект обозначает что-л. отвлеченное] Производить определенное эмоциональное или интеллектуальное впечатление, оказывать определенное влияние. б) Волновать, вызывая глубокую симпатию, нежные чувства)» [CNRTL].

Необходимость переводной эквивалентности на уровне исходных значений для признания факта семантического калькирования кажется интуитивно ясной: словарное соответствие на этом уровне демонстрируют все без исключения бесспорные семантические кальки и их иноязычные прототипы, приводимые в работах, где определяется понятие и/или описывается сущность семантического калькирования. Однако эксплицитно о соответствии исходных значений лексических единиц языка-источника и языка-реципиента как об условии семантического калькирования упоминает лишь Е. В. Маринова (см. [Маринова 2012: 136]).

Представляется, что применение критерия соответствия исходных значений лексических единиц в языке-источнике и языке-реципиенте позволяет отграничить появившиеся в русском языке рубежа XX—XXI вв. новые семантические кальки от случаев самостоятельной семантической деривации, а игнорирование указанного критерия при установлении фактов калькирования может привести к ошибочному признанию кальками результатов самостоятельного развития у лексических единиц новых значений.

Именно такая ошибка имеет место в случае признания прилагательного *крутой*, употребляемого в переносных оценочных значениях, семантической калькой с английских прилагательных *tough* и *cool* (или любого одного из них). Легко видеть, что попытка приложить приведенную схему процесса калькирования к переносным оценочным значениям прилагательного *крутой* (и предикатива *круто*) даст отрицательный результат: как показал проведенный выше анализ примеров, эквивалентность между переносными значениями ('X') устанавливается (см. выше комментарии к примерам), однако сопоставление исходных значений свидетельствует об отсутствии эквивалентности, ср.:

'X'_(TOUGH) = 1. (Of a substance or object) strong enough to withstand adverse conditions or rough handling [...] (1. (О материале или предмете) достаточно прочный, чтобы выдерживать неблагоприятные условия или небрежное обращение [...]) [Oxford].

'X'_(COOL) = 1. Of or at a fairly low temperature (1. Характеризующийся относительно низкой температурой, имеющий место при относительно низкой температуре) [Oxford].

'X'_(КРУТОЙ) = 1. Почти отвесный, обрывистый [...] || Резко изогнутый или очерченный; выпуклый [...] || Высоко поднимающийся [...] [MAC].

Таким образом, ввиду несоответствия исходного значения прилагательного *крутой* исходным значениям прилагательных *tough* и *cool* переносные значения русского прилагательного нельзя признать полученными в результате калькирования: появление у прилагательного *крутой* переносных оценочных значений 'отличающийся особой силой, агрессивный, и впечатляющий этими качествами' и 'производящий сильное впечатление, неординарный, особо престижный' является результатом самостоятельного развития семантики русского прилагательного на основе имеющихся у него зафиксированных в словаре [MAC] значений «Суровый, упрямый, своевольный [...] || Очень строгий, решительный, резкий» и «Проявляющийся и действующий с большой силой и резкостью [...]».

Иначе обстоит дело в случаях восполнения числовых парадигм некоторых абстрактных существительных — *продажа*, *озабоченность*, *практика* и др. — и их употребления во множественном числе: *повысить объемы продаж*, *снять озабоченности сторон*, *потребительские практики* и т. п. Такому употреблению в значительной степени способствует появление у этих слов новых значений, по-видимому, калькированных с английского языка.

В частности, подавляющее большинство употреблений форм мн. ч. лексемы *продажа* приходится на случаи реализации ею значений 'сбыт продукции как направление коммерческой деятельности' и 'количество проданных товаров, объем товарооборота', не

зафиксированных в толковых словарях русского языка и появившихся у данной лексики в результате семантического калькирования с английского языка, где именно эти значения реализуются только формой мн. ч. *sales*, что специально отмечается в английских толковых словарях (например, [Oxford]). Таким образом, в данном случае восполнение числовой парадигмы происходит не в последнюю очередь, хотя и не исключительно, за счет новых значений, появившихся у лексики *продажа* (а точнее, лишь у ее форм мн. ч.) в последние три десятилетия в результате калькирования. Подробный анализ динамики развития парадигмы слова *продажа* содержится в статье [Горбов 2014]. Следует особо отметить, что предположение о калькировании лишалось бы всякого основания, если бы не наблюдалось переводной эквивалентности между словами *sale* и *продажа* на уровне их исходного значения — ‘действие по глг. продать-продавать’ [Ушаков; МАС] и ‘the action of selling something’ [Oxford]. Таким образом, механизм семантического калькирования, запуск которого способствовал восполнению числовой парадигмы данного существительного, полностью укладывается в приведенную выше схему, если переменным приписать следующие значения:

L1 = английский; WL1 = *sale*
L2 = русский; WL2 = *продажа*

‘X’_(SALE) = «The action of selling something» [Oxford] = ‘X’_(ПРОДАЖА) = «действие по глг. продать-продавать» [Ушаков; МАС]

а) ‘X’_(SALE, pl) = «A quantity or amount sold» [Oxford] = ‘X’_(ПРОДАЖА, мн.) = «количество проданных товаров или стоимость проданных товаров» [в словарях не зафиксировано], ср.:

(7) В результате **продаж** в денежном выражении вырастут на 70—80 млн долл. [А. Саруханов. «Амтел-Фредештайн» доехал до Москвы // РБК Daily. 27.07.2006];

б) ‘X’_(SALE, pl) = «The activity or business of selling products» [Oxford] = ‘X’_(ПРОДАЖА, мн.) = «деятельность или занятость в области продажи продукции» [в словарях не зафиксировано], ср.:

(8) «У нас первые дни всегда проходят в бесконечных совещаниях, — рассказывает менеджер по **продажам** Сергей Дубенцов [А. Ильина, Н. Чудова. Чем занять отдел во время посленовогоднего затишья // Труд-7. 14.01.2011].

В принципе аналогичная ситуация наблюдается с формами мн. ч. лексем *озабоченность* и *практика*, отсутствующими в текстах, созданных ранее середины 1990-х гг. В отличие от числовых парадигм существительных *риск* и *продажа*, подробно проанализированных в статье [Горбов 2014], числовые парадигмы лексем *озабоченность* и *практика*, согласно данным НКРЯ, были дефектными на всем протяжении существования этих слов в русском языке вплоть до конца XX в., и их формы мн. ч. вошли в узус лишь в 1990-е гг.: первое употребление формы мн. ч. существительного *озабоченность*, зафиксированное в основном корпусе НКРЯ, относится к 1998 г., формы мн. ч. существительного *практика* — к 1996 г. Развитие полных числовых парадигм у этих слов является прямым результатом появления у них новых значений в результате семантического калькирования.

Так, существительное *озабоченность* помимо ранее имевшегося у него значения «свойство или состояние по знач. прил. *озабоченный*» [МАС] в последнее десятилетие XX в. приобрело новое значение ‘*повод для беспокойства; проблема, вызывающая особую тревогу*’, в котором употребляется как исчисляемое существительное с полной числовой парадигмой, ср.:

(9) Полагаем, что будет ускорен процесс разрешения законных **озабоченностей** России, еще сохраняющихся в отношениях с Европейским союзом [Ответ официального представителя МИД России на вопрос ИТАР-ТАСС, других информационных агентств в связи с одобрением саммитом ЕС текста Конституции Евросоюза // «Дипломатический вестник» (2004)].

Указанное значение появилось у лексики *озабоченность* в результате семантического калькирования с англ. *concern*, стандартным переводным эквивалентом которого в русском

языке, особенно в дипломатическом дискурсе, является существительное *озабоченность*. В связи с этим следует отметить, что в основном корпусе НКРЯ значительная доля вхождений лексемы *озабоченность* в текстах, созданных после 1990 г., приходится именно на тексты по проблемам международных отношений. По данным корпуса, доля употреблений форм мн. ч. рассматриваемой лексемы составляет в текстах 2001—2005 гг. 22,3 % (100 из 448 вхождений за указанный период); в текстах же 1981—2000 гг. этот показатель составляет всего 1,9 % (2 из 207 вхождений), а в текстах до 1980 г. употреблений форм мн. ч. этого существительного в НКРЯ не зафиксировано.

В настоящее время такое употребление вышло за рамки дипломатического дискурса и стало достаточно частотным в текстах широкой общественно-политической тематики, ср.:

- (10) Я в целом знаком, мне докладывали и о тех проблемах и **озабоченностях**, которые вас волнуют сегодня [Встреча В. В. Путина с жителями Беслана. Обобщение // РИА Новости. 02.09.2005].

В данном случае гипотеза о семантическом калькировании представляется вполне обоснованной, поскольку имеется переводная эквивалентность на уровне исходного значения, и механизм развития нового переносного значения у существительного *озабоченность* укладывается в описанную выше схему:

L1 = английский; WL1 = *concern*

L2 = русский; WL2 = *озабоченность*

‘X’_(CONCERN) = «anxiety, worry» [Oxford] = ‘X’_(ОЗАБОЧЕННОСТЬ) = «свойство или состояние по знач. прил. *озабоченный*» [Ушаков; МАС]. Согласно данным переводных словарей [НБАРС; НБРАС], прилагательное *concerned* является одним из основных переводных эквивалентов прилагательного *озабоченный*; что касается переводных эквивалентов самого существительного *concern*, в качестве таковых приводятся лишь синонимы *беспокойство, забота, тревога*, однако в НБАРС слово *озабоченность* употребляется в примерах переводов коллокаций («to express deep [concern] — выражать большую озабоченность; to cause [concern] — вызывать беспокойство /тревогу, озабоченность/»). В данном — исходном — значении существительное *concern*, как и русское *озабоченность*, является неисчисляемым.

‘X’_(CONCERN) = «A cause of anxiety or worry» [Oxford] = ‘X’_(ОЗАБОЧЕННОСТЬ) = «повод для беспокойства или тревоги» (в словарях не зафиксировано). В этом значении существительное *озабоченность*, так же как и *concern*, является исчисляемым и имеет полную числовую парадигму. Следует отметить, что в данном случае имеет место вполне естественный метонимический перенос, и в принципе новое значение могло бы развиваться без иноязычного влияния, однако условия появления этого значения (в частности, тот факт, что новое значение фиксируется прежде всего в текстах одной из тематических групп, в наибольшей степени подверженных влиянию английского языка) свидетельствуют об обратном. При этом обязательной предпосылкой семантического калькирования переносного значения является, как и в других рассмотренных случаях, переводная эквивалентность на уровне исходного значения.

Существительное *практика* также становится исчисляемым в новом значении ‘обычный способ поведения или выполнения каких-л. действий или процедур’, и, несмотря на наличие в соответствующей статье словаря [Крысин 2010б] ограничительной пометы «мн. нет», в начале XXI в. начинает употребляться в формах мн. ч., например, в коллокациях *потребительские практики, эзотерические практики, социальные практики, сексуальные практики, речевые практики* и т. п., ср.:

- (11) Однако Высоцкий не знал необходимых духовных **практик**, и прежде всего — практики смирения, добровольной бедности и упования на Бога [В. Емельянов. Спортлото, или Мироздание по Высоцкому (2003) // «Лебедь» (Бостон). 14.07.2003].
- (12) Во-первых, социальные **практики** приводят к изменению качества жизни [Резник 2008: 86].

Точная количественная оценка роста частоты употребления форм мн. ч. по НКРЯ в данном случае затруднена омонимией не только падежно-числовых форм лексемы *практика*, но и их омонимией с формами лексемы *практик* ('работник, который хорошо изучил свое дело на практике' и 'практичный, деловой человек' — толкования по словарю [Крысин 2010б]). Значительно проще произвести такую оценку только для случаев употребления рассматриваемой лексемы в сочетаниях с зависимыми прилагательными в препозиции, задав в критериях лексико-грамматического поиска соответствующие флексии прилагательных женского рода и исключив таким образом попадание в выборку большей части омонимичных форм слова *практик*. Согласно результатам поиска в основном корпусе НКРЯ, случаи употребления лексемы *практика* во множественном числе в сочетании с зависимым прилагательным в текстах, созданных до начала XXI в., отсутствуют: наиболее ранний по времени создания текст, содержащий такое сочетание, относится к 2002 г. (в газетном корпусе, где представлены тексты, созданные не ранее 2000 г., первый по времени создания текст с таким употреблением рассматриваемой лексемы датируется 2001 г., причем общее количество примеров такого употребления в газетном корпусе почти вдвое больше, чем в основном, что ясно указывает на путь проникновения данной инновации). Таким образом, расширение семантики слова *практика* в результате появления у него переносного значения (метонимия: деятельность → вид деятельности) и, соответственно, восполнение числовой парадигмы этого существительного следует, по-видимому, рассматривать как новейшее явление, имеющее место в контексте общего усиления контактных влияний со стороны английского языка.

Представляется, что появление у существительного *практика* указанного переносного значения также является результатом семантического калькирования с английского *practice*, имеющего в соответствующем значении ('the customary, habitual, or expected procedure or way of doing of something' [Oxford]) полную числовую парадигму, ср. следующие примеры, взятые из «Корпуса современного американского варианта английского языка» [СОСА]:

- (13) Cross-culturally, the posture of standing meditation [...] is used in the martial arts, **spiritual practices**, and in the military as a way of reinforcing and coalescing the three universal powers and of connecting with the greater being of who they are (A. Arrien. Four basic archetypal ways found in shamanic traditions // Fall90. Vol. 13. Issue 2. P. 59).
- (14) Thus, discourses exist both in written and oral forms and in the **social practices** of everyday life (P. Vila. Tango to folk: Hegemony construction and popular identities in Argentina // Studies in Latin American popular culture. 1991. Vol. 10. P. 107).

В качестве примеров (13) и (14) из корпуса специально выбраны предложения, содержащие коллокации *spiritual practices* и *social practices*, переводными эквивалентами которых являются употребленные в примерах (11) и (12) коллокации с формами мн. ч. существительного *практика*; при этом намеренно подбирались примеры из текстов, созданных в начале 1990-х годов (в корпус [СОСА] включены тексты, созданные в период с 1990 г. по настоящее время).

Приведенные соображения подтверждают гипотезу о том, что формирование нового значения у слова *практика* так же, как и в описанных выше случаях, происходит на основе устоявшейся переводной эквивалентности (*practice* = *практика*), причем результатом действия механизма калькирования и расширения семантического спектра лексемы *практика* в русском языке является восполнение числовой парадигмы этого существительного за счет употребления форм мн. ч. в стандартном вторичном значении этой грамеммы — «видовом множественном» (о вторичных значениях грамем числа см. [Плунгян 2003: 281—283]).

2. О понятии «вторичное заимствование»

и его соотношении с понятием семантического калькирования

Расширение лексической семантики и восполнение парадигмы лексемы *практика* представляет особый интерес, поскольку это слово является заимствованным и его иноязычное происхождение обычно отражается в толковых словарях современного русского языка

(см., например, [МАС; Крысин 2010б]). Это обстоятельство важно в связи с вводимым в ряде авторитетных лингвистических работ (в том числе дидактического и справочного характера) понятием «вторичного заимствования» (см., например, [Крысин 2008: 106—112; 2010а: 161—167; Маринова 2012: 112—115; 2013: 136—137]).

Данным термином обозначаются случаи, когда «наряду с ранее заимствованным и ассимилированным в языке словом появляется слово, по форме совпадающее с ранее заимствованным, но имеющее иное значение, вплоть до полной омонимии» [Крысин 2008: 106; 2010а: 161]. Такое толкование не предполагает однозначного понимания того, является ли второе слово, которое совпадает с первым по форме, тем же словом, что и первое (в этом случае речь идет о расширении семантического потенциала уже существующей лексической единицы), или первое и второе слово являются разными словами (тогда имеется в виду вхождение в словарь новой лексической единицы, омонимичной уже существующей).

Легко видеть, что рассмотренный выше пример появления у лексемы *практика* нового значения подпадает под понятие «вторичного заимствования» в случае толкования последнего как расширения многозначности уже существующего в языке ранее заимствованного слова. Сам Л. П. Крысин, по-видимому, такое толкование допускает, поскольку включает в объем понятия «вторичного заимствования» случаи применения механизма калькирования к ранее заимствованным словам. В частности, относя к «вторичным заимствованиям» существительное *резюме* в значении «краткая автобиография с характеристикой деловых качеств, представляемая кандидатом на какую-либо должность, участником какого-либо конкурса и т. п.» [Крысин 2010б: 661], он отмечает, что «[э]то новое значение представляет собой семантическую кальку соответствующего значения многозначного английского слова *resume* [...]» [Крысин 2008: 108].

При этом понятие «вторичного заимствования», по-видимому, включает в себя не только случаи применения языкового механизма калькирования к ранее заимствованным лексическим единицам. К категории «вторичных заимствований» исследователи относят и случаи, когда заимствуется слово, материально совпадающее с другой, ранее заимствованной, лексической единицей, однако это совпадение ограничивается лишь материальной формой и новая единица не обнаруживает с ней семантической связи (по крайней мере, в русском языке такой связи не прослеживается).

Такая ситуация имеет место, в частности, в случаях позднейшего заимствования вторичных (переносных) значений ранее заимствованного слова при отсутствии в языке-реципиенте у этого слова исходного значения, на основе которого в языке-источнике имел место перенос наименования. Результатом такого «вторичного заимствования» становится омонимия. Характерным примером являются рассмотренные Л. П. Крысиным [Крысин 2008: 111—112] омонимы: более раннее заимствование *пилот*₁ — «летчик, управляющий летательным аппаратом» (к этому значению в последние десятилетия добавилось полученное семантическим калькированием значение «гонщик в некоторых видах автоспорта, например в гонках “Формулы-1”») и новейшее *пилот*₂ — «пробный выпуск печатного издания» (толкование Л. П. Крысина). В английском и французском языках у слова *pilot* (англ.) / *pilote* (франц.) присутствуют все указанные значения, однако значение, которому соответствует новейшее заимствование *пилот*₂, является производным (метафорический перенос) от значения «лоцман», отсутствующего у слова *пилот* в русском языке, ср. толкования англ. *pilot* — «[a] person with expert local knowledge qualified to take charge of a ship entering or leaving a harbour» [Oxford] / франц. *pilote* — «[m]arin habilité à assister le capitaine pour guider le navire dans les passages difficiles, à l'entrée ou à la sortie d'un port» [CNRTL].

Случаи другого типа, которые исследователи также рассматривают под рубрикой «вторичного заимствования», не отличая их от рассмотренных выше, — примеры позднейшего заимствования лексических единиц, изначально являющихся омонимичными ранее заимствованным в силу различного этимологического происхождения.

В частности, Е. В. Маринова относит ко «вторичным заимствованиям» слова *кейс* в значении «методика моделирования и анализа в сфере бизнеса [...]» [Маринова 2008: 393]

и *логистика* в значении «теория и практика управления матер.-тех. обеспечением, товарно-матер. запасами» [Маринова 2013: 136] на том основании, что в русском языке до появления указанных слов в приведенных значениях уже существовали заимствования с идентичным планом выражения, но с другими значениями. Полагая, что «[в]торичное, или повторное, заимствование так же, как и калькирование, представляет собой тип скрытого заимствования, так как в данном случае язык не получает фонетически нового слова (как при материальном заимствовании) — “перенимается” только значение иноязычного оригинала», исследовательница при этом не учитывает, что у рассматриваемых ею новых заимствований и у ранее существовавших в русском языке слов с теми же экспонентами «иноязычные оригиналы» различны.

Так, прототипы омонимов *кейс*₂ (в указанном автором значении) и более раннего заимствования *кейс*₁ (‘портфель с жестким прямоугольным каркасом, похожий на небольшой чемоданчик’) являются омонимами уже в языке-источнике (английском), поскольку восходят к разным этимонам: *case*₁ (‘чемодан’) < ст.-франц. *casse, chasse* (совр. франц. *caisse* ‘ларь, сундук, касса’, ср. также русск. *касса, chässe* ‘церк. рака, оправа (очков)’) < лат. *capsa*, от лат. глагола *capere* ‘брать’; *case*₂ (‘случай’) < ст.-франц. *cas* < *casus* ‘падение’, от лат. глагола *cadere* ‘падать’ (данные этимологических справок соответствующих статей словаря [Oxford]).

Омонимы *логистика*₁ (‘математическая логика’ и т. п. (см. [Крысин 2010б: 443]) и *логистика*₂ (см. толкование Е. В. Мариновой выше) также соотносятся с разными этимонами: *логистика*₁ является немецким заимствованием (*Logistik*), содержащим в себе греческий по происхождению корень, представленный также в слове *логика*; *логистика*₂ — от англ. *logistics* (см. [Там же: 443]), заимствованного из французского языка (*logistique* < *loger* ‘помещать, размещать’) [Oxford: данные этимологической справки в статье *logistics*].

Представляется, что высказанные выше соображения не оставляют сомнений в том, что при омонимии ранее заимствованного слова и иноязычного неологизма речь не может идти о скрытом заимствовании, то есть о такой форме заимствования, когда «язык-реципиент принимает из языка-источника только семантику языкового знака, используя для плана выражения этой семантики исконное слово или более раннее заимствование» [Маринова 2013: 98]: ясно, что совпадение плана выражения омонимов — например *логистика*₁ и *логистика*₂ — носит с точки зрения языковой системы чисто случайный характер и язык не может как-либо использовать более раннее заимствование для выражения новой семантики.

Иными словами, при отсутствии семантической связи между «старым» и «новым» заимствованиями применение механизма семантического калькирования невозможно, и в данном случае можно говорить лишь о материальном (а не скрытом) заимствовании, то есть о заимствовании не только содержания, но и экспонента. Это подтверждается и тем, что у «вторичных» и «первичных» заимствований могут обнаруживаться некоторые различия в плане выражения. В частности, рассматривая среди прочих «вторичных» заимствований прилагательное *транспарантный*, Л. П. Крысин справедливо указывает на его отличие от прилагательного *транспарантний*, образованного от «первичного» заимствования *транспарант* (см. [Крысин 2008: 110; 2010а: 164]).

Таким образом, понятие «вторичного заимствования» включает в себя различные по своей природе явления, и соответствующий термин, в отличие от термина «семантическое калькирование», не является обозначением какого-либо лингвистического механизма контактного влияния одного языка на другой. Под рубрикой «вторичного заимствования» даже в работах одного и того же автора (см., например, [Маринова 2008; 2012; 2013]) в действительности рассматриваются случаи лексического заимствования и семантического калькирования, но только такие, когда новая лексическая единица материально совпадает (допускается даже неполное совпадение, см. [Маринова 2012: 115]) с уже имеющейся в словарном составе языка-реципиента и при этом материально заимствованной лексической единицей, вне зависимости от наличия или отсутствия этимологической и семантической связи между этими единицами. Такой объединяющий признак, как

представляется, не может быть признан достаточным основанием для выделения «вторичного заимствования» в качестве особого языкового механизма, отличного от материального заимствования и калькирования.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что семантическое калькирование представляет собой один из языковых механизмов контактного влияния, активно используемых языком-реципиентом для расширения семантического потенциала имеющихся лексических единиц за счет значений, имеющихся у их словарных эквивалентов в языке-источнике. Действие данного механизма иногда также способствует изменению в грамматике языка (например, именно семантическое калькирование является катализатором процесса восполнения числовых парадигм абстрактных существительных). При этом факт семантического калькирования достоверно выявляется только тогда, когда иноязычное слово, выступающее источником нового значения для некоторого слова языка-реципиента, является словарным переводным эквивалентом слова воспринимающего языка на уровне исходного значения, которое служит основой для переноса наименования в языке-источнике.

В отличие от термина «семантическое калькирование», который служит для обозначения определенного механизма контактного влияния одного языка на другой, термин «вторичное заимствование» отражает лишь факт вхождения в язык-реципиент лексической единицы (нового слова или нового значения уже имеющегося слова), совпадающей в плане выражения с ранее заимствованной языком-реципиентом единицей, независимо от того, является это совпадение закономерным или случайным. Употребление данного термина представляется оправданным лишь с точки зрения лексикографа — составителя словаря иноязычных слов, фиксирующего появление в языке новой лексической единицы, поскольку перед ним встает проблема разграничения явлений полисемии и омонимии. Именно такой подход имеет место в работах Л. П. Крысина (см. [Крысин 2008: 106—112; 2010а: 161—167]). Однако после установления происхождения «вторичного заимствования» и решения вопроса о наличии или отсутствии у него семантических связей с соответствующим «первичным заимствованием» анализируемый иноязычный неологизм (новое слово или значение) должен быть — в зависимости от результатов исследования — отнесен либо к материальным заимствованиям, либо к калькам.

Нельзя согласиться с точкой зрения Е. В. Мариновой [Маринова 2008: 388—393; 2012: 112—115; 2013: 83—85, 136—137], которая представляет «вторичное заимствование» как языковой механизм (процесс) «скрытого заимствования», по сути аналогичный семантическому калькированию, но отличающийся от него в первую очередь тем, что «[п]ри С. к. (семантическом калькировании. — А. Г.) слово, заимствующее знач[ение], чаще вс[его] является исконным» (оговорка «чаще всего» вызвана признанием того факта, что в качестве объекта калькирования могут использоваться и так называемые «старые» заимствования — *акула (бизнеса), команда (президента), электронная (почта)* — см. [Маринова 2013: 136].

Такой подход представляется неприемлемым, поскольку, как было показано выше, совпадение экспонентов при различии значений у заимствованных слов может быть вызвано разными причинами и обстоятельствами, в том числе может быть чисто случайным. Кроме того, надежных лингвистических критериев разграничения «старых» и «новых» заимствований не существует.

Таким образом, имеется лишь два языковых механизма расширения словарного состава языка посредством иноязычного контактного влияния — лексическое (материальное) заимствование и калькирование, в том числе семантическое. Понятие же «вторичного заимствования», включая в себя как случаи создания семантических калек на основе иноязычной лексики, так и случаи материального заимствования слов, омонимичных уже имеющимся в лексиконе иноязычным словам, однозначно не соотносится ни с каким языковым механизмом. Соответственно, и словосочетание «вторичное заимствование» не может быть

признано лингвистическим термином в том смысле, в каком таковыми являются терминологические обозначения «материальное заимствование» и «калькирование», поскольку в отличие от последних не описывает языковой механизм, раскрытие которого может быть целью исследования, а лишь обозначает фиксируемое на поверхностном уровне формальное совпадение, которое с точки зрения системы языка может быть как закономерным, так и абсолютно случайным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Балли 1961 — Балли Ш. Французская стилистика. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. [Bally Ch. *Frantsuzskaya stilistika* [French stylistics]. Moscow: Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1961.]
- Горбов 2014 — Горбов А. А. Числовые парадигмы абстрактных существительных в русском языке XX века: тенденции развития и влияние английского языка // *Russian linguistics*. 2014. Vol. 38. № 1. С. 23—46. [Gorbov A. A. Number paradigms of abstract nouns in 20th century Russian: development trends and the influence of English. *Russian linguistics*. 2014. Vol. 38. № 1. Pp. 23—46.]
- Ермакова 2008 — Ермакова О. П. Семантические процессы // Крысин Л. П. (отв. ред.). Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX—XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 33—99. [Ermakova O. P. Semantic processes. *Sovremennyy russkii yazyk: aktivnye protsessy na rubezhe XX—XXI vekov*. Krysin L. P. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008. Pp. 33—99.]
- Ефремов 1974 — Ефремов Л. П. Основы теории лексического калькирования. Алма-Ата: КазГУ, 1974. [Efremov L. P. *Osnovy teorii leksicheskogo kal'kirovaniya* [Fundamentals of lexical calquing]. Alma-Ata: Kazakhstan State Univ., 1974.]
- Земская, Розина 1994 — Земская Е. А., Розина Р. И. О словаре современного русского жаргона. Принципы составления и образцы словарных статей // *Русистика*. 1994. № 1—2. С. 96—112. [Zemskaya E. A., Rozina R. I. About the dictionary of modern Russian slang. Principles of compiling and examples of lexical entries. *Rusistika*. 1994. № 1—2. Pp. 96—112.]
- Крысин 1996 — Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Земская Е. А. (отв. ред.). Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 142—161. [Krysin L. P. Foreign words in modern public life. *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985—1995)*. Zemskaya E. A. (ed.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996. Pp. 142—161.]
- Крысин 2000 — Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века. Исследования по славянским языкам. 2000. № 5. <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-00.htm>. [Krysin L. P. About some changes in the late 20th century Russian. *Issledovaniya po slavyanskim yazykam*. 2000. № 5. Available at: www.philology.ru/linguistics2/krysin-00.htm]
- Крысин 2002 — Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // *Вопросы языкознания*. 2002. № 6. С. 27—34. [Krysin L. P. Lexical borrowing and calquing in the Russian language of the last decades. *Voprosy jazykoznanija*. 2002. № 6. Pp. 27—34.]
- Крысин 2004 — Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [The Russian word, native and foreign: Studies in the modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Крысин 2008 — Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. [Krysin L. P. *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh: ocherki o russkoi leksike i leksikografii* [The word in modern texts and dictionaries: essays on the Russian lexis and lexicography]. Moscow: Znak, 2008.]
- Крысин 2010а — Крысин Л. П. (отв. ред.). Современный русский язык: Система — норма — узуc. М.: Языки славянских культур, 2010. [Krysin L. P. (ed.). *Sovremennyy russkii yazyk: Sistema — norma — uzus* [Modern Russian: System — norm — usage]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010.]
- Крысин 2010б — Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: ЭКСМО, 2010. [Krysin L. P. *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Defining dictionary of foreign words]. Moscow: EKSMO, 2010.]
- ЛЭС — Ярцева В. Н. (гл. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Yartseva V. N. (ed.). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [The linguistic encyclopaedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990.]
- Маринова 2008 — Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. [Marinova E. V.

Inoyazychnye slova v russkoi rechi kontsa XX — nachala XXI v.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya [Foreign words in the Russian speech of the late 20th century — early 21st century: problems of assimilation and functioning]. Moscow: ELPIS, 2008.]

- Маринова 2012 — Маринова Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2012. [Marinova E. V. *Inoyazychnaya leksika sovremennogo russkogo yazyka: uchebnoe posobie* [Foreign words in modern Russian: a work book]. Moscow: Flinta; Nauka, 2012.]
- Маринова 2013 — Маринова Е. В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник. М.: Флинта; Наука, 2013. [Marinova E. V. *Teoriya zaimstvovaniya v osnovnykh ponyatiyakh i terminakh: slovar'-spravochnik* [The borrowing theory in basic concepts and terms: a dictionary-reference guide]. Moscow: Flinta; Nauka, 2013.]
- МАС — Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1985. [Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [The Russian language dictionary]. Moscow: Russkii Yazyk, 1985.]
- НБАРС — Апресян Ю. Д., Медникова Э. М. (ред.). Новый большой англо-русский словарь. М.: Русский язык, 1993—1994. [Apresyan Yu. D., Mednikova E. M. (red.). *Novyi bol'shoi anglo-russkii slovar'* [New English-Russian dictionary]. Moscow: Russkii Yazyk, 1993—1994.]
- НБРАС — Ермолович Д. И., Красавина Т. М. Новый большой русско-английский словарь. М.: Русский язык; Медиа, 2008. [Ermolovich D. I., Krasavina T. M. *Novyi bol'shoi russko-angliiskii slovar'* [New Russian-English dictionary]. Moscow: Russkii yazyk; Media, 2008.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/> [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian national corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru]
- Плунгян 2003 — Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2003. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya: vvedenie v problematiku* [General morphology: introduction to the problematics]. M.: Editorial URSS, 2003.]
- Резник 2008 — Резник Ю. М. Человек и его социальные практики // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. М.: Институт философии РАН, 2008. Вып. 2. С. 84—102. [Reznik Yu. M. The man and his social practices. *Chelovek vchera i segodnya: mezhdistsiplinarnye issledovaniya*. Moscow: Institute of philosophy, Russian Academy of Sciences, 2008. Вып. 2. Pp. 84—102.]
- Скляревская 2008 — Скляревская Г. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М.: ЭКСМО, 2008. [Sklyarevskaya G. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika* [Defining dictionary of the early 21st century Russian]. Moscow: EKSMO, 2008.]
- Сорокин 1965 — Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е гг. XIX в. М.; Л.: Наука, 1965. [Sorokin Yu. S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka v 30—90-e gg. XIX v.* [Development of Standard Russian lexis in the 30s—90s of the 19th century]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965.]
- Ушаков — Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935—1940. [Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Defining dictionary of the Russian language]. M.: Gos. Izd-vo Inostrannykh i Natsional'nykh Slovarei, 1935—1940.]
- CNRTL — *Centre national de ressources textuelles et lexicales*. Available at: <http://www.cnrtl.fr/>
- COCA — *Corpus of Contemporary American English*. Available at: <http://corpus.byu.edu/coca/>
- Longman — *The Longman dictionary of contemporary English online*. Available at: <http://www.ldoceonline.com/>
- Oxford — *Oxford dictionaries*. Available at: <http://oxforddictionaries.com/>

Статья поступила в редакцию 04.07.2014.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НЕРЕАЛЬНОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКИХ СЛЕДОВ*

© 2015 г. А. К. Лауринавичюте^{a,®}, О. В. Драгой^{a,б},
М. В. Иванова^a, С. В. Купцова^{a,в}, А. С. Уличева^г

^a Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия; ^б Московский НИИ психиатрии Росздрава, Москва, 107076, Россия; ^в Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, Москва, 117485, Россия; ^г Университет Гонконга, Гонконг, Китай; ® alaurinavichute@hse.ru

Чтобы разделить влияние синтаксически- и контекстно-ориентированных стратегий при лингвистической обработке специальных вопросов в данном исследовании использовалась регистрация движений глаз и парадигма «визуальный мир». Согласно синтаксически-ориентированной стратегии, при обработке вопросов типа *Кто девочку поцеловал в школе?* активация референта, соответствующего объекту (*девочка*), во время прослушивания глагола будет свидетельствовать о следе синтаксического перемещения. Согласно контекстно-ориентированной стратегии, то, что слово *девочка* присутствует в вопросе, исключает ее из числа возможных antecedентов вопросительного слова, следовательно, данный референт не будет активирован; напротив, активируется агенс переходного действия. Действительно, результаты показывают, что доля фиксации на дополнении (*девочка*) была во время прослушивания глагола меньше, чем на подлежащем, и уменьшалась со временем. Таким образом, поиск референта, соответствующего вопросительному слову, в первую очередь определяется контекстом.

Ключевые слова: синтаксические следы, специальные вопросы, движения глаз

PSYCHOLOGICAL INSUBSTANTIALITY OF SYNTACTIC TRACES

Anna K. Laurinavichyute^{a,®}, Olga V. Dragoy^{a,б}, Maria V. Ivanova^a,
Svetlana V. Kuptsova^{a,в}, Anastasia S. Ulicheva^г

^a National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russia; ^б Moscow Research Institute of Psychiatry, Moscow, 107076, Russia; ^в Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology, Russian Academy of Sciences, Moscow, 117485, Russia; ^г The University of Hong Kong, Hong Kong, China, ulicheva@hku.hk; ® alaurinavichute@hse.ru

The present study employed the visual-world eyetracking paradigm to discriminate between the syntactic and context-oriented strategies concerning the processing of wh-questions in 36 native speakers of Russian. According to the syntactic-oriented strategy, while processing the questions like *Kto devochku potseloval v shkole?* (*who-NOM girl-ACC kissed at school?*), activation of the object referent *devochka* at the verb would signal a post-verbal trace of wh-movement. Alternatively, if the processing is context-dependent, the overt object *devochka* preceding the verb precludes the possibility that it could be the referent of the wh-filler, and the reactivation of the subject NP referent should follow instead. Indeed, the results show that the proportion of fixations on the object NP referent at the verb was less than on the subject NP referent. Therefore identification of the referent associated with the wh-filler is not syntactically constrained, but instead is contextually fed: as soon as the context provides enough cues to exclude referents that cannot be linked to the wh-filler, the remaining referent gets associated with it.

Keywords: syntactic trace, wh-questions, eye-tracking

* Исследование осуществлено при поддержке РГНФ (грант №12-04-00371а).

Введение

С тех пор, как было введено понятие следов синтаксических трансформаций [Chomsky 1957], адепты и критики теории трансформаций искали данные, подтверждающие или, напротив, опровергающие психологическую реальность этого теоретического конструкта. Известно, например, что при появлении в речи эксплицитных кореферентных единиц (местоимений, рефлексивов) в памяти активируются их антецеденты [Cloitre, Bever 1988; MacDonald, MacWhinney 1990]. Однако существует ли аналогичная связь между не выраженными эксплицитно следами синтаксических перемещений и их антецедентами? Данные следы представляют собой «пустые» единицы в синтаксической структуре, образовавшиеся из-за перемещения синтаксической составляющей. Например, в предложении *Мальчик поцеловал [девочку]_i, которую увидел [ ]_i в школе*, логический объект глагола *видеть* перемещен из своей канонической позиции после глагола в главную клаузу. Теория постулирует, что перемещенная составляющая оставляет синтаксический след в своей канонической позиции, и отношение данного следа к его перемещенному антецеденту формально похоже на отношение кореферентности между местоимением и его антецедентом. До сих пор результаты экспериментов, проведенных с использованием метода регистрации движений глаз, рассматривались как доказательство психологической реальности синтаксических следов и работы механизмов обработки следов, аналогичных механизмам обработки кореферентных местоимений и их антецедентов. Участники эксперимента, слушающие специальный вопрос (например, вопрос вида [*Кого*]_i, *мальчик поцеловал [ ]_i?*), в момент предъявления глагола *поцеловал* больше смотрели на изображение, соответствующее дополнению (*девочка*), чем на изображение, соответствующее подлежащему (*мальчик*), и данный факт трактовался исследователями [Dickey et al. 2007; Dickey, Thompson, 2009] как указание на след синтаксического перемещения объекта из постглагольной позиции (*Мальчик поцеловал [девочку]_i*) в позицию вопросительного слова ([*Кого*]_i, *мальчик поцеловал [ ]_i?*). Однако описанные выше эксперименты проводились только на материале английского языка, в котором в вопросе к дополнению (*Who did the boy kiss?*) обязательно присутствует подлежащее (*мальчик — the boy*). Данное обстоятельство затрудняет однозначное определение причины, по которой испытуемые смотрят на изображение, соответствующее дополнению: возможно, это действительно результат наличия следа синтаксической трансформации; но возможно также, что это отражение прагматической, контекстно-ориентированной стратегии — поскольку подлежащее (*мальчик*) уже названо, оно не может ассоциироваться с вопросительным словом *кого*, следовательно, необходимо выбрать второй возможный референт — *девочку*. Таким образом, и синтаксис, и прагматика предсказывают увеличение количества фиксаций на референте, соответствующем дополнению.

Мы хотим подчеркнуть, что для исследования синтаксической обработки уже давно успешно использовалась парадигма «визуальный мир» (запись движений глаз людей, которые слушают речь и одновременно смотрят на дисплей с изображениями; см. обзор [Федорова 2008]). Например, статья [Kamide et al. 2003] убедительно показывает, что синтаксическая обработка находит отражение в движениях глаз: в предложениях на немецком языке *Der Hase frißt...* ‘Заяц ест...’ испытуемые, услышав глагол *ест*, гораздо больше смотрели на объект, который может быть съеден зайцем (*капуста*), чем на остальные объекты на экране. Напротив, услышав *Den Hasen frißt...* ‘Зайца ест...’, они смотрели на изображение хищника, способного съесть зайца (*luca*) больше, чем на все остальные изображения на экране. Авторы делают вывод о том, что синтаксическая информация о падежном маркировании быстро интегрируется в синтаксическую репрезентацию и руководит глазодвигательным поведением слушающего.

Парадигма также успешно использовалась для исследования таких синтаксических процессов, как соотнесение местоимений [Arnold et al. 2000; Kaiser, Trueswell 2008] и рефлексивов [Kaiser et al. 2009] с соответствующими референтами. Таким образом,

не вызывает сомнений, что синтаксическая обработка может быть исследована с помощью парадигмы «визуальный мир».

Исследование

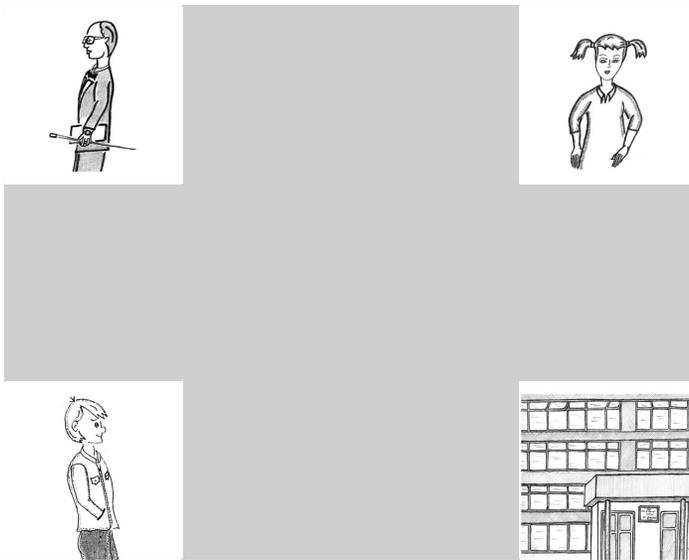
Целью настоящего исследования стало определение того, какая из двух стратегий языковой обработки — синтаксическая или контекстно-ориентированная — играет ключевую роль при языковой обработке вопросов вида *Кого мальчик поцеловал в школе?* Для ответа на поставленный вопрос были использованы метод регистрации движений глаз, позволяющий отследить особенности протекания языковой обработки в режиме реального времени, и русскоязычный экспериментальный материал, с помощью которого можно однозначно разделить две возможные стратегии. Дело в том, что в русском языке, в отличие от английского, возможно задать вопрос, относительно которого гипотезы о влиянии синтаксической и контекстно-ориентированной стратегии делают различные предсказания: например, в вопросе *Кто девочку поцеловал в школе?* объектом синтаксического перемещения было дополнение (*девочка*), однако вопросительное слово *кто* относится к подлежащему (*мальчик*). Таким образом, если наблюдаемый в англоязычных экспериментах эффект действительно связан с наличием следа синтаксической трансформации, мы ожидаем, что испытуемые, услышав глагол, будут больше смотреть на дополнение (*девочка*), поскольку именно оно было объектом трансформации. Напротив, если результаты предшествующих экспериментов связаны с прагматической, контекстно-ориентированной стратегией, следует ожидать увеличения фиксации на референте, соответствующем подлежащему (*мальчик*), к которому относится вопросительное слово.

Метод

Экспериментальный материал состоял из языковой (40 коротких историй, из них 20 экспериментальных и 20 отвлекающих) и зрительной (40 панелей с 4 рисунками каждая) частей. Панель с изображениями и аудиозапись истории предъявлялись испытуемому одновременно. В конце каждой истории участники эксперимента слышали вопрос, после чего они должны были в течение пяти секунд смотреть на изображение, которое они считали правильным ответом. Через пять секунд по нажатию клавиши следовала новая история. Экспериментальные истории состояли из трех повествовательных предположений, за которыми следовал вопрос в одной из двух форм — (2a) или (2b), например:

- (1) Однажды девочка и мальчик шли по школе. И вдруг мальчик поцеловал девочку. Учитель очень удивился.
- (2a) Кого мальчик поцеловал в школе?
- (2b) Кто девочку поцеловал в школе?

В первых трех предложениях (1) упоминалось транзитивное (переходное) действие — *поцеловал*, два вовлеченных в него референта-участника — *мальчик* и *девочка*, и два отвлекающих референта — *учитель* и *школа*. Имена референтов для каждой истории были сбалансированы по длине и частотности [Шаров], их начальные фонетические сегменты не пересекались. Каждому из четырех упомянутых референтов соответствовало изображение, располагавшееся в одном из углов экрана. Все изображения были нарисованы одним человеком, не отличались по стилистике и размеру (8,5 × 8,5 см, 1000 × 1000 пикселей). Чтобы исключить эффект привыкания, в разных экспериментальных пробах изображение каждого референта могло с равной вероятностью находиться в любом из углов зрительной панели. Пространство, не занятое изображениями, было серым, и каждое изображение занимало 32,5 % длины и ширины панели. Пример зрительной панели представлен на рисунке 1.

Рис. 1. Зрительная панель, соответствующая экспериментальной истории

Все стимулы были разделены на два экспериментальных листа, в каждом из которых присутствовало 10 историй с вопросом типа (2a) и 10 с вопросом типа (2b), так что участники видели каждую историю только с одной версией вопроса. Порядок предъявления экспериментальных и отвлекающих историй был псевдослучайным, так, чтобы истории в двух экспериментальных условиях были равномерно распределены по экспериментальному листу. Истории были записаны диктором мужского пола, для которого русский язык является родным, со скоростью речи 3 слога в секунду.

В эксперименте приняли участие 36 испытуемых (из них 23 женщины) без диагностированных неврологических нарушений, родным языком которых был русский, а средний возраст которых составлял 50 лет. Участники тестировались индивидуально, регистрация движений глаз велась при помощи камеры LC Technologies Eyegaze (Fairfax, VA, USA) с использованием метода роговничного блика. Для уменьшения случайных движений головы использовалась подставка, фиксирующая подбородок. Частота дискретизации камеры составляла 60 Гц (1 измерение в 16,7 мс). Эксперименту предшествовала автоматическая процедура калибровки (по 9 точкам) и пять тренировочных проб. Каждая проба начиналась с фиксационного креста в центре серого экрана, остававшегося на экране на протяжении 300 мс; затем испытуемым одновременно предъявлялись аудиозапись и панель с четырьмя изображениями. Звук был записан в формате wav (16 bit, mono, 44.1 kHz) и предъявлялся с помощью колонок. Зрительная панель оставалась на экране все время, пока проигрывалась аудиозапись, и 5 секунд после ее окончания. Экспериментатор контролировал течение эксперимента и движения глаз участников с помощью второго экрана, а также регулировал начало новых экспериментальных проб, что делало возможным повторную калибровку или перерыв, если в них была необходимость. Эксперимент длился 30—35 минут, 10—15 из которых занимали калибровка прибора для регистрации движений глаз и практика.

Анализ

Для того чтобы отслеживать изменения в активации референтов во времени, в каждом вопросе были выделены четыре временных региона интереса, которые затем подвергались анализу: вопросительное слово (*кто/кого*), именная группа (*девочку/мальчик*), глагол

поцеловал и окончание вопроса (*в школе*). Все регионы включали также незаполненную паузу после слова. В качестве дополнительного региона было выделено время после вопроса (5 с), когда испытуемые должны были смотреть на референт-ответ. Начало каждого региона измерялось двумя независимыми экспертами-лингвистами, родным языком которых был русский. Измерения были произведены для каждого вопроса на основании осцилло- и спектрограмм с помощью программы Sound Forge software. Следуя стандартной процедуре, границы каждого региона были сдвинуты на 200 мс, необходимых для планирования и осуществления саккады (быстрого перемещения взгляда) [Matin et al. 1993]. Статистическому анализу подвергались только измерения, входящие в состав фиксации. Вслед за работой [Dickey, Thompson 2009] мы определили фиксацию как длительный (минимум 100 мс) взгляд в одну точку (с разбросом в 4 пикселя по вертикали и 6 пикселей по горизонтали) экрана.

Ответы на вопросы в конце историй считались правильными, если в регионе ответа количество измерений (измерением здесь и далее мы считаем положение взгляда испытуемого каждые 16,7 мс), в которых взгляд падал на изображение референта, соответствующее правильному ответу, превышало количество измерений, в которых взгляд падал на любое другое изображение.

Статистическому анализу подвергались только пробы, на которые были получены правильные ответы. Для анализа данных использовалась эмпирическая логистическая регрессия (англ. «empirical logit regression», см. [Bart 2008]), набирающая в последнее время популярность как инструмент анализа данных движений глаз. Измерения были затем сгруппированы по испытуемым и экспериментальным условиям и усреднены внутри каждого из 50-миллисекундных временных интервалов (см. [Bart 2008]). После этого доля измерений, во время которых взгляд испытуемых был обращен на один из референтов переходного действия (подлежащее или дополнение) относительно измерений, когда взгляд был обращен на любые другие референты, была преобразована с помощью эмпирической логит-функции, чтобы компенсировать бимодальное распределение зависимой величины. В качестве зависимой переменной была взята разница между трансформированными показателями доли взглядов на референт, соответствующий подлежащему (*мальчик*), и референт, соответствующий дополнению (*девочка*).

Модели были построены с помощью функции `lmer()` пакета статистических функций ‘lme4’. Независимыми переменными в модели стали следующие: время (в секундах) от начала рассматриваемого региона (переменная была центрирована) и тип вопроса (переменная была подвергнута контрастному кодированию: вопрос (2a) закодирован как -1, (2b) как 1). Модель включала в себя также взаимодействие между указанными независимыми переменными и случайные свободные члены и коэффициенты для всех основных эффектов, аккумулярованных по испытуемым, чтобы учитывать меру изменчивости испытуемых и экспериментальных заданий [Bart et al., 2013]. Статистический анализ осуществлялся в программе R.

Результаты

Зависимой переменной в нашем анализе была разница между долей измерений, во время которых испытуемые смотрели на подлежащее (*мальчика*), и долей измерений, во время которых они смотрели на дополнение (*девочку*). Напомним, что если данная разница принимает положительные значения, испытуемые смотрят на подлежащее больше, чем на дополнение, и наоборот в случае отрицательных значений. На рисунке 2 можно увидеть пропорции фиксации на референтах — участниках действия во всех регионах анализа; ниже описаны результаты статистического анализа полученных данных, которые можно полностью увидеть в таблице 1 в Приложении.

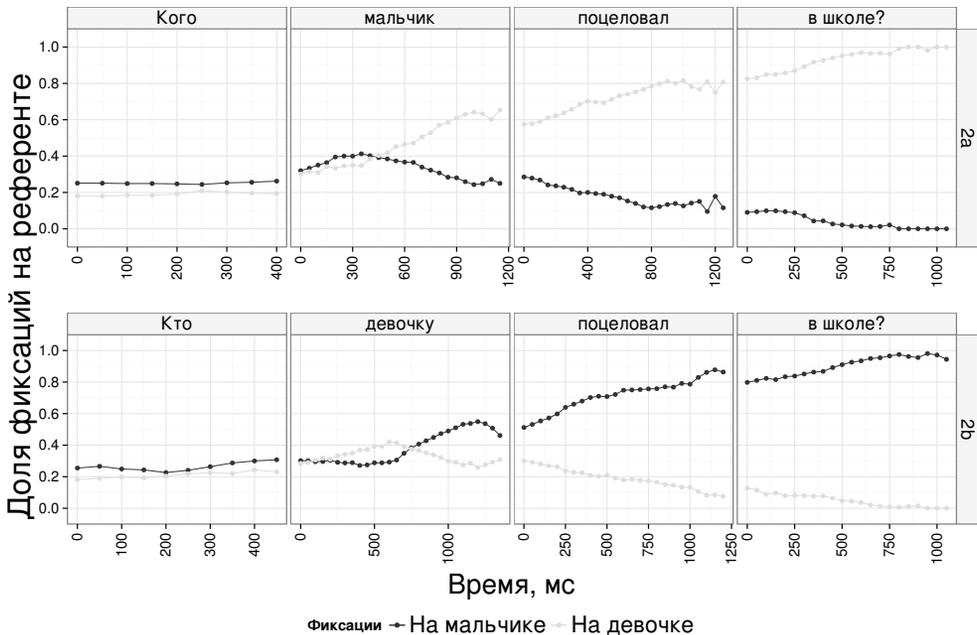

Рис. 2. Пропорции фиксации на референтах-участниках действия по временным регионам

В первом регионе, соответствующем вопросительному слову, не было найдено никаких значимых основных эффектов или их взаимодействий.

В регионе, соответствующем именной группе, был обнаружен основной эффект типа вопроса: в условии (2b) в середине временного региона разница между фиксациями на подлежащем и дополнении была больше, чем в условии (2a). То есть, услышав слово *девочку* из вопроса *Кто девочку поцеловал в школе?*, испытуемые значимо больше смотрели на изображение мальчика (по сравнению с изображением девочки), чем услышав слово *мальчик* в вопросе *Кого мальчик поцеловал в школе?* Разница в количестве фиксации между условиями с разными типами вопросов со временем увеличивалась, что отражено во взаимодействии основных эффектов — типа вопроса и времени.

В регионе, соответствующем глаголу, были обнаружены основные эффекты типа вопроса и времени: со временем разница между взглядами на подлежащее и дополнение возрастала вне зависимости от типа вопроса, при этом в вопросах типа (2b) в середине временного региона она была больше (и принимала положительные значения), чем в вопросах типа (2a). Значимым также было взаимодействие основных эффектов — типа вопроса и времени: со временем разница между условиями становилась выше в условии (2b) по сравнению с условием (2a).

И, наконец, в последнем регионе анализа, соответствующем обстоятельству *в школе*, был выявлен значимый основной эффект типа вопроса: в середине временного региона в условии (2b) разница между фиксациями на дополнении и подлежащем была больше (и при этом положительной), чем в условии (2a). Было также выявлено значимое взаимодействие между основными эффектами типа вопроса и времени: со временем разница между фиксациями на подлежащем и дополнении в условии (2b) возрастала сильнее, чем в условии (2a).

Что касается поведенческих данных, всего испытуемые ошиблись только в 2% экспериментальных проб, в условии (2a) доля ошибок составила 3%, а в условии (2b) — 1%, однако разница между условиями оказалась не значимой ($p = 0,06$ согласно G-тесту).

Заключение

Целью данного исследования было определение того, какая из двух стратегий языковой обработки — синтаксическая или контекстно-ориентированная — играет ключевую роль при языковой обработке специальных вопросов. Напомним, что при анализе вопросов типа *Кто девочку поцеловал в школе?* при прослушивании глагола мы ожидали увеличения количества фиксаций на дополнении (*девочка*) в том случае, если пониманием руководит синтаксически-ориентированная стратегия языковой обработки. Но в случае, если прагматическая, контекстно-ориентированная стратегия играет большую роль, мы ожидали увеличения фиксаций на референте, соответствующем подлежащему (*мальчик*). Мы хотели бы также напомнить, что синтаксическая обработка успешно изучалась с помощью использованной нами методики, и отсутствие эффектов, соотносимых с синтаксически-ориентированной стратегией, не может быть обусловлено недостаточной чувствительностью методики.

Отсутствие различий между экспериментальными условиями в первом регионе является естественным, поскольку испытуемые могут заключить только, что ответом на вопрос будет изображение какого-либо одушевленного референта, и уделяют одинаковое внимание изображениям обоих референтов. Неожиданным результатом оказалось то, что разница в условиях начала проявляться уже во время звучания именной группы во втором регионе: услышав *кто девочку* испытуемые смотрели на изображение мальчика больше, чем услышав *кого мальчик*. При поверхностном анализе этот факт может показаться противоречащим каноническому наблюдению о том, что люди смотрят на изображения, соответствующие слову, которое они слышат в данный момент [Cooper 1974]. Однако [Sussman, Sedivy 2003] показали, что движения взгляда при прослушивании одной и той же конструкции, входящей в состав общего и частного вопросов, существенно различаются. В случае общего вопроса (*Did Jody squash a spider with her shoe?*) движения глаз испытуемых не отличались от модели, предложенной в [Cooper 1974], однако при прослушивании частного (*What did Jody squash the spider with?*) вопроса испытуемые смотрели на референты, которые, по их мнению, могли быть связаны с вопросительным словом (*wh-filler*). Авторы объясняют данный эффект тем, что, встретив вопросительное слово, испытуемые сразу же начинают активно искать его референт — это стратегия, обусловленная прагматическим уровнем функционирования речи. Мы считаем, что именно этой стратегией объясняется проявившаяся уже во втором временном регионе разница между экспериментальными условиями.

В полном соответствии с результатами англоязычных исследований, в регионе глагола в условии (2a) было обнаружено значимое увеличение доли фиксаций на референте-дополнении (*девочка*) по сравнению с референтом-подлежащим (*мальчик*): обе стратегии, как синтаксически-, так и контекстно-ориентированная, должны привести к увеличению фиксаций на референте-дополнении в данном условии. Однако в условии (2b) доля фиксаций на референте-дополнении в регионе глагола была значимо меньше, чем на референте-подлежащем, и уменьшалась со временем. Данные результаты противоречат гипотезе о том, что пониманием руководит синтаксически-ориентированная стратегия, и свидетельствуют о большем влиянии прагматической стратегии: когда контекст предоставляет достаточно информации для исключения референтов, которые не могут быть соотнесены с вопросительным словом, с ним соотносится оставшийся референт.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Параметры эмпирической логистической регрессии по регионам анализа

Параметры	Вычисленный коэффициент	Стандартная ошибка	Значение <i>T</i> статистики	Значение <i>p</i>
Вопросительное слово (<i>кто/кого</i>)				
Свободный член регрессии	0,348	0,210	1,658	0,097
Время	-0,481	0,562	-0,856	0,392
Условие (2b)	-0,062	0,182	-0,338	0,736
Время × Условие (2b)	-0,121	0,549	-0,221	0,825
Именная группа (<i>девочку/мальчик</i>)				
Свободный член регрессии	-0,298	0,195	-1,526	0,127
Время	-0,363	0,333	-1,089	0,276
Условие (2b)	0,409	0,185	2,210	0,027*
Время × Условие (2b)	1,214	0,317	3,821	<i>p</i> < 0,001*
Глагол (<i>поцеловал</i>)				
Свободный член регрессии	0,024	0,273	0,091	0,928
Время	0,864	0,356	2,427	0,015*
Условие (2b)	2,843	0,273	10,420	<i>p</i> < 0,001*
Время × Условие (2b)	1,797	0,356	5,048	<i>p</i> < 0,001*
Окончание вопроса (<i>в школе</i>)				
Свободный член регрессии	-0,265	0,189	-1,401	0,161
Время	0,028	0,476	0,059	0,953
Условие (2b)	5,453	0,189	28,798	<i>p</i> < 0,001*
Время × Условие (2b)	1,012	0,476	2,125	0,034*

Значимые результаты отмечены астериском *.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Федорова 2008 — Федорова О.В. Методика регистрации движений глаз «Визуальный мир»: шанс для сближения психолингвистических традиций // Вопросы языкознания. 2008. № 6. С. 98—120. [Fedorova O.V. Methods for registration of eye-movements «visual world»: a chance for a «rapprochement» of linguistic traditions. *Voprosy jazykoznanija*. 2008. No. 6. Pp. 98—120.]
- Шаров — Шаров С.А. Общий частотный словарь лемм // URL: www.corpus.leeds.ac.uk/serge/frqlist. [Sharov S.A. *Obschchii chastotnyi slovar' lemm* [General frequency dictionary of lemmas]. Available at: www.corpus.leeds.ac.uk/serge/frqlist.]
- Arnold et al. 2000 — Arnold J.E., Eisenband J.G., Brown-Schmidt S., Trueswell J.C. The rapid use of gender information: Evidence of the time course of pronoun resolution from eyetracking. *Cognition*. 2000. Vol. 76. No. 1. Pp. B13—B26.
- Barr 2008 — Barr D.J. Analyzing 'visual world' eyetracking data using multilevel logistic regression. *Journal of memory and language*. 2008. Vol. 59. No. 4. Pp. 457—474.
- Barr et al. 2013 — Barr D.J., Levy R., Scheepers C., Tily H.J. Random effects structure for confirmatory hypothesis testing: Keep it maximal. *Journal of memory and language*. 2013. Vol. 68. No. 3. Pp. 255—278.
- Chomsky 1957 — Chomsky N. *Syntactic structures*. The Hague: Mouton, 1957.

- Cloitre, Bever 1988 — Cloitre M., Bever T.G. Linguistic anaphors, levels of representation, and discourse. *Language and cognitive processes*. 1988. Vol. 3. No. 4. Pp. 275—291.
- Cooper 1974 — Cooper R.M. The control of eye fixation by the meaning of spoken language: A new methodology for the real-time investigation of speech perception, memory, and language processing. *Cognitive psychology*. 1974. Vol. 6. No. 1. Pp. 84—107.
- Dickey, Thompson 2009 — Dickey M.W., Thompson C.K. Automatic processing of wh- and NP-movement in agrammatic aphasia: Evidence from eyetracking. *Journal of Neurolinguistics*. 2009. Vol. 22. No. 6. Pp. 563—583.
- Dickey et al. 2007 — Dickey M.W., Choy J.W.J., Thompson C.K. Real-time comprehension of wh-movement in aphasia: Evidence from eyetracking while listening. *Brain and language*. 2007. Vol. 100. No. 1. Pp. 1—22.
- Kaiser, Trueswell 2008 — Kaiser E., Trueswell J.C. Interpreting pronouns and demonstratives in Finnish: Evidence for a form-specific approach to reference resolution. *Language and Cognitive Processes*. 2008. Vol. 23. No. 5. Pp. 709—748.
- Kaiser et al. 2009 — Kaiser E., Runner J.T., Sussman R.S., Tanenhaus M.K. Structural and semantic constraints on the resolution of pronouns and reflexives. *Cognition*. 2009. Vol. 112. No. 1. Pp. 55—80.
- Kamide et al. 2003 — Kamide Y., Scheepers C., Altmann G.T.M. Integration of syntactic and semantic information in predictive processing: Cross-linguistic evidence from German and English. *Journal of psycholinguistic research*. 2003. Vol. 32. No. 1. Pp. 37—55.
- MacDonald, MacWhinney 1990 — MacDonald M.C., MacWhinney B. Measuring inhibition and facilitation from pronouns. *Journal of memory and language*. 1990. Vol. 29. No. 4. Pp. 469—492.
- Matin et al. 1993 — Matin E., Shao K.C., Boff K.R. Saccadic overhead: Information-processing time with and without saccades. *Perception and psychophysics*. 1993. Vol. 53. No. 4. Pp. 372—380.
- Sussman, Sedivy 2003 — Sussman R.S., Sedivy J. The time-course of processing syntactic dependencies: Evidence from eye movements. *Language and cognitive processes*. 2003. Vol. 18. No. 2. Pp. 143—163.

Статья поступила в редакцию 03.06.2014.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ / HERITAGE

А. А. ШАХМАТОВ, В. ЯГИЧ
И «ARCHIV FÜR SLAVISCHE PHILOLOGIE»

© 2015 г. О. В. Лукин

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
Ярославль, 150000, Россия
oloukine@mail.ru

Статья посвящена двум выдающимся славистам — академикам А. А. Шахматову (1864—1920), В. Ягичу (1838—1923) — и их сотрудничеству в созданном В. Ягичем журнале «Archiv für slavische Philologie». В статье приводятся недостаточно известные факты, которые касаются взаимодействия двух великих ученых и той научной парадигмы, в которой развивалось их взаимодействие на протяжении более 30 лет в конце XIX — начале XX в. В статье перечислены все публикации А. А. Шахматова в журнале «Archiv für slavische Philologie», обстоятельства их появления и имена ученых, которые сыграли значительную роль в существовании этого журнала и научной жизни великого русского слависта.

Ключевые слова: лингвисториография, А. А. Шахматов, В. Ягич, «Archiv für slavische Philologie»

А. А. SHAKHMATOV, V. JAGIĆ,
AND «ARCHIV FÜR SLAVISCHE PHILOLOGIE»

Oleg V. Lukin

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, 150000, Russia
oloukine@mail.ru

The article is devoted to academicians and outstanding Slavonic scholars A. A. Shakhmatov (1864—1920) and V. Jagić (1838—1923) and their cooperative work in the «Archiv für slavische Philologie» journal established by V. Jagić. The article contains some understudied facts relating to the interaction of the two great scientists and a description of the scientific paradigm in which their interaction developed for over 30 years in the late XIX — early XX centuries. This article provides a full list of Shakhmatov's works published in the «Archiv für slavische Philologie» journal. It also outlines the circumstances resulting in these articles writing and publication and gives the names of scientists who supported the journal and influenced academic development of the great Russian slavist.

Keywords: historiography of linguistics, A. A. Shakhmatov, V. Jagić, «Archiv für slavische Philologie»

Как известно, первые три публикации А. А. Шахматова появились в крупнейшем журнале по славистике «Archiv für slavische Philologie» («Архив славянской филологии»)¹. Юный гимназист, а затем студент опубликовал свои работы в 1881—1883 гг. (в номерах с 5 по 7 соответственно). Однако этим сотрудничество с журналом не закончилось. Пройдет двадцать лет, и в 25 номере журнала появится статья академика А. А. Шахматова «Как

¹ В названиях и цитатах из журнала мы сохранили орфографию того времени. Перевод с немецкого языка здесь и далее наш. — О. Л.

в малорусском исчезла палатализация согласных перед *e* и *u*) («Wie im Kleinrussischen die Palatalisation der Consonanten vor *e* und *i* verloren ging»). Последней его публикацией в «Archiv für slavische Philologie» станет статья «К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях» в 33 номере в 1912 г. Всего «Archiv für slavische Philologie» опубликовал семь работ А. А. Шахматова — гимназиста, студента, академика.

Первый номер журнала появился в 1876 г. в Берлине в издательстве «Weidmannsche Buchhandlung», одном из старейших немецких издательств, которое было основано еще в 1680 г. во Франкфурте на Майне М. Г. Вайдманном (Moritz Georg Weidmann (1658—1693)).

Основателем и многолетним издателем журнала — с 1875 по 1914 г. — был один из крупнейших славистов второй половины XIX — начала XX в. Ватрослав Ягич (русс. Игнатий Викентьевич Ягич, хорв. Vatroslav Jagić; нем. Vatroslav Ritter von Jagić (1838—1923)), академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1880). Как известно, В. Ягич изучал славистику в Венском университете, где его учителем был основатель кафедры славянских языков университета Франц Миклошич (Franz Xaver Ritter von Miklosich (1813—1891)). В 1871 г. В. Ягич защитил докторскую диссертацию под руководством одного из основателей школы младограмматистов профессора славистики Лейпцигского университета А. Лескина (August Leskien (1840—1916)), с 1871 до 1874 г. был профессором сравнительно-исторического языкознания в Новороссийском университете в Одессе, а в 1874 г. получил приглашение в Берлинский университет и возглавил там вновь учрежденную кафедру славянских языков.

На обложке первого номера рядом с фамилией В. Ягича стоят фамилии его научного руководителя А. Лескина и выдающегося польского слависта, члена польской Академии знаний и Чешской академии наук, словесности и искусств профессора Вроцлавского университета В. Неринга (Władysław Nehring (1830—1909)). Примечательно, что оба были иностранными членами-корреспондентами Петербургской академии наук, действительными членом которой впоследствии стал В. Ягич и самым молодым академиком которой в возрасте 35 лет станет А. А. Шахматов.

«Кому хотя бы в некоторой степени известны славянские литературные обстоятельства, тот должен знать, что в новое время все славяне, не исключая даже незначительных в численном отношении народностей, сделали своей особой задачей прилежную заботу о своих языках и собиране литературных памятников», — так В. Ягич начинает первую статью издания — что-то вроде манифеста этого журнала [Jagić 1876: I]. Этим, по словам Ягича, занимаются многочисленные организации — от всевозможных обществ (магниц) до академий наук, но их научные достижения весьма различны, их материалы рассеяны по большой территории. Поэтому насущным представляется потребность основать центральный научный орган славянской филологии. Двухединую цель журнала В. Ягич видел в следующем:

1) путем публикации отдельных работ содействовать исследованию всех вопросов, связанных со славянской филологией,

2) посредством переводов, выдержек, критических и библиографических объявлений создать всеобъемлющую картину всех достижений и результатов в области славянской филологии (ср. [Jagić 1876: III]).

Посредством немецкого языка научному сообществу дается возможность взглянуть на научные устремления славян в области славянской филологии. Понимая филологию в духе А. Бёка и Я. Гримма, самим предметом журнала В. Ягич называет не только язык, но и языковые и литературные памятники, «продукты народного духа и всю литературную старину славян» [Jagić 1876: III].

Высоко оценивая значение журнала, А. И. Яцимирский писал: «...“Archiv für slavische Philologie”, первый специальный славянский журнал, знакомит европейских ученых с состоянием славянской филологической науки и объединяет не только славянских ученых между собой, но и некоторых западных ученых, этим как бы сближая славянский мир с германо-романским западом. “Славянство” рассматривается здесь как “нечто единое

и цельное”. 28-летнее существование журнала в результате дало массу ценных статей, “реабилитирующих” славянство перед Западом, который до того времени не желал признавать славянской филологии, отводя место в науке лишь германской и романской филологии [Яцимирский 1904: 486].

Авторами статей первого номера журнала кроме самого главного редактора и членов редколлегии стали профессор М. Грюнвальд (Maurice Grünvald) из Парижа, библиотекарь Р. Кёлер (R. Köhler) из Веймара, профессор Г. Крек (G. Krek) из Граца, профессор Ф. Миклошич (V. Miklosich) из Вены, профессор К. Мюллерхофф (K. Müllerhoff) из Берлина, библиотекарь А. Мюллер (A. Müller) из Ольмютца, преподобный отец Б. Раич (B. Raić) из монастыря Св. Варвары близ Петтау (ныне г. Птуй в Словении), академик А. А. Шифнер и профессор А. Н. Веселовский (оба из Петербурга). Сам В. Ягич подготовил для этого издания двадцать одно (!) сочинение разного объема.

С 1880 по 1886 г. В. Ягич возглавлял кафедру славянской филологии в Санкт-Петербургском университете [Bartl 1974: 298]. 2 мая 1880 г. его избрали экстраординарным академиком Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 4 декабря 1881 г. — ординарным академиком. Как пишет сам А. А. Шахматов, его знакомство с В. Ягичем состоялось уже в 1881 г., и с этого времени они находились в постоянной переписке. В первом же своем письме гимназисту А. Шахматову академик В. Ягич сообщал о том, что его статья «К критике древнерусских текстов» («Zur Kritik der altrussischen Texte») принята к печати в издаваемом им журнале «Archiv für slavische Philologie» (том 5) (см. [Schachmatow 1881]). В этом первом письме «Ягич благодарит его за присланные ему образцы из миней 1096—7 гг., советует ему внимательно в них вчитываться, дорожа тем, что это памятники XI в. с датой <...> Он делится с Шахматовым соображениями по вопросу об отношении древнейших русских иамятников к юго-славянским, затронутому в письме к нему Шахматова» [Лавров 1920: 47]. Статья появилась в начале сентября 1881 г., когда Шахматов пошел в 7 класс гимназии, а уже 14 сентября В. Ягич отправляет ему 25 оттисков статьи и гонорар 12 марок [Шахматова-Коплан, Коплан 1930: 15—16].

3 октября 1882 г. восьмиклассник А. Шахматов посылает В. Ягичу свою новую работу «К вопросу текстологии Изборника Святослава 1073 г. по фотолитографическому изданию» («Zur Textkritik des Codex Sviatoslavi² vom J. 1073 nach der photolithographischen Ausgabe»), которая вышла уже в конце года [Шахматова-Коплан, Коплан 1930: 16—17]. В сноске к этой статье академик так пишет про гимназиста: «Нужно высказать большую благодарность усердному и самоотверженному юному приверженцу³ нашей науки за этот важный вклад, который исправляет прекрасное издание знаменитого кодекса, насколько оно требует исправления» [Jagić 1882: 590].

Высоко оценивая заслуги учредителей Общества любителей древней письменности Т. С. Морозова (1823—1889) и Г. Ф. Карпова (1839—1890) по изданию этого великого произведения древнерусской литературы, А. А. Шахматов писал: «Целью издания была не только верная передача текста слово за словом, буква за буквой, но и точная в фотолитографическом отношении репродукция всех палеографических особенностей оригинала — принимаемое во внимание достоинство в том случае, если поставленная цель вообще может быть достигнута. К сожалению, это невозможно безоговорочно утверждать; всевозможные похесты следует вознести жертвенности либерального мецената, но точность издателя или корректора ни в коей мере не заслуживает похвалы» [Schachmatow 1882: 591]. Называя причинами оплошностей корректора капли воска или сгибы пергамента, которые тот принял за знаки, Шахматов считает все-таки непонятным, как в издании появились лишние знаки, которые не могут быть объяснены ни особенностями почерка, ни пятнами грязи на рукописи. С юношеским максимализмом он недоумевает: «Чем можно объяснить эти и подобные

² В самом тексте — опечатка: «Sviatoslai». — О. Л.

³ Так мы передали значение ныне в достаточной мере устаревшего и имеющего определенную коннотацию слова *апостол* (нем. *Jünger*). — О. Л.

им, часто встречающиеся ошибки издания иначе, чем небрежностью корректора? В этом таком дорогом и ценном предприятии эта последняя имеет двойной вес и прямо-таки безответственна» [Ibid.: 592]⁴.

В начале мая 1883 г. А. Шахматов закончил IV московскую гимназию и в конце августа поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В конце этого года журнал опубликовал его третью статью «Вопросы русской грамматики» («Beiträge zur russischen Grammatik») [Schachmatow 1883], которая содержала рецензию на магистерскую диссертацию А. И. Соболевского «Исследования в области русской грамматики» (Варшава, 1881 г.), на защите которой (в диспуте) неофициальным оппонентом выступал гимназист А. А. Шахматов (официальные оппоненты Ф. Ф. Фортунатов, Н. С. Тихонравов, А. Л. Дювернуа) [Шахматова-Коплан, Коплан 1930: 17], ср.: «Молодости свойственна известная степень полемического задора. Была она и в возражениях Шахматова. Из письма Ягича видно, что он значительно смягчил тон статьи, оставив нетронутым ее содержание, и был убежден, что в таком виде эта статья подействует еще сильнее» [Лавров 1920: 48]⁵. Кстати, из этого и из других писем В. Ягича А. Шахматову становится понятным, что он сам способствовал переводу трудов молодого коллеги на немецкий язык, ср.: «Так как не предвидится возможность перевода Вашего труда на немецкий язык раньше Рождества, то я желаю потолковать с Вами между прочим и о том, какую дать форму сочинению» (из письма от 9 декабря 1882 г.) [Обнорский 1947: 46].

За время пребывания В. Ягича в Петербурге (1880—1886 гг.) А. Шахматов встречался с ним нечасто в свои сравнительно недолгие приезды в столицу. Их знакомство состоялось между 16 и 23 февраля 1881 г., когда шестнадцатилетний гимназист первый раз приехал в Публичную библиотеку для своих занятий в Рукописном отделении [Шахматова-Коплан, Коплан 1930: 15]. Во второй половине декабря 1883 г. студент-первокурсник А. Шахматов еще раз посещает академика В. Ягича во время своих занятий в Публичной библиотеке [Там же: 17]. Их последняя за этот период встреча состоялась в мае 1886 г. перед отъездом Ягича в Вену, а осенью того же года уже из Вены В. Ягич обращается к Шахматову с просьбой о сотрудничестве с «Архивом» [Там же: 19].

Весной 1890 г. А. А. Шахматов выдержал магистерский экзамен. Молодому ученому, которому еще не исполнилось и 26 лет, академик В. Ягич предлагал работать в Сербии на кафедре русского языка Белградского университета (Великой школы)⁶. А в своем письме от 24 июня 1894 г. Ягич предлагает Шахматову опубликовать в «Архиве» его статью «К вопросу об образовании русских наречий»: «Не хотели ли бы Вы видеть Вашу статью в немецком

⁴ Небезынтересно привести несколько строк из письма В. Ягича А. Шахматову 12 декабря 1881 г.: «Я знаю, что известные господа здесь неохотно слышат о неточностях; я видел между прочим раз Карпова у Вяземского, он как-то дулся и неохотно узнал о том, что я — такой-то. Мне это все равно, доволен ли он мною, или нет; я давно уже перестал обращать внимание на то, что кому нравится, а лучше забочусь о том, что полезно для науки. Несколько лет жизни пройдет скоро, а потом не будут ни о чем другом спрашивать, кроме о действительных заслугах для науки» [Обнорский 1947: 40].

⁵ Ср. также: «Сообщаю Вам, молодой мой друг, что я на завтрашний уже день отправил перевод Вашей статьи в Лейпциг, где она выйдет в 4 вып. VI тома. Я конечно тон значительно смягчил, но содержание осталось нетронутым — я убежден, что в нынешнем виде Ваша статья подействует еще сильнее. Очень рад напечатать Ваш отзыв — по-моему было несколько рано дать уже теперь Соболевскому степень, но что делать, представителей русского языка очень мало» (из письма Ягича Шахматову от 8 октября 1882 г.) [Там же: 45—46].

⁶ 27 февраля он писал: «Но я не знал и не предполагал, что Вы осенью уже начинаете читать. Мне казалось лучше, чтобы Вы приехали к нам за границу, где Вас любят и уважают все, кто знает Ваши труды. Ведь Вы должно быть получили от Стояновича письмо, в котором он Вам предлагает приехать на кафедру русского языка в Белград. Я ответил Стояновичу, что Вас не пустят, но Вы видите из этого, как Вас уважают все разумные люди. А нам бы в Белграде действительно было желательно получить порядочного молодого ученого русского не из “политикующих”, ведь таких слишком много и дома» [Обнорский 1947: 74].

переводе в Архиве? Я бы в таком случае прибавил от себя несколько общих соображений» [Обнорский 1947: 80]. Однако, как известно, перевод этой статьи в «Архиве» не появился.

После того, как А. А. Шахматов по предложению академиков В. Ягича и А. Ф. Бычковского осенью 1894 г. был избран адъюнктом Академии наук, он переехал в Петербург. В середине мая следующего года там состоялась еще одна его встреча с приехавшим из Вены В. Ягичем. Спустя почти год, в первой половине апреля 1896 г., встреча двух ученых происходит также в Вене [Шахматова-Коплан, Коплан 1930: 28—29].

Начиная с 1896 г. по инициативе А. А. Шахматова было возобновлено издание Известий Отделения русского языка и словесности (ОРЯС) Императорской академии наук, которые выходили и после его смерти вплоть до закрытия Отделения в 1927 г. Нельзя не увидеть закономерности в том, что в одном из первых номеров этого возобновленного издания публикуется рецензия А. Л. Погодина на «Archiv für slavische Philologie» [Погодин 1897].

В 1890-е гг. в редколлегии «Архива», кроме В. Ягича, А. Лескина и В. Неринга, работали многие известные слависты того времени. Это польский историк литературы и языковед, иностранный член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, член Польской, Пражской и Белградской АН, профессор славянских языков и литератур Берлинского университета А. Брюкнер (Aleksander Brückner (1856—1939)), чешский лингвист, член Пражской АН, иностранный член-корреспондент Санкт-Петербургской АН, профессор Пражского Карлова университета Я. Гебауэр (Jan Gebauer (1838—1907)), чешский историк и славист, профессор Венского университета К. Й. Иречек (Konstantin Josef Jireček (1854—1918)), сербский политик, историк и филолог, профессор Великой школы Белграда С. Новакович (Стојан Новаковић (1842—1915)), русский историк литературы, профессор Петербургского университета (с 1870), академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук А. Н. Веселовский (1838—1906).

Именно в таком составе редколлегии вышел и юбилейный 25-й номер журнала с фотографическим портретом В. Ягича: в 1903 г. академик праздновал свое 65-летие. Издательство напечатало приветственное слово в честь этого события: «Появление 25-го тома “Архива славянской филологии” предоставляет нижеподписавшемуся издательству желанную возможность высказать господину профессору д-ру В. Ягичу из Вены, который основал и непрерывно руководил “Архивом”, свою глубоко прочувствованную благодарность за всю направленную на это предприятие заботу и тщание. Оно украшает том юбилейного ликования⁷ портретом почитаемого юбиляра и уверено, что оно доставит радость читателям “Архива”» [Archiv 1903]. В этом номере было опубликовано много работ наших соотечественников — как лингвистов, так и литературоведов и историков. Это славист, языковед, палеограф и историк древнерусского искусства В. Н. Щепкин (1863—1920), филолог, фольклорист и византолог, профессор Московского университета М. Н. Сперанский (1863—1938), литературовед, этнограф, действительный член Императорской академии наук А. Н. Пыпин (1833—1904), историк литературы и фольклорист, профессор кафедры русского языка и словесности Харьковского университета М. Г. Халанский (1857—1910), славист, историк и этнограф, действительный член Императорской академии наук В. И. Ламанский (1833—1914), историк и славист, профессор русского языка и славянских наречий Нежинского филологического института К. Ф. Радченко (1872—1908), профессор кафедры славяноведения Новороссийского университета (г. Одесса) А. А. Кочубинский (1845—1907), филолог-классик, славист, востоковед, действительный член Императорской академии наук Ф. Е. Корш (1843—1915).

Статья академика А. А. Шахматова «Как в малороссийском языке исчезала палатализация согласных перед *e* и *u*» («Wie im Kleinrussischen die Palatalisation der Consonanten vor *e* und *i* verloren ging»), датированная октябрём 1902 г., вышла в юбилейном 25-м номере «Архива» с портретом и автографом ученого [Schachmatow 1903]. А 31 июля этого же 1903 г.

⁷ Так мы позволили себе перевести нем. *Jubelband* (буквально «том ликования») по созвучию с нем. *Jubiläumsband* «юбилейный том». — О. Л.

во время поездки А. А. Шахматова в Австрию, Сербию и Болгарию состоялась еще одна его встреча с В. Ягичем [Шахматова-Коплан, Коплан 1930: 43].

Апрелем 1905 г. датируется заметка А. А. Шахматова «Выражение **въсадъ** в церковнославянских памятниках» («Der Ausdruck **въсадъ** in altkirchenslavischen Denkmälern») [Шахматова-Коплан, Коплан 1930: 47], опубликованная в этом же году в 27 номере в разделе «Kleine Mitteilungen» [Schachmatow 1905]. Значительный интерес для специалистов представляет как сама заметка, так и примечание В. Ягича, напечатанное сразу после нее.

Следующая статья А. А. Шахматова «Напряженные (узкие) гласные **ъ** и **ь** в праславянском» («Die gespannten (engen) Vokale **ъ** und **ь** im Urslavischen») была опубликована в 31 томе журнала [Schachmatow 1910], в редколлегию которого тогда входили два российских академика — учитель Шахматова по Московскому университету Ф. Ф. Фортунатов (1848—1914) и А. И. Соболевский (1857—1929), чью кафедру русского языка в университете А. А. Шахматов принял в 1908 г. [Лавров 1920: 57].

25 августа 1911 г. во время заграничной поездки А. А. Шахматова в Вене происходит его очередная встреча с В. Ягичем [Шахматова-Коплан, Коплан 1930: 58]. А 4 мая 1912 г. сам Ягич приезжает в Петербург на съезд представителей славянских академий, на котором был выработан проект Устава союза славянских академий и ученых обществ [Там же: 60].

Последняя статья А. А. Шахматова в «Archiv für slavische Philologie» — «К вопросу о древнейших славянско-кельтских отношениях» («Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen») — вышла в 33 номере в 1912 г. и была посвящена академику Ф. Е. Коршу [Schachmatow 1912].

В редколлегию журнала в 1912 г. наряду с самим В. Ягичем, Ф. Ф. Фортунатовым и А. И. Соболевским входили крупнейшие слависты Европы: немецкий индоевропеист и славист, профессор Вроцлавского университета П. Дильс (Paul Diels (1882—1963)), болгарский историк и филолог профессор Софийского университета Л. Г. Милетич (Ljubomir Georgiew Miletic (1863—1937)), чешский фольклорист, лингвист, историк литературы, профессор Карлова университета в Праге Й. Поливка (Jiří Polívka (1858—1933)), сербохорватский славист и историк, профессор Венского университета М. Решетар (Milan Rešetar (1860—1942)), словенский языковед и этнолог, профессор Грацкого университета К. Штрекель (Karel Štrelkelj (1859—1912)).

Названная работа А. А. Шахматова — единственная из его публикаций в «Archiv für slavische Philologie», которая увидела свет и на русском языке: в этом же году она была переведена с немецкого студентами Казанского университета под руководством профессора Е. Ф. Будде и издана в «Ученых записках Казанского университета».

Скончался А. А. Шахматов 16 августа 1920 г. Академик В. Ягич посвятил своему русскому коллеге некролог, опубликованный в белградском журнале «Српски Книжевни Гласник» («Сербский литературный вестник»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Лавров 1920 — Лавров П. А. Первые годы научной деятельности А.А. Шахматова // Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1920. Т. XXV. [Lavrov P. A. Early years of A.A. Shakhmatov's scientific work. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Rossiiskoi Akademii Nauk*. 1920. Vol. XXV.]
- Обнорский 1947 — Обнорский С. П. (ред.). А. А. Шахматов (1864—1920): Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947. [Obnorskii S. P. (ed.). *A. A. Shakhmatov (1864—1920): Sbornik statei i materialov* [A collection of articles and materials]. Moscow; Leningrad, 1947.]
- Погодин 1897 — Погодин А.Л. Несколько заметок об издании: Archiv für slavische Philologie. XIX. I und II Heft. Berlin, 1896. S. 22—89 // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1897. Т. II. Кн. 4. [Pogodin A.L. Some notes about the publication: Archiv für slavische Philologie. XIX. I und II Heft. Berlin, 1896. S. 22—89. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii Nauk*. 1897. Vol II. Book 4.]

- Шахматова-Коплан, Коплан 1930 — Шахматова-Коплан С. А., Коплан Б. И. (сост.). Алексей Александрович Шахматов, 1864—1920. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. [Shakhmatova-Koplan S. A., Koplan B. I. (compilers). *Aleksei Aleksandrovich Shakhmatov, 1864—1920*. Leningrad: Acad. of Sciences of the USSR, 1930.]
- Яцимирский 1904 — Яцимирский А. И. Ягич // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1904. Т. XLI. [Yatsimirskii A. I. Jagić. *Entsiklopedicheski slovar'* [Encyclopedic dictionary]. Brokgauz F. A., Efron I. A. St. Petersburg, 1904. Vol. XLI.]
- Archiv 1903 — Archiv für slavische Philologie. 1903. Bd 25.
- Bartl 1974 — Bartl G. Jagić, Vatroslav Ritter von. *Neue deutsche Biographie*. Berlin, 1974.
- Jagić 1876 — Jagić V. Ankündigung. *Archiv für slavische Philologie*. 1876. Bd 1.
- Jagić 1882 — Jagić V. Fußnote: Schachmatow A. A. Zur Textkritik des Codex Sviatoslavi vom J. 1073 nach der photolithografischen Ausgabe. *Archiv für slavische Philologie*. 1882. Bd VI.
- Schachmatow 1881 — Schachmatow A. A. Zur Kritik der altrussischen Texte. *Archiv für slavische Philologie*. 1881. Bd V.
- Schachmatow 1882 — Schachmatow A. A. Zur Textkritik des Codex Sviatoslavi vom J. 1073 nach der photolithografischen Ausgabe. *Archiv für slavische Philologie*. 1882. Bd VI.
- Schachmatow 1883 — Schachmatow A. A. Beiträge zur russischen Grammatik. *Archiv für slavische Philologie*. 1883. Bd VII.
- Schachmatow 1903 — Schachmatow A. A. Wie im Kleinrussischen die Palatalisation der Consonanten vor *e* und *i* verloren ging. *Archiv für slavische Philologie*. 1903. Bd XXV.
- Schachmatow 1905 — Schachmatow A. A. Der Ausdruck **въсѣдъ** in altkirchenslavischen Denkmälern. *Archiv für slavische Philologie*. 1905. Bd XXVII.
- Schachmatow 1910 — Schachmatow A. A. Die gespannten (engen) Vokale ъ und ѣ im Urslavischen. *Archiv für slavische Philologie*. 1910. Bd XXXI.
- Schachmatow 1912 — Schachmatow A. A. Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen. *Archiv für slavische Philologie*. 1912⁸. Bd XXXIII.

Статья поступила в редакцию 25.09.2014.

⁸ В «Списке печатных трудов А. А. Шахматова» указан 1911 г.

**МЕЖДУ АФРИКАНИСТИКОЙ И КОСМОГЛОТТИКОЙ:
К КОНЦЕПЦИИ ВСЕМИРНОГО ЯЗЫКА
НИКОЛАЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ЮШМАНОВА**

© 2015 г. А. Д. Дуличенко

Тартуский университет, Тарту, 50090, Эстония
aleksd@list.ru

В советской лингвистике 1920—30-х гг. член-корреспондент АН СССР Николай Владимирович Юшманов (1896—1946) занимает выдающееся место. Это был одаренный специалист: с одной стороны, он исследовал такие редкие для того времени африканские языки, как амхарский, тигринья (тиграй), хауса, написал новаторскую грамматику арабского литературного языка, с другой — занимался международными искусственными языками и конкретно проблемой всемирного языка. Два полюса: нивелирующий языковые различия человечества искусственный всемирный язык и углубляющие эти различия экзотические «природные» языки — в таком диалектически противоречивом единстве проходила его научная деятельность.

Ключевые слова: Юшманов, космоглоттика (интерлингвистика), язык «етем», международные вспомогательные языки, африканистика

**BETWEEN AFRICANISTICS AND COSMOGLOTTICS:
ON THE CONCEPT OF UNIVERSAL LANGUAGE
AS CONCEIVED BY NIKOLAI VLADIMIROVICH YUSHMANOV**

Aleksandr D. Duličenko

University of Tartu, Tartu, 50090, Estonia
aleksd@list.ru

In the Soviet linguistics of the 1920—30s Nikolai V. Yushmanov takes a prominent place. He was a talented specialist who in addition to exotic languages, on the one hand, studied and researched rare for that time African languages, such as Amhara, Tigrinya (Tigrai), Hausa and wrote the pioneering grammar of Arab standard language. On the other hand, he was concerned with international artificial languages and in particular with the problem of global language. Two poles: the artificial global language turning off linguistic differences of mankind and exotic «natural» languages making those differences profound. His scientific activity took place in such dialectically conflicting unity.

Keywords: Yushmanov, cosmoglottica (interlinguistics), etem language, international auxiliary languages (planned / constructed languages), African studies / africanistics

Введение

В советской лингвистике 20—30-х гг. член-корреспондент АН СССР Николай Владимирович Юшманов (1896—1946) занимает выдающееся место. Это был одаренный специалист, от природы способный к языкам, причем к языкам экзотическим: с одной стороны, он знал и исследовал такие редкие для того времени африканские языки, как амхарский, тигринья (тиграй), хауса, написал новаторскую грамматику арабского литературного языка [Юшманов 1928], с другой — занимался международными искусственными языками (МИЯ)

и конкретно проблемой всемирного языка. Два полюса: нивелирующий языковые различия человечества искусственный всемирный язык и углубляющие эти различия экзотические «природные» языки — в таком диалектически противоречивом единстве проходила его научная деятельность.

При этом нужно отметить, что начинал свою научную деятельность Юшманов именно с космоглотики. Показательным является также то, что преимущественное большинство интерлингвистических работ Юшманова было опубликовано за рубежом на различных МИЯ — на идо, на интерлингва (или на латино-сине-флексионе, т. е. на «латинском без флексий»), на новиаль и др. Занимаясь лингвоконструированием, Юшманов создал свой проект всемирного языка, который он назвал «этем» («etem») и на котором также писал и публиковал свои статьи по интерлингвистике.

1. Н. В. Юшманов как человек и как космоглотист

О Н. В. Юшманове как о личности и ученом известно не все. По крайней мере, больше о нем писали востоковеды: И. Ю. Крачковский, Т. А. Шумовский, А. Г. Белова, а в недавно опубликованной статье Д. А. Ольдерогге даются некоторые биографические данные о нем с краткой характеристикой его востоковедческих, а также интерлингвистических работ [Крачковский 1958: 448—452; Шумовский 1975: 9—44 и сл.; Белова 1997: 66—67; Ольдерогге 1997: 68—74]. В 1996 г. Н. В. Юшманову как африканисту в Санкт-Петербургском университете была посвящена специальная конференция. Однако мало кто знает о существовании других источников, на которые мы бы хотели обратить здесь внимание.

1) Впервые краткая биография Юшманова была составлена и напечатана на языке идо в 1926 г. шведским сторонником этого языка П. Альбергом в редактируемом им идистском журнале «Мир» («Mondo») — органе «Союза Международного языка» и его академии. Текст снабжен фотографией Юшманова, под которой стоит четко воспроизведенный автограф — «Nik. Yushmanov». Здесь же сообщено, что до 1926 г. он напечатал 167 работ о более чем 20 языках: «Entote til 1926 lu publikigis 167 imprimuri (precipue artikli) e studiis plu kam 20 lingu» [Ahlberg 1926: 105].

Есть основания полагать, что сведения о себе по просьбе редактора журнала выслал сам Юшманов. В том же журнале за 1923 г. в обзоре интерлингвистических изданий мира отмечена и библиография публикаций Юшманова в журнале [Yushmanov 1923a]. К сожалению, это издание оказалось нам недоступным.

2) Второй источник архивный, возникший по моей инициативе в первой половине 1980-х гг. Это воспоминания интерлингвиста Сергея Александровича Граменицкого из Новгорода, сторонника языка идо, а позднее и интерлингва, который лично знал Юшманова и долгое время общался и переписывался с ним. О Юшманове он сообщил мне в ряде своих писем, а также написал текст, который озаглавил «Николай Владимирович Юшманов». Это две ученические тетради: «Тетрадь № 1» состоит из 12 листов, «Тетрадь № 2» содержит листы 13—27 — все с оборотами, т. е. в общей сложности рукопись занимает 54 страницы. К сожалению, в этих тетрадях больше говорится о некоторых работах Юшманова по космоглотике, т. е. реферируются его статьи. Но есть и заслуживающие внимания сведения, такие, например: «Н. В. Юшманов родился в С.-Петербурге 24 февраля 1896 г. в семье служащего, по-видимому, среднего достатка, так как, бывая у него, еще студента Петербургского Университета, в 1914—1916 годы, я видел, что родители его живут в скромной квартире. Перед войной 1914 г. Юшманов окончил с отличием частную гимназию Штемберга и поступил на восточный факультет Университета» (л. 1).

В письме от 26 марта 1984 г. он дополняет: «Н. В. жил тогда с родителями на Екатеринбургском проспекте в небольшой комнатке, полной книг по лингвистике». Далее в первой тетради идет, может быть, самое важное: «Еще студентом Николай Владимирович поражал при знакомстве с ним необыкновенным знанием многих языков: свободно владея рядом европейских языков, он уже читал и переводил тексты с ряда восточных языков. Однажды

он продемонстрировал мне эти свои способности на ряде примеров, на текстах, написанных иероглифами, клинописью и арабской вязью. На мое изумление и восхищение он сказал, что здесь нет никакой его заслуги, — все дело в том, что он обладает необыкновенной памятью, все запоминая с первого знакомства, с первого раза» (л. 1—1 об.).

После завершения сельскохозяйственного института С. А. Граменицкий уехал из Петрограда в Новгородскую область. Он пишет: «Мое знакомство с Н. Вл. прервалось с 1939 года, но до сих пор я отлично помню его, всегда необычайно серьезного, занятого только своей наукой, совсем не оправдывавшего своей фамилии — ‘юшман’ по-зырянски ‘веселый’» (л. 2). С. А. Граменицкий не поясняет, почему фамилия Юшманова «зырянская» («по-зырянски»), т. е. коми. Не следует ли это понимать, что по происхождению Юшманов был, по-видимому, из коми — по крайней мере, по линии отца?

Об интерлингвистических интересах Юшманова в воспоминаниях С. А. Граменицкого написано: «Интерлингвистическую свою деятельность Юшманов начал еще гимназистом: в 1910 году став эсперантистом, он почти сразу же перешел к Идо около 1911 года. Надо полагать, что, как и я, о существовании Идо он узнает от А. М. Капустянского, который в Армавире в это время уже провел большую работу [в пользу движения] за Идо, создал в своем городе крепкую Идо-группу. Капустянский же нас еще и познакомил заочно... Под руководством старшего нас возрастом интерлингвиста В. Розенбергера Н. Вл. познакомился с историей движения за МЯ [= международный язык] вообще, стал переписываться с рядом авторов проектов общего языка и приступил к разработке своего проекта, который потом назвал ‘etem’. Однако это ему не помешало плодотворно работать для Идо[-движения]» (л. 2 об. — 3).

С. А. Граменицкий сообщает далее, что после его отъезда из Петрограда он регулярно переписывался с Юшмановым, однако сама переписка не сохранилась: во время Великой Отечественной войны она сгорела вместе с его домом...

Н. В. Юшманов принял Октябрьскую революцию, участвовал в «языковом строительстве» 1920-х гг. (в латинизации письменностей языков народов СССР) и т. д. В упомянутом выше журнале «Наш стандарт» он даже напечатал на языке идо текст «Приветствие товарищу Владимиру Ильичу Ленину» [Yushmanov 1922a: 401]. В этом же издании Юшманов публикует «Краткую биографию В. И. Ленина. По ‘Рабочей Москве’» [Yushmanov 1924c: 8—11].

Имея слабое здоровье, Юшманов к тому же переживал в 20-е гг. трудности и с работой. По крайней мере, так сообщает идиетский журнал «Mondo» за 1924 г. в заметке «Помогите нашему страдающему другу» [Ahlberg 1924: 60]: «Сообщаем, что самидеано [‘соидейник’] Ник Юшманов, сотрудничающий с ‘Nia Standard’ и член Академии Идо, переживает большие экономические трудности. Он без работы и его друзья должны помочь ему <...>». Видимо, помощь ему была оказана, а затем наладились дела и с работой.

2. Сущность космоглотики

Термин «интерлингвистика» появился в 1911 г. усилиями бельгийского сторонника МИЯ Ж. Мейсманса, а само новое лингвистическое направление было провозглашено известным датским языковедом О. Есперсеном лишь в 1931 г. на Международном конгрессе лингвистов в Женеве [Jespersen 1931]. Однако до 30-х гг. с этим термином конкурировали другие: созданные еще в XIX в. термины «пазиология» или «пазилогия», «моноглоттика», позднее, уже в XX в., «унилингвистика», «космоглоттика» (последний термин употребляет, например, и интерлингвист и эсперантолог Э. К. Дрезен [Дрезен 1928]; об истории вопроса см. [Дуличенко 1982: 68—93]) и пр. Термин «пазиология» между двумя мировыми войнами использовался в идиетском движении в форме «pazilogio».

В 1916 г. в Петрограде по инициативе интерлингвиста В. Е. Чехихина было создано общество «Kosmoglot», в которое вошел в качестве почетного председателя И. А. Бодуэн де Куртэнэ, а также интерлингвисты В. К. Розенбергер, В. Ф. Шмурло, П. Е. Стоян, Э. К. Дрезен, а несколько позднее и Н. В. Юшманов, Я. Линцбах, Э. Валь и некоторые другие. Работа общества длилась до 1921 г., после чего его деятельность продолжилась по

инициативе Я. Линцбаха и Э. Валя в Ревеле (Таллине) с 1921 по 1928 г., когда само общество стало называться «Kosmoglott» (подробно об этом см. в [Кузнецов 1984: 126—164; 1987: 178]).

В 1929 г. Юшманов опубликовал в итальянском журнале «Schola et vita» на языке интерлингва (или латино-сине-флексионе) общетеоретическую статью «Cosmoglottica» [Yushmanov 1929a: 235—240] — несколько переработанный вариант статьи «Всемирный язык», первоначально предназначавшийся для московской «Литературной энциклопедии» и не принятый там (публикация С. Н. Кузнецова, см. [Юшманов 1987: 457—468]; здесь цитируется по данному изданию).

Несмотря на то, что в идистских изданиях и в ряде самих работ Юшманова, опубликованных на языке идо, интерлингвистика именуется пазилогией, в указанной работе он уже склоняется к «космоглоттике»: «...постепенно идет большая и сознательная теоретическая работа — создание новой науки космоглоттики (учение о всемирном языке)» [Там же: 465]. Такое определение противоречит самому же автору, который в начале статьи пишет: «Предсказания о том, что когда-нибудь один язык вытеснит все прочие или что все языки сольются в один общий, не решают задачи: уже теперь нужен простой и легкий вспомогательный язык для международных сношений» [Там же: 462].

Иными словами, разграничивая ближайшую перспективу языкового развития мира в направлении поиска вспомогательного международного языка (МЯ) и перспективу далекого туманного будущего в виде «общего языка» для всего человечества, Юшманов тем не менее, судя по использованию термина («космоглоттика») и определению новой науки и ее объекта («всемирный язык»), склоняется «к глобальности». Последующее развитие интерлингвистики в плане разграничения указанных форм существования МЯ, увы, пошло как раз в противоположном по отношению «к глобальности» направлении! И все же в оправдание позиции Юшманова следует напомнить о контексте эпохи: идеи мировой революции, единой всемирной экономики и т. д. — и станет понятно, как трудно было вырваться из такого контекста, в том числе и при решении вопроса о языковом развитии мира. Юшманов действительно увлекся глобальными тенденциями, ратуя за создание, например, «единой международной культуры», «единого всемирного алфавита», о чем в 1920-е гг. писал специальные статьи на языках интерлингва, идо, русском [Yushmanov 1922e: 5—7; 1922f: 67—68; Юшманов 1929: 69—73].

В статье «Всемирный язык» и в ряде других работ Юшманов дает тонкий типологический анализ этнических языков и международных искусственных языков, а сами МИЯ рассматривает по структурным типам — априорному, т. е. конкретно не связанному (или связанному в самых общих чертах) с реальным языковым материалом, апостериорному, базирующемуся именно на материале реальных языков, а также смешанному априорно-апостериорному. При этом в обзор попадают многие десятки лингвопроектов, в том числе и те, что не получили выхода в социальную сферу, т. е. не имели практического применения.

Юшманов пытается сформулировать принципы так называемой «аппликативной (или энергетической) лингвистики», куда включает вопросы, связанные с рационализацией языка: графико-орфографические реформы, создание и развитие аббревиатур, научной терминологии и номенклатуры и т. п. [Yushmanov 1922b: 276—281].

Показательно, что Юшманов был очень хорошо знаком с историей вопроса о всемирном языке. Так, в 1921 г. вместе с рижским интерлингвистом В. Шмурло он задумывает «Всемирнолингвистическую энциклопедию» («Mondlinguista Enciklopedio»), мыслимую в виде «Алфавитного космоглоттического руководства (справочника)» (см. заметку [Kosmoglotista agendo]). Однако данный проект так и не был реализован. Как представляется, материал для этой энциклопедии авторы все же собирали. Позже Юшманов на его основе составит «Хронологический индекс систем всемирного языка», в котором с 1550 по 1925 г. перечислит около 300 лингвопроектов [Yushmanov 1926b: 43—49]. Несмотря на призыв Юшманова присылать ему сведения о не попавших в этот список лингвопроектах, работа так и не была завершена. Ее продолжил интерлингвист Е. А. Бокарев, собравший за 1925—1970 гг. сведения

о 230 проектах [Бокарев 1987: 147—159], и завершил автор настоящей работы, собравший и описавший более 900 проектов универсальных, всеобщих, всемирных, мировых, междуна-родных и т. п. языков, появившихся в разных странах мира со II в. по 70е гг. XX в.: их энциклопедическое описание с грамматическими схемами, образцами текстов, библиогра-фией и т. д. представлено в книге «Международные вспомогательные языки» ([Дуличенко 1990]; см. также [Дуличенко 2007]). Космоглоттика привела Юшманова к открытию нового лингвокультурологического жанра — «определителя языков мира», первым составителем которого он и стал. Разумеется, в них нашлось место и для МИЯ [Юшманов 1941а; 1941б].

3. Идо и другие международные искусственные языки

Как уже было сказано, в 1910 г. 14-летним юношей Юшманов изучил международный вспомогательный язык эсперанто, но вскоре, познакомившись с основами другого МИЯ — идо, стал и оставался почти до конца жизни идистом, т. е. сторонником социокультурного движения за язык идо (правда, с некоторым разочарованием и отходом от движения впо-следствии). По данным С. Н. Кузнецова, с 1911 по 1941 г. Юшманов опубликовал 207 работ разного объема (занимающих примерно 450 страниц), абсолютное большинство которых написано на языке идо и помещено в ныне труднодоступных изданиях интерлингвисти-ческого и, в частности, идистского движений 1910—30-х гг. (рукопись библиографии в архиве С. Н. Кузнецова, 29 страниц).

В 1922 г. Юшманов выпускает в Риге небольшое «Руководство международного языка идо. Для русских», а в 1924 г. вместе с Ф. Мильтером переводит с немецкого и адаптирует для русских «Учебник международного языка идо для рабочих» А. Лантоша и других. К учебнику приложен сделанный Юшмановым перевод на идо «Интернационала» [Юш-манов 1922; Лантош 1924]. Переводит Юшманов на идо также кое-что из русской классики, например, из А. С. Пушкина.

В 1923 г. Юшманов вместе с С. А. Граменицким и Филипповым (инициалы неизвестны) организуют идистский «Петроградский филиал Русского Всемирноязыкового Союза» («Petrogradana Seciono dil Rusa Mondolingual Uniono»), о чем сообщает журнал «Mondo» (1923, №5, p. 156). В этом же году «Академия Идо» избирает его своим действительным членом (в журнале «Mondo» [Ahlberg, Feder 1923: 216—217] находим только предложение Академии об избрании, но известно, что большинство ее членов проголосовали «за»). Когда в идо-движении возникла дискуссия о том, следует ли переименовывать язык идо, Юш-манов выступил со специальной статьей, где привел около 50 лингвонимов, т. е. названий, для этого языка, обнаруженных им в идистских изданиях, и высказался за сохранение тра-диционного лингвонима [Yushmanov 1925: 132—133].

Для Юшманова язык идо долгое время был «идеальным» МИЯ. Одна его статья красно-речиво называется «Идо — идеал междуязыка» [Юшманов 1927: 3]. Имелась в виду пре-жде всего его грамматическая структура, которая, в отличие от структуры эсперанто, менее искусственна и более логична. Он пишет многочисленные статьи по вопросам грамматики, лексики, словообразования и особенно терминообразования идо, проводит типологический анализ грамматической структуры идо и латинского языка, идо и проекта МИЯ Й. Вайсбарта медially и др. Но настоящей апологией идо был сравнительный анализ этого языка с со-циализованными МИЯ эсперанто и окциденталь Э. Валя, позднее названным интерлингве. Работы Юшманова в этом направлении названы просто кричаще: «40 грехов (дефектов) окцидентала», «100 фундаментальных дефектов эсперанто», «Трагедия эсперанто» (соответ-ственно [Yushmanov 1924a: 34—42; 1924b: 119—134; 1926a: 49—58]). Это можно объяснить характерной для того времени острой борьбой между сторонниками различных МИЯ.

Юшманов полагал, что язык идо должен постоянно совершенствоваться. Для этого он и сам предлагал различные решения. Однако этим его попыткам противостояла консерва-тивная струя в идо-движении, представители которой считали, что идо идеален и его грам-матический строй не нуждается в изменениях. Это разочаровывало Юшманова и постепенно

охлаждало его отношение к «идеальному» языку идо. Все чаще он стал высказываться за «натурализм» — максимальное приближение при создании МИЯ к европейскому корнеслову. Об интернациональных элементах, пронизывающих европейские языки, он неоднократно писал в идистских изданиях на протяжении 1920-х гг. Одна его работа 1923 г. красноречиво называется «Механизм научной терминологии» [Yushmanov 1923c: 98—103]. Мало кто из русистов знает, что его идея знаменитой «Грамматики иностранных слов» (название-то какое!), приложенной к «Словарю иностранных слов» русского языка в изданиях 1930—40-х гг., родилась именно в космоглоттической «лаборатории» Юшманова, а оттуда уже была перенесена на русский язык ([Юшманов 1933: стлб. 1429—1502]; переиздания с изменениями с 1937 по 1968 г.).

4. Принципы лингвоконструирования и проект всемирного языка этем

В одной из работ на языке этем Юшманов обрисовывает контуры так называемой «психоэкономической грамматики» — «gramatik psiko-ekonomik», согласно которой развитие языков мира, их структуры стремятся в сторону разумной для человеческого сознания экономии. В чем это выражается? Он пишет: «Эволюция естественного языка демонстрирует неуклонную, но убедительную победу замены синтетизма аналитизмом: античные языки имели синтетическую структуру, а современные языки — более аналитическую и [характеризуются] процессом описательности. В современную эпоху многие языки создают (формируют) различные структуры: английский и скандинавские более аналитичны, чем немецкий, французский — чем итальянский и испанский, а эти языки — чем румынский (валашский), болгарский — чем русский и т. д.» [Yushmanov 1922d: 43—44]; перевод с языка этем наш. — А. Д.).

Учитывая этот фактор, при построении МИЯ следует применять «принцип психоэкономической грамматики», т. е. редуцировать, насколько возможно, синтетизм в грамматике за счет введения аналитических элементов (вспомогательных словечек) и учета порядка слов в предложении и контекста, а сами слова, взятые из интернационального фонда, нужно укорачивать, но так, чтобы они были узнаваемы: не *kultura*, но *kultur*, не *komparation / komparasion*, но *kompar* и т. п. И далее в качестве примера «психоэкономической грамматики» следует проект МИЯ Юшманова этем (см. также [Yushmanov 1922b: 33—34]; позднее также [Yushmanov 1931: 334—335]). С. А. Граменицкий в своих воспоминаниях напишет об этом так: «Етем по лексике был европейским (не исключая и русский язык — в противоположность Окциденталу), основанием был ‘Словарь иностранных слов’, т. е. международность корней проверялась по наличию их в списке иностранных слов, употребительных и в русском языке. Строй языка, почти полное отсутствие грамматики, напоминал восточные языки — такой, как, например, китайский» («Тетрадь № 1», л. 4).

Лингвопроект Юшманова, таким образом, относится к МИЯ апостериорного типа, базируется на интернациональном (европейском) корнеслове, обслуживаемом минимумом грамматических средств, и преследовал цели, которые отражены в его названии: лингво-ним этем — это аббревиатура «космоглоттического кредо» Юшманова, которое звучит, как *ekonomi tempor, energi, medi*, т. е. ‘экономиа времени, энергии / сил, средств’.

Позднее в статье «Идо — идеал междуязыка» Юшманов сформулирует принципы лингвоконструирования: «... Идеал междуязыка, точнее, ‘междуевропейского диалекта’ есть равнодействующая объединительных, упростибельных и усовершенствовательных стремлений языков европейской культуры, главным образом германских, романских и славянских» [Юшманов 1927: 3].

Объединительные усилия состоят в расширении иноязычных заимствований, т. е. в интернационализации, «упростибельные» — в упрощении грамматики всех языков и установления «строгого аналитического строя мышления», «усовершенствовательные» — в движении

ко все большей точности. Напомним, что тенденцию к аналицизму в европейских языках и, в частности, в русском отмечал на рубеже XIX—XX вв. дерптский ученик И. А. Бодуэна де Куртене Р. Гутман в диссертации «Трата и замѣна в языкѣ», написанной в 1892 г. и опубликованной в 1900 г.; см. [Дуличенко 2003: 109—122].

Эти же принципы были положены и в основу языка этем, который с таких позиций можно рассматривать как синтез европейского корнеслова и отсутствие формальной грамматики восточных языков аморфного типа.

Вот как выглядят некоторые фонетические элементы и грамматические категории языка этем на фоне таковых в других проектах МИЯ, а именно: на фоне созданного в 1903 г. итальянским математиком Дж. Пеано лингвопроектом интерлингва (или «латинский без флексий»), идо Л. де Бофрона 1907 г., который был по сути реформой языка эсперанто (потому последний не приводится нами в таблице), и лингвопроектом новияль датского лингвиста О. Есперсена, созданным в 1928 г. (краткие энциклопедические сведения о них можно найти в [Дуличенко 1990: 154—155, 169—171, 207—208, 242—243]). Все эти МИЯ имели сторонников и некоторое распространение в разных странах. Что касается МИЯ этем, то на нем только Юшманов писал свои статьи. Если для поддержки и пропаганды интерлингвы, идо и новияля создавались общества, на них выходила периодика, то Юшманов для пропаганды своего языка не делал ничего, кроме как писал на нем статьи и письма к сторонникам идеи МИЯ. Это нужно понимать так, что Юшманов преследовал в космоглоттике прежде всего общетеоретические цели, а практическим воплощением его идей был идо.

Таблица

Сопоставление языков

№	Некоторые языковые элементы и категории	Interlingua (= latino sine flexione): G. Peano, 1903	Ido: L. de Beaufront, 1907	etem: Н. В. Юшманов, 1917	Novial: O. Jespersen, 1928
1.	алфавит и произношение	как в лат.	лат.; <i>ch</i> [ч], <i>j</i> [ж], <i>sh</i> [ш], <i>w</i> [ў], <i>y</i> [й], <i>q</i> , <i>x</i>	лат.; <i>j</i> [ж], <i>sh</i> [ш]; заглавные буквы не используются	лат.; <i>ch</i> [ч], <i>sh</i> [ш]; нет <i>q</i> , <i>x</i> , <i>y</i> , <i>c</i> , <i>z</i> ,
2.	ударение		обычно на предпоследнем слоге, с исключениями	свободное, по усмотрению говорящего	
3.	артиклъ	—	<i>la</i> , <i>le</i> (мн. ч.)	—	<i>un</i> (неопред.)
4.	существительное	в ед. ч. без определ. показателя; мн. <i>s</i>	<i>-o</i> (ед.), <i>-i</i> (мн.)	<i>un dom</i> (ед.), <i>mult dom</i> (мн.)	<i>-o</i> (муж.), <i>-a</i> (жен.), <i>-e</i> (без рода); <i>-s</i> (мн.)
5.1.	склонение сущ.	с помощью предлогов	с помощью предлогов; <i>-n</i> для В. п. используются факультативно	<i>de</i> (Р. п.), <i>a</i> (Д. п.), <i>per</i> (Тв. п.)	с помощью предлогов
6.	прилагательное	без определ. показателя	<i>-a</i>	без определ. показателя	<i>-i</i>
7.	числительное	колич.: <i>uni</i> , <i>duo</i> , <i>tres</i> , <i>quator</i> , <i>quinque</i> , <i>sex</i> , <i>septem</i> ...; порядк.: <i>primo</i> , <i>secundo</i> , <i>tertio</i> ...	колич.: <i>un</i> , <i>du</i> , <i>tri</i> , <i>quar</i> , <i>kin</i> , <i>sis</i> , <i>sep</i> ...; порядк.: <i>-esma</i>	<i>un</i> , <i>du</i> , <i>tri</i> ...	

Таблица (окончание)

№	Некоторые языковые элементы и категории	Interlingua (= latino sine flexione): G. Peano, 1903	Ido: L. de Beaufront, 1907	etem: Н. В. Юшманов, 1917	Novial: O. Jespersen, 1928
8.	местоимение	личн.: <i>me, te, se; nos, vos, illo</i>	личн.: <i>me, tu, vu, il(u), el(u), ol(u), lu; ni, vi, ili, eli, oli, li</i>	личн.: <i>me, tu, lo, la, id; nos, vos, los, las, les</i>	личн.: <i>me, vu, lo, la, le, le, lu; nus, vus, los, las, les, lus</i>
9.	глагол	времена прош.: <i>jam</i> + глаг. основа; наст.: личн. местоим. + глаг. основа; буд.: <i>i</i> + глаг. основа	времена как в эсперанто: прош.: <i>-is</i> , наст.: <i>-as</i> , буд.: <i>-os</i>	времена прош.: <i>fe</i> + глаг. основа; наст.: = корню / основе; буд.: <i>va</i> + корень / основа	времена прош.: <i>(e)d, did</i> + глаг.; наст.: = корню / основе; буд.: <i>sab</i> + корень / основа
10.	из служебных слов: предлоги	как в лат.	<i>ek, en, ekster, inter, kun, po, por, pos, pri, sen, sub, sur...</i>	<i>in, per, pro...</i>	<i>in(u), exter (extru), an, proxim, che, later, trans, inter, sur, super...</i>

Примечание: пустые клетки означают, что четких указаний по соответствующим категориям в очерках этих МИЯ нет.

Как показывает таблица, в графическом плане этем, как и другие МИЯ, почти не выходит за рамки западноевропейской традиции: нет диакритики, возможны диграфы типа *sh* [ш]. А вот отсутствие прописных букв — характерная черта этем. Радикальным является также правило свободной постановки ударения в слове. Определенность ~ неопределенность существительного выражается контекстом или числительным *un* 'один; какой-то' (вместо артиклей — как в идо и новиаля), а категория числа — большая редкость! — обозначается аналитически! Склонение существительного, как и образование глагольных времен, во всех случаях выражается с помощью предлогов, т. е. аналитическое (за исключением идо). Как и в интерлингва, прилагательное без специального показателя, — оно определяется в контексте. Что касается таких категорий, как местоимения (личные — и не только), служебные слова и т. п., то они преимущественно греко-романо-германского, в меньшей мере славянского происхождения и лишь варьируют от одного языка к другому.

Как видно, общелингвистическая стратегия этем заключена в аналитизме, что связывает этот лингвопроект с интерлингва Дж. Пеано, но в то же время и отличает его: интерлингва ограничен именно латинским языком, его орфографическими нормами и т. д., в то время как этем ориентирован на греко-романо-германо-славянский материал и, следовательно, более интернационален в корнеслове. Вот образец текста на этем:

...eks 400 sistem de pasigrafi et pasilali solo un part es plus aut minus proksim a ideal de un lingu inter-european, cercat (C = sh) per autor anonym de 'via a lingu european'. da 'esp-o' al 'interlingua' nos trov seri long de system konkurant et plus aut minus simil a latin et altru lingu roman, per suo leksik et struktur. ma eksist tri basis aut un basis triupl, an ki debi sta un lingu inter-european de future, kual, situant legend de popul rus, nostro planet sta an tri balen [yucmanof 1922c: 33—34].

5. Космоглоттические идеи Н. В. Юшманова и африканские языки

О Н. В. Юшманове как африканисте и востоковеде в свое время очень верно высказывался акад. И. Ю. Крачковский: он «был редким специалистом, который владел всей полнотой языкового материала [Абиссинии] и талантом оригинального самостоятельного

лингвиста»; «В изучении амхарского и хамитических языков Н. В. Юшманов был автодидактом так же, как в области других многочисленных элементов, органически вовлеченных им в круг своих необычайно широких полиглотных знаний. Сила его была в том, что все эти, иногда на первый взгляд разнородные, элементы лежали у него не сырой грудой неподвижных материалов, а с необычайной легкостью вовлекались им в любой нужный момент в сферу его столь же широких, всегда оригинальных и живых построений»; его «'Строй амхарского языка' — исключительный по сжатости и насыщенности <...> обзор всех основных явлений не только грамматических свойств, но и других сторон жизни языка, освещенных при постоянном внимании к общим законам развития человеческой речи» [Крачковский 1955: 16, 110]; см. также [Юшманов 1936].

«Автор [Юшманов] объединил в себе семитолога с хамитологом и был языковедом очень широкого диапазона»; «Катастрофичной для арабистики утратой явилась смерть 2 апреля 1946 г. Н. В. Юшманова (род. в 1896 г.), семитолога и африканиста очень широкого охвата, работы которого по арабской лингвистике за последние десятилетия занимают первое место» [Крачковский 1950: 218—246].

Здесь подчеркнуты выдающиеся качества Юшманова как лингвиста, вникающего в тонкости африканских языков и в то же время проявляющего постоянное внимание «к общим законам развития человеческой речи»!

Однако нет ни слова о космоглоттической (resp. интерлингвистической) деятельности и достижениях Юшманова! Снова необходим контекст эпохи: с рубежа 1940—50-х гг. вопросы интерлингвистики официально стали замалчиваться, были отодвинуты на периферию науки о языке, а изредка появлявшиеся в этой области статьи Е. А. Бокарева и В. П. Григорьева не могли, конечно, решить всех проблем. Лишь с 1980-х гг., когда начала формироваться «Тартуско-московская школа интерлингвистики» и появилась серия «*Interlinguistica Tartuensis*», стало понятно, что эта дисциплина продолжит, наконец, традиции 20—30-х гг., заложенные в том числе и Юшмановым (этой школой выпускается периодическое издание [*Interlinguistica Tartuensis*]).

Мысль о едином языке человечества, поразившая Юшманова в ранней молодости, привела его к космоглоттике ~ интерлингвистике, которая на протяжении многих веков ищет пути к унификации человеческой речи и тем самым к преодолению той стороны языкового многообразия мира, когда оно (многообразие) препятствует контактам между народами. А это значит, что в языках нужно искать то общее, универсальное, что станет основой рационального коммуникативного средства общения.

Что же нужно для того, чтобы приблизиться к универсальному в языках? Нужно знание самих языков и пронизывающий их взгляд с целью увидеть то, что в «человеческой речи» более или менее едино, однотипно, а это значит, что путь к означенной цели пролегал через лингвистическое сравнение, через типологию. Космоглоттическое конструирование как раз и предполагает просмотр этнических языков с точки зрения наличия в них фонетических, грамматических и прочих типов и универсалий.

Рационализм XVII в., отталкиваясь, как известно, от этнических языков, трудился над определением контуров логического языка и над утверждением идеи о возможности всеобщего языка. Так, из более чем 90 лингвопроектов, созданных в XVII—XVIII вв., абсолютное большинство приходится на априорно-философские системы, которые базируются на логических принципах и учете наиболее общих, категориальных свойств человеческого языка [Дуличенко 1990: 29—59]. Вот некоторые из них (помимо универсальной грамматики Пор-Рояля):

- «язык как логический ключ к познанию мира» 1629 г. Р. Декарта,
- «новый совершенный язык» 1652 г. Ф. Лодовика,
- «философский язык» 1661 г. Дж. Далгарно и 1668 г. Дж. Вилкинса,
- «универсальный язык» 1661—1662 г. И. Ньютона,
- «алгебра мысли» 1666 г. Г. В. Лейбница,

«панглотгия» 1665—1666 г. Я. А. Коменского,
«вычислительный язык» 1768 г. Э. Б. Кондильяка,
«философский язык» 1793 г. А. М. Ампера,
«универсальный язык» 1794—1795 гг. К. Делормеля,
«пазиграфия» 1797 г. Ж. Меймье и др.

С этого периода стали появляться и лингвопроекты, «приземлявшие» «всеязыковые устремления» их создателей, т. е. апостериорные системы, учитывающие, насколько возможно, наиболее общие элементы вышедших из употребления (древнегреческий, латынь) и функционирующих этнических языков. Разумеется, Юшманов знал о такой тенденции развития языкознания и об истории лингвопроектов априорного и апостериорного типов (ср. их наличие в его списке «систем мировых языков» [Yushmanov 1926b: 43—49]). Естественно, что они попадали в его поле зрения и подвергались им типологическому анализу, который позволял, выражаясь современной терминологией (подчеркнем это!), смотреть на язык с позиций семиотической теории и теории языковых универсалий, видеть и находить комбинаторные и трансформационные свойства его элементов, подходить к языку с позиций лингвистической технологии (т. е. лингвоконструирования) и возможностей его социальной управляемости. Проекты МИЯ были для Юшманова по существу интерлингвистическими (космоглоттическими) инвариантами как в отношении к этническим языкам, так и в отношении друг к другу. Только Юшманов понимал лучше, чем другие, что система МИЯ, запущенная в социум, должна развиваться, т. е. подвергаться языковой эволюции (см. подробнее о значении интерлингвистики для общей теории языка [Дуличенко 1988: 35—40]).

В свете сказанного трудно представить себе, чтобы космоглоттические представления и подходы не отразились в его востоковедных работах. Обратим внимание на некоторые из них.

Однако сначала отметим те публикации Юшманова на МИЯ, которые касаются востоковедения и о которых мало кто знает. Так, в 1914 г. он печатает лингвонимическую заметку «Названия семитских языков» [Yushmanov 1914: 49—50], в 1931 г. — «О японском языке» [Yushmanov 1930: 309—310], в 1932 г. — «Арабы Средней Азии» [Yushmanov 1932b: 137—139] — все три статьи на языке идо. В идистском журнале «Mondo» Юшманов специально «примеряет» европейско-международный язык идо к неевропейцам [Yushmanov 1923b: 230—232], а позднее в том же издании на языке новиаль пишет о «Прогрессе латинского алфавита на Востоке» [Yushmanov 1929b: 73—75]. На языке интерлингва Юшманов печатает статью «Трансформации арабского артикля» [Yushmanov 1927: 3—4], а на своем этем — заметку «Вокалическая гармония в новосирийском» [yushmanov 1933: 764—765]. На этем он публикует статью «Интернационализм(ы) в восточных языках», акцентируя внимание на латинизации их алфавитов и проникновении в них лексических европеизмов [yushmanov 1932a: 577—578]. Этот же вопрос, но на примере тюркских языков, он поднимает в статье 1931 г. [Юшманов 1931: 109—124].

В «Трудах группы африканских языков» Института языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра «Africana», инициатором издания которых был Юшманов, есть несколько его работ, рецензий и обзоров. Наиболее показательны для нас типологическое исследование «Фонетические параллели африканских и яфетических языков» [Юшманов 1937б: 19—44]. Отдав «терминологическую дань» марровской «звуковой стороне единого языкотворческого процесса» [Алпатов 2004: 129—130], Юшманов проводит глубокий типологический анализ, несмотря на то, что, по его словам, «противоречиями полна вся фонетика» [Юшманов 1937б: 32]: он пишет о «шумно-латеральных» согласных, характерных для южной группы языков банту и языков горцев Кавказа, о «преобладании свистящих над шипящими и мало-гласием» в грузинском по сравнению с обратной картиной в мегрельском и чанском, о так называемых щелкающих звуках в южноафриканском бушменском, о «гортанном усилении» гласных в обеих географических группах языков, об открытой им так называемой блуждающей назализации и др. В этом же русле написаны и его «Этюды по общей фонетике», опубликованные благодаря А. Г. Беловой в 1989 г. [Юшманов 1989: 71—103].

В очерке «Строй языка хауса» Юшманов замечает, что «этот язык [хауса] служит также вспомогательным международным языком (*lingua franca*) для многих других народностей от Средиземного моря до Гвинейского залива»; и далее: «хауса представляет большой интерес для языкознания <...> как образец международного языка стихийного возникновения (в отличие от международного языка искусственной выработки, как волапук, эсперанто, идо)» [Юшманов 1937а: 5—6, 6—7].

Очень близко к теории лингвоконструирования явление так называемой блуждающей нализации, т. е. «появления носового звука без какой-либо перемены значения у слова» типа *taya* и *tanya* ‘помогать’, *lizami* и *linzami* ‘узда’ и т. п. — явление ~ прием как бы предоставлены на усмотрение носителя языка (что близко к приемам создателей МИЯ) [Там же: 11].

Лингвоконструктивному приему «если А характеризуется тем-то, то Б должно характеризоваться чем-то иным» близко морфологическое качество хауса, в котором «приходится различать короткие слова, не имеющие четких признаков принадлежности к какой-либо части речи, и длинные слова, имеющие довольно четкие признаки принадлежности к имени или глаголу», при этом в первом случае «только контекст позволяет отнести слово к определенной части речи» [Там же: 17].

Как мы видели выше, в проекте языка этом важную роль играет именно порядок слов и контекст. Падежные отношения в хауса вынесены, как и в этом, за пределы слова, так как выражаются либо притяжательными конструкциями (как родительный), либо предлогами или частицами (как дательный и творительный). Типологически сходный прием отражен и в том, что, по словам Юшманова, «отличить существительное от прилагательного в хауса формально нельзя» [Там же: 27] — так и в этом.

Подчеркивание космоглоглических свойств типологического характера заметно и в «Грамматике литературного арабского языка» [Юшманов 1928]. Касаясь общей характеристики арабского литературного языка, Юшманов пишет о том, что в быту арабы пользуются местными наречиями, а в общественной жизни — «тем же литературным языком, лишь с упрощением грамматики и с обновлением словаря» [Там же: 3].

Важное для лингвоконструктивной работы упрощение грамматики сопрягается здесь с «обогащением словаря до баснословных размеров» [Там же: 2]. Подчеркивание рационального момента заметно в утверждении о том, что «большинство древних арабов выполняло гортанный взрыв (’)», в то время как «жители Хыджаза, в том числе и мекканцы, не выполняли гортанного взрыва и даже питали к нему отвращение» [Там же: 41].

Очень близка к синтаксической структуре этом особенность, заключающаяся в том, что «в отличие от европейской, семитская речь не имеет прочной связи членов предложения и пользуется преимущественно непосредственной кладкой речевых единиц друг за другом», при этом «порядок слов определяется ходом мысли» [Там же: 97—98].

Как видим, космоглоглическое прочтение африканистических трудов Юшманова дает определенную пищу для размышлений над сущностью человеческого языка. Становится ясным одно: труды Юшманова как по космоглоглическим ~ интерлингвистическим, так и по африканистическим можно и важно рассматривать не только по отдельности (что и делается до сих пор), но также и в едином контексте, чтобы осознать те глубины человеческой речи, до которых он доходил [Юшманов 1998]; см. также [Виноградов 2006].

Публикации Юшманова по космоглоглическим появлялись в различных изданиях движений за МИЯ. Сейчас, как уже было сказано, эти издания представляют собою библиографическую редкость и хранятся, не всегда комплектно, лишь в некоторых крупных библиотеках мира. Несмотря на их специфичность, в них печатался не только Юшманов, но и, например, такие известные лингвисты, как О. Есперсен, А. Мейе, брат Ф. де Соссюра — Рене де Соссюр и др.

В дополнение к сказанному добавим, что в 1984 г. в серии «*Interlinguistica Tartuensis*» должен был выйти том, посвященный Н. В. Юшманову, для чего были подготовлены материалы по интерлингвистической деятельности Юшманова, в том числе и более двух десятков его космоглоглических работ. С сожалением приходится констатировать, что этот план

так и не был реализован. Издатель и редактор серии «Interlinguistica Tartuensis» все же не теряет надежды издать космоглогтический «Сборник Н. В. Юшманова».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алпатов 2004 — Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. 2-е изд., дополн. М.: УРСС, 2004. [Alpatov V. M. *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm* [The history of a myth: Marr and Marrism]. 2nd ed., enlarged. Moscow: URSS, 2004.]
- Белова 1997 — Белова А. Г. Н. В. Юшманов (1896—1946) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1997. Вып. 1 (№ 2). С. 66—67. [Belova A. G. N. V. Yushmanov (1896—1946). *Vestn. of St. Petersburg Univ. Ser. 2*. 1997. Issue 1 (No. 2). Pp. 66—67.]
- Бокарев 1987 — Бокарев Е. А. Проекты международных искусственных языков (1925—1970). Публикация текста, предисловие и комментарии С. Н. Кузнецова // Interlinguistica Tartuensis 4: Вопросы общей и частной интерлингвистики. (Ученые записки ТартуГУ. Вып. 775.) Тарту, 1987. С. 147—159. [Bokarev E. A. Projects of international artificial languages (1925—1970). Text publication, introduction and comments by S. N. Kuznetsov. *Interlinguistica Tartuensis 4: Voprosy obshchei i chastnoi interlingvistiki*. (Uchenye zapiski Tartuskogo Gos. Univ. No. 775). Tartu, 1987. Pp. 147—159.]
- Виноградов 2006 — Виноградов В. А. Исследования по грамматике африканских языков. М.: Наука, 2006. [Vinogradov V. A. *Issledovaniya po grammatike afrikanских yazykov*. [African languages grammar studies]. Moscow: Nauka, 2006.]
- Дрезен 1928 — Дрезен Э. За всеобщим языком. (Три века исканий). М.; Л.: Государственное издательство, 1928. [Drezen E. *Za vseobshchim yazykom. (Tri veka iskanii)* [Towards the universal languages. Three centuries of search]. Moscow; Leningrad: Gos. Izd-vo, 1928.]
- Дуличенко 1982 — Дуличенко А. Д. Интерлингвистика // Interlinguistica Tartuensis 1: Актуальные проблемы современной интерлингвистики. (Ученые записки ТартуГУ. Вып. 613.) Тарту, 1982. С. 68—93. [Duličenko A. D. Interlinguistics. *Interlinguistica Tartuensis 1: Aktual'nye problemy sovremennoi interlingvistiki*. (Uchenye zapiski Tartuskogo Gos. Univ. No. 613). Tartu, 1982. Pp. 68—93.]
- Дуличенко 1988 — Дуличенко А. Д. Интерлингвистика, ее значение и вклад в развитие общелингвистической теории // Плановые языки: итоги и перспективы. Тарту: Тартуский гос. университет, 1988. С. 35—40. [Duličenko A. D. Interlinguistics, its role and contribution into development of the common language theory. *Planovye yazyki: itogi i perspektivy*. Tartu: Tartu State Univ., 1988. Pp. 35—40.]
- Дуличенко 1990 — Дуличенко А. Д. Международные вспомогательные языки. Таллинн: Валгус, 1990. [Duličenko A. D. *Mezhdunarodnye vspomogatel'nye yazyki* [International auxiliary languages]. Tallinn: Valgus, 1990.]
- Дуличенко 2003 — Дуличенко А. Д. Двигается ли русский язык к аналитическому строю? (О лингвистических прогнозах XX века) // Русистика. Славистика. Лингвистика. Festschrift für W. Lehfeldt zum 60. Geburtstag. München: Verlag Otto Sagner, 2003. С. 109—122. [Duličenko A. D. Does Russian move to the analytical structure? (About linguistic expectations of the 20th century). *Rusistika. Slavistika. Lingvistika. Festschrift für W. Lehfeldt zum 60. Geburtstag*. München: Verlag Otto Sagner, 2003. Pp. 109—122.]
- Дуличенко 2007 — Дуличенко А. Д. История интерлингвистики. М.: Высшая школа, 2007. [Duličenko A. D. *Istoriya interlingvistiki* [History of interlinguistics]. Moscow: Vysshaya Shkola, 2007.]
- Крачковский 1950 — Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.; Л.: Издво АН СССР, 1950. [Krachkovskii I. Yu. *Oчерki po istorii russkoi arabistiki* [Essays on the history of Arabic studies]. Moscow; Leningrad: Acad. of Sciences of the USSR, 1950.]
- Крачковский 1955 — Крачковский И. Ю. Введение в эфиопскую филологию. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1955. [Krachkovskii I. Yu. *Vvedenie v efiopskuyu filologiyu* [An introduction to the Ethiopic philology]. Leningrad: Leningrad Univ., 1955.]
- Крачковский 1958 — Крачковский И. Ю. Востоковедный путь Н. В. Юшманова // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 448—452. [Krachkovskii I. Yu. *Vostokovednyi put' N. V. Yushmanova* [N. V. Yushmanov's way in the oriental studies]. Krachkovskii I. Yu. *Izbrannye sochineniya*. Vol. 5. Moscow; Leningrad: Acad. of Sciences of the USSR, 1958. Pp. 448—452.]
- Кузнецов 1984 — Кузнецов С. Н. «Космоглот» — первое интерлингвистическое общество в России // Interlinguistica Tartuensis 3: История и современное состояние интерлингвистики. (Ученые записки ТартуГУ. Вып. 671.) Тарту, 1984. С. 126—164. [Kuznetsov S. N. «Kosmoglot» — the first interlinguistic society in Russia. *Interlinguistica Tartuensis 3: Istoriya i sovremennoe sostoyanie interlingvistiki*. (Uchenye zapiski Tartuskogo Gos. Univ. No. 671). Tartu, 1984. Pp. 126—164.]

- Кузнецов 1987 — Кузнецов С. Н. Теоретические основы интерлингвистики. М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1987. [Kuznetsov S. N. *Teoreticheskie osnovy interlingvistiki* [Theoretical foundations of interlinguistics]. Moscow: Univ. of People's Friendship, 1987.]
- Лантош 1924 — Лантош А. Учебник международного языка идо для рабочих. С коллективн. немец. изд. переработан т. т. Н. Юшмановым и Ф. Мильтером. Moskva, [1924]. [Lantosh A. *Uchebnik mezhdunarodnogo yazyka ido dlya rabochikh*. S kollektivn. nemets. izd. pererabotan t. t. N. Yushmanovym i F. Mil'terom [A guide to the Ido international language. Rewritten by N. Yushmanov and F. Mil'ter from the collective German edition]. Moscow, [1924].]
- Ольдерогге 1997 — Ольдерогге Д. А. Из истории отечественного языкознания: Н. В. Юшманов // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1997. Вып. 1 (№ 2). С. 68—74. [Ol'derogge D. A. Glimpses of history of the national linguistics: N. V. Yushmanov. *Vestn. of St. Petersburg State Univ. Ser. 2.* 1997. No. 1 (2). Pp. 68—74.]
- Шумовский 1975 — Шумовский Т. А. У моря арабистики. По страницам памяти и неизданных документов. М.: Наука, 1975. [Shumovskii T. A. *U morya arabistiki. Po stranitsam pamyati i neizdannykh dokumentov* [By the sea of Arabic studies. Turning pages of memory and unpublished documents]. Moscow: Nauka, 1975.]
- Юшманов 1922 — Юшманов Н. В. Руководство международного языка идо для русских. Рига, 1922. [Yushmanov N. V. *Rukovodstvo mezhdunarodnogo yazyka ido dlya russkikh* [A guide to the Ido international language for the Russians]. Riga, 1922.]
- Юшманов 1927 — Юшманов Н. В. Идо — идеал междуязыка // Интернационалист / Internacionalista. Уфа, 1927. № 1. С. 3. [Yushmanov N. V. Ido — an ideal of the international language. *Internatsionalist / Internacionalista*. Ufa, 1927. No. 1. P. 3.]
- Юшманов 1928 — Юшманов Н. В. Грамматика литературного арабского языка / Под ред. И. Ю. Крачковского. Л.: Изд. Ленинградского восточного института им. А. С. Енукидзе, 1928. [Yushmanov N. V. *Grammatika literaturnogo arabskogo yazyka* [Standard Arabic grammar]. I. Yu. Krachkovskii (ed.). Leningrad: A. S. Enukidze Leningrad Oriental Institute, 1928.]
- Юшманов 1929 — Юшманов Н. В. Опыты всемирного алфавита // Культура и письменность Востока. Баку, 1929. Кн. 2. С. 69—73. [Yushmanov N. V. Essays of the universal alphabet. *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka*. Baku, 1929. Book 2. Pp. 69—73.]
- Юшманов 1931 — Юшманов Н. В. Европейские элементы тюркских языков СССР // Культура и письменность Востока. М., 1931. № 7—8. С. 109—124. [Yushmanov N. V. European elements of the Turkic languages of the USSR. *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka*. Moscow, 1931. No. 7—8. Pp. 109—124.]
- Юшманов 1933 — Юшманов Н. В. Грамматика иностранных слов // Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык. М.: Советская энциклопедия, 1933. Стлб. 1429—1502; переизд.: Словарь иностранных слов. М., 1937; 1939; 2-е изд., 1941; 3-е изд., 1942; частично в изд.: Юшманов Н. В. Элементы международной терминологии. Словарь-справочник. М.: Наука, 1968. [Yushmanov N. V. The grammar of foreign words. *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v russkii yazyk*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1933. Columns 1429—1502; re-edition: *Slovar' inostrannykh slov*. Moscow, 1937; 1939; 2nd ed., 1941; 3rd ed., 1942; partly in the book: Yushmanov N. V. *Elementy mezhdunarodnoi terminologii. Slovar'-spravochnik* [Elements of the international terminology. Dictionary-reference guide]. Moscow: Nauka, 1968.]
- Юшманов 1936 — Юшманов Н. В. Строй амхарского языка. (Сер. «Строй языков». Вып. 7.) Л.: Изд. Ленинградского научно-исследовательского института языкознания, 1936; переизд.: Юшманов Н. В. Амхарский язык. (Сер. «Языки зарубежного Востока и Африки».) М.: Изд-во восточной литературы, 1959. [Yushmanov N. V. *Stroi amkharskogo yazyka* [Structure of the Amharic]. (Ser. «*Stroi yazykov*». No. 7.) Leningrad: Izd-vo Leningradskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazykoznaniiya, 1936; reedition: Yushmanov N. V. *Amkharskii yazyk* [The Amharic language]. (Ser. «*Yazyki zarubezhnogo Vostoka i Afriki*»). Moscow: Izd-vo Vostochnoi Literatury, 1959.]
- Юшманов 1937а — Юшманов Н. В. Строй языка хауса. (Сер. «Строй языков». Вып. 8.) Л.: Изд. Ленинградского научно-исследовательского института языкознания, 1937. [Yushmanov N. V. *Stroi yazyka khausa* [Structure of the Hausa language]. (Ser. «*Stroi yazykov*». No. 8.) Leningrad: Izd-vo Leningradskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazykoznaniiya, 1937.]
- Юшманов 1937б — Юшманов Н. В. Фонетические параллели африканских и яфетических языков // *Africana*. Труды группы африканских языков. (АН СССР. Труды Института языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра. Т. IX.) М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 19—44. [Yushmanov N. V. Phonetic parallels of the African languages and the Yaphetic languages. *Africana. Trudy gruppy afrikanskikh yazykov* (AN SSSR. Trudy Instituta yazyka i myshleniya im. akad. N. Ya. Marra. Vol. IX.) Moscow; Leningrad: Acad. of Sciences of the USSR, 1937. Pp. 19—44.]

- Юшманов 1941a — Юшманов Н. В. Определитель языков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. [Yushmanov N. V. *Opredelitel' yazykov* [Manual for the identification of languages]. Moscow; Leningrad: Acad. of Sciences of the USSR, 1941.]
- Юшманов 1941b — Юшманов Н. В. Ключ к латинским письменностям Земного шара. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. [Yushmanov N. V. *Klyuch k latinskim pis'mennostyam Zemnogo shara* [The key to the Latin writing systems of the Earth]. Moscow; Leningrad: Acad. of Sciences of the USSR, 1941.]
- Юшманов 1987 — Юшманов Н. В. Всемирный язык (1928). (Публикация текста и комментарии С. Н. Кузнецова.) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1987. Т. LXV. С. 457—468. [Yushmanov N. V. *Vsemirnyi yazyk (1928)* [The universal language (1928)]. (Text publication and comments by S. N. Kuznetsov). *Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*. 1987. Vol. LXV. Pp. 457—468.]
- Юшманов 1989 — Юшманов Н. В. Этюды по общей фонетике на материале неиндоевропейских языков. (Из трехлетней переходящей темы «Стадиальная фонетика» 1940—1942 гг.). Публикация А. Г. Беловой // Вопросы языкознания. М., 1989. № 5. С. 71—103. [Yušmanov N. V. *Etyudy po obshchei fonetike na materiale neindoevropeiskikh yazykov*. (Iz trekhletnei perekhodyashchei temy «Stadial'naya fonetika» 1940—1942 gg.) [Studies in general phonetics based the material of non-Indo-European languages (an extract from the author's linguistic study «Stadial phonetics» planned for 1940—1942)]. Publication by A. G. Belova. *Voprosy jazykoznanija*. M., 1989. No. 5. Pp. 71—103.]
- Юшманов 1998 — Юшманов Н. В. Избранные труды. Работы по общей фонетике, семитологии и арабской классической морфологии. М.: Наука, 1998. [Yushmanov N. V. *Izbrannyye trudy. Raboty po obshchei fonetike, semitologii i arabskoi klassicheskoi morfologii* [Selected writings. Works on the general phonetics, Semitic languages and Arabic classical morphology]. Moscow: Nauka, 1998.]
- Ahlberg 1924 — Ahlberg P. Helpez nia sufranta amiko! *Mondo*. Yaro XIII. Frankfurt am Main; Stockholm, 1924. No. 1—2. P. 60. На языке идо.
- Ahlberg 1926 — Ahlberg P. Pazilogio. [Nikolaus Yushmanov]. *Mondo (Oficala organo dil Uniono por La Linguo Internaciona)*. Yaro XV (XVII). Stockholm, 1926. No. 4 (182). P. 105. На языке идо.
- Ahlberg, Feder 1923 — Ahlberg P., Feder K. Elekto di Akademiani. *Mondo*. Yaro XII. Frankfurt am Main; Stockholm, 1923. No. 6. Pp. 216—217. На языке идо.
- Interlinguistica Tartuensis — *Interlinguistica Tartuensis*. Тарту, 1982—2009—. Т. I—IX—.
- Jespersen 1931 — Jespersen O. *A New science: Interlinguistics*. Cambridge, 1931.
- Kosmoglotista agendo — Kosmoglotista agendo. *Mondo*. 1921. No 5. Pp. 68—69.
- Yushmanov 1914 — Yushmanov N. La nomi di la Semida lingui. *Progreso*. Paris, 1914. No. 73. Januario. Pp. 49—50. На языке идо.
- Yushmanov 1922a — Yushmanov N. Saluto a kdo Vladimir Ilyich Lenin. *Nia Standardo*. Moskvo, 1922. No. 3—4. Oktobro — novembro. На языке идо.
- Yushmanov 1922b — Yushmanov N. L'aplikata (energetikal) linguistiko. *Mondo (Revuo por la Linguo Internaciona)*. Frankfurt am Main; Stockholm, 1922. No. 8/9. Pp. 276—281. На языке идо.
- yushmanof 1922c — yushmanof n. tri basis de lingu inter-european (skript in etem). *Kosmoglott*. Reval, 1922. No. 6. Pp. 33—34. На языке этем.
- yushmanof 1922d — yushmanof n. gramatik psiko-ekonomik (skript in etem). *Kosmoglott*. Reval, 1922. No. 7—8. Pp. 43—44. На языке этем.
- Yushmanov 1922e — Yushmanov N. Cultura international unitaristico. *Academia pro Interlingua*. Torino, 1922. No. 1. Februario. Pp. 5—7. На языке интерлингва (латино-сине-флексионе).
- Yushmanov 1922f — Yushmanov N. La internaciona unitarista kulturo. *Linguo Internaciona / Jazyk mezinárodní*. Praha, 1922. No. 8—9. Pp. 67—68. На языке идо.
- Yushmanov 1923a — Yushmanov N. Bibliografio. *Nia Standardo*. Moskvo, 1923. No. 5. Mayo (без указания страниц). На языке идо.
- Yushmanov 1923b — Yushmanov N. Ido e ne-Europani. *Mondo (Revuo por la Linguo Internaciona)*. Frankfurt am Main; Stockholm, 1923. No. 7. Pp. 230—232. На языке идо.
- Yushmanov 1923c — Yushmanov N. Mekanismo dil ciencala terminaro. *Mondo*. Frankfurt am Main; Stockholm, 1923. No. 3. Pp. 98—103. На языке идо.
- Yushmanov 1924a — Yushmanov N. 40 peki di Occidental. *Mondo*. 1924. No. 1—2 (155—6). Pp. 34—42. На языке идо.
- Yushmanov 1924b — Yushmanov N. 100 fundamental defekti di Esperanto. *Mondo*. Frankfurt am Main; Stockholm, 1924. No. 5—6 (159—60). Pp. 119—134. На языке идо.
- Yushmanov 1924c — Yushmanov N. Kurta biografio di V. I. Lenin. Segun «Rabochaja Moskva». *Nia standardo*. Moskvo, 1924. No. 1—3. Pp. 8—11. На языке идо.

- Yushmanov 1925 — Yushmanov N. La nomi di nia linguo. *Mondo*. Frankfurt am Main; Stockholm, 1925. No. 5 (171). Pp. 132—133. На языке идо.
- Yushmanov 1926a — Yushmanov N. Tragedio di Esperanto. *Mondo*. Frankfurt am Main; Stockholm, 1926. No. 2 (180). Pp. 49—58. На языке идо.
- Yushmanov 1926b — Yushmanov N. Kronological indexo dil sistemi monolingual. *Mondo*. Frankfurt am Main; Stockholm, 1926. No. 2 (180). Pp. 43—49. На языке идо.
- Yushmanov 1927 — Yushmanov N. Transformationes de articulo arabo. *Academia pro Interlingua*. Torino, 1927. No. 1, 3—4. На языке интерлингва (латино-сине-флексионе).
- Yushmanov 1929a — Yushmanov N. Cosmoglottica. *Schola et vita*. Anno IV. Milano, 1929. Augusto-September. Pp. 235—240. На языке интерлингва.
- Yushmanov 1929b — Yushmanov N. Li progrese del latini alfabeto in Oriente. *Mondo*. Frankfurt am Main; Stockholm, 1929. No. 3—5 (229—[230]), marte — maye. Pp. 73—75. На языке новияль (Novial).
- Yushmanov 1930 — Yushmanov N. Pri la Japoniana linguo. *Tolero*. Paris, 1930. No. 26, november. Pp. 309—310. На языке идо.
- yushmanof 1931 — yushmanof n. sistem kosmoglotik «etem». *Interlanguages*. Paris, 1931. No. 28, janvier. Pp. 334—335. На языке этем.
- yushmanov 1932a — yushmanov n. internasionalism in linguo oriental. *Interlanguages*. Paris, 1932. No. 42, mars. Pp. 577—578. На языке этем.
- Yushmanov 1932b — Yushmanov N. Arabi in Mez-Azia. *Mikra Buletino*. Berlin, 1932. No. 11 (109), november. Pp. 137—139. На языке идо.
- yushmanov 1933 — yushmanov n. vocal harmoni in neosiriak. *Interlanguages*. Paris, 1933. No. 53, fevrier. Pp. 764—765. На языке этем.

Статья поступила в редакцию 21.06.2014.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY. REVIEWS

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

I. Mel'čuk, J. Milićević. Introduction à la linguistique. Paris: Hermann, 2014. 3 vol. 378 + 286 + 392 p. ISBN 978-27-0568-058-9, 978-27-0568-170-8, 978-27-0568-171-5.

А. Ч. Пиперски

Alexander Piperski

ШАГИ РАНХиГС, Москва, 119571, Россия; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125993, Россия
apiperski@gmail.com

RANEPА, Moscow, 119571, Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russia
apiperski@gmail.com

Книга Игоря Мельчука и Ясмینی Миличевич «Введение в лингвистику» — это обстоятельное и систематичное изложение взглядов авторов на язык сквозь призму модели «Смысл ↔ Текст» (МСТ). Во введении авторы честно признают, что другие теории в их пособии не рассматриваются (т. 1, с. V) и только упоминаются в кратких библиографических обзорах, которые сопровождают каждую главу. Это полностью соответствует традициям МСТ (ср. [Мельчук 1974: 7]: «В основном корпусе книги автор стремился избежать пересказа чужих мнений, цитат, полемики и т. п.»), но может удивить неподготовленного читателя, который посмотрит не на имена авторов, а на заглавие и будет ожидать от книги под названием «Введение в лингвистику» изложения не одной конкретной теории, а более или менее принятых интерпретаций языковых фактов, принадлежащих разным лингвистам.

Книга состоит из трех томов, которые в свою очередь членятся на четыре книги («livres»), не совпадающие с томами: первый том включает в себя первую книгу, второй — вторую, а третий — третью и четвертую. Такой дуализм структуры несколько затрудняет цитирование книги, но, конечно, он вполне привычен читателям других работ И. Мельчука, в частности «Курса общей морфологии» [Mel'čuk 1993—2000; Мельчук 1997—2006]. Тематика книг соответствует разделам лингвистики в том порядке, в каком они рассматриваются в МСТ в направлении «от смысла к тексту» — от семантики до фонологии.

Книга открывается введением, в котором авторы рассуждают о месте своей книги среди других аналогичных трудов: они сразу подчеркивают, что эта книга сложнее, чем обычный учебник для начинающих, и предлагают рассматривать ее как элементарное введение для читателей продвинутого уровня (*introduction élémentaire d'un niveau avancé*; т. 1, с. V). С ними трудно не согласиться: это совсем не легкое чтение и не учебник для первокурсников.

Вводная часть, которая носит название «Язык и лингвистика», посвящена общим свойствам человеческого языка и науки, изучающей его. Здесь излагаются основы семиотики, кратко говорится о языковом разнообразии мира и вводится уровневая структура МСТ (т. 1, с. 72—77). В соответствии с ней и строится все дальнейшее изложение.

Книга I посвящена семантике. В ней подробно описано устройство семантических и глубинно-синтаксических представлений в МСТ, а также правила перехода между ними. Разумеется, излагается и теория лексических функций как важная часть МСТ. Отдельные главы посвящены устройству толково-комбинаторного словаря, а также роли фразеологии в языке и в словаре.

Книга II, полностью занимающая второй том, посвящена синтаксису. В библиографии ко введению авторы с легкой издевкой перечисляют пособия по «мейнстримному» синтаксису,

включая туда и формальные, и функциональные направления («la syntaxe “mainstream”», т. 2, с. 11), а в дальнейшем излагают свою синтаксическую теорию. В книге рассматривается ряд важных понятий синтаксиса: синтаксическая зависимость, части речи, валентность, порядок слов, согласование и управление — каждому понятию отводится по главе. Специальная глава (II.6) посвящена описанию интересных синтаксических явлений: инкорпорации, клефта, прономинализации, эллипсиса и т. д. Разумеется, важную часть книги составляют главы об устройстве синтаксических представлений, а также о синтаксических правилах перехода между уровнями.

Третий том включает в себя две книги — третью и четвертую. Предметом книги III является морфология. Как сообщают авторы, эта книга базируется на «Курсе общей морфологии» [Mel’čuk 1993—2000; Мельчук 1997—2006] (т. 2, с. 13). Отдельные главы этой книги посвящены морфологическим представлениям и правилам, понятию словоформы, словоизменению и словообразованию, морфологическим значениям, морфологическим средствам, синтактике морфологических единиц, а также типам морфем и их свойствам.

Книга IV затрагивает проблемы фонетики и фонологии. Она делится на две главы. В первой вводятся основные понятия сегментной и супraseгментной фонетики, а также дается артикуляционная классификация звуков. Во второй главе речь идет об уровнях представления в фонологии и описывается устройство фонологических правил.

Каждый из томов в конце имеет полный перечень введенных определений и основных теоретических принципов, а также упражнения и ответы к ним. Упражнения в томах 1 и 2 достаточно специфичны для МСТ, а вот упражнения в томе 3, посвященные морфологии и фонетике, в принципе могут быть использованы в преподавании даже в тех курсах, которые не требуют знакомства с МСТ: большинство из них напоминает традиционные упражнения по введению в языкознание или самодостаточные лингвистические задачи. Каждый том завершается предметно-именным указателем и указателем языков. Кроме того, третий том включает в себя два приложения: перечень математических и логических понятий, значимых для лингвистики, а также краткий справочник по генеалогической классификации языков. Этот справочник ценен тем, что его приятно и познавательно читать. Это не просто шаблонный список-перечисление: авторы в свободной форме сообщают краткие сведения о том, насколько хорошо изучена та или иная семья и группа, живы или близки к вымиранию входящие в нее языки и т. п. А, например, про чимакумскую семью языков сообщается, что она включает в себя два языка, в одном из которых нет носовых согласных (т. 3, с. 320).

Авторы порой приводят непривычные трактовки языкового материала — разумеется, обосновывая их. К примеру, они отказывают сербскому языку в существовании локатива: это доказывается тем, что в современном языке локатив всегда совпадает с дативом, отличаясь от последнего лишь акцентуацией некоторых слов в некоторых диалектах (т. 1, с. 91—92). Такую смелость можно только поприветствовать, поскольку она наводит читателя на размышления о приемлемости традиционных решений, которые при некритическом взгляде кажутся незыблемыми.

В краткой рецензии на такую книгу едва ли имеет смысл критиковать или хвалить теорию, лежащую в ее основе: всякий лингвист, выросший в русской традиции, неизбежно знаком с МСТ и имеет о ней свое мнение. Поэтому мы ограничимся тем, что отметим некоторые недостатки, не затрагивающие теоретических основ книги.

Как и прочие труды И. Мельчука, книга изобилует графическими средствами выделения: мы находим и малые прописные, и шрифт без засечек, и разнообразные другие приемы. Не все они одинаково удачны: в частности, формальные определения маркируются двумя чертами слева и уменьшенным размером шрифта, который явно противоречит той важной роли, которую такие определения играют в МСТ.

Разумеется, в книге с таким большим охватом материала не может не быть непоследовательностей и мелких ошибок в языковых примерах. Так, не принято единого решения о том, какую орфографию использовать для немецкого языка (в т. 2 на с. 182 находим союз

daβ ‘что’, записанный по старым правилам с *β*, а в т. 3 на с. 26 — слово *Grossbuchstabe* ‘заглавная буква’ с заменой *β* на *ss* вопреки и старой, и новой орфографии). В т. 3 на с. 125 приводятся неверные формы санскритских глаголов: *budhati ‘бодрствует; понимает, учит’ вместо *bodhati* и *pracchati ‘спрашивает’ вместо *prcchati*.

К сожалению, многие новые идеи, распространившиеся в лингвистике последнего времени, не получили внимания в книге, уступив место традиционным представлениям. Так, морфологическая типология языков сводится к традиционному противопоставлению «изолирующие ~ агглютинативные ~ фузионные ~ полисинтетические». При этом основным источником, по которому проводится разграничение агглютинативных и фузионных языков, является «Введение в языковедение» А. А. Реформатского [Реформатский 1960: 220—221] (т. 3, с. 220). Однако классификация А. А. Реформатского страдает сильным уклоном в сторону тюркских языков; кроме того, сама правомерность выделения таких языковых типов находится под сильным сомнением в свете недавних исследований М. Хаспельмата [Haspelmath 2009], о которых, однако, в рецензируемой книге не упоминается.

Несколько огорчает объем и содержание книги IV. Впрочем, это вполне соответствует традициям МСТ, в которой фонетика и фонология рассматриваются как неприятное обременение, которое идет в нагрузку к остальным, более увлекательным разделам лингвистики. Книга IV имеет наименьший объем (всего лишь 50 страниц — примерно вчетверо-впятеро меньше, чем каждая из книг I—III) и почти не содержит оригинальных авторских идей. Переход от фонологического представления к фонетическому предлагается осуществлять с помощью правил в духе классической деривационной модели Н. Хомского и М. Халле [Chomsky, Halle 1968], причем объяснению того, как устроены эти правила, и их изложению на примере испанского языка посвящено всего лишь четыре страницы книги (т. 3, с. 269—272). К сожалению, И. Мельчук и Я. Миличевич не рассматривают другие существующие (и более популярные в наши дни) теории, хотя во введении к книге IV и упоминаются естественная фонология, метрическая фонология, автосегментная фонология и т. д. Возможно, переходы от одного уровня представления к другому в духе популярной сегодня теории оптимальности и не вписываются в общий формат лингвистических правил, задаваемый в книге (т. 1, с. 66), однако фонологический раздел в имеющемся виде все равно оставляет желать лучшего.

Итак, читатель имеет дело с компендиумом, обобщающим воззрения сторонников МСТ (в первую очередь И. Мельчука) на устройство языка. Можно спорить с этими воззрениями или игнорировать их, ориентируясь на более модные в современном мире теории (хотя развитие МСТ продолжается и сейчас: ср., например, [Apresjan, Iomdin 2013]) — но нельзя не признать, что мы имеем дело с чрезвычайно строгой и логически выверенной системой взглядов на человеческий язык. Суть МСТ излагается в этом компендиуме весьма ясно и компактно (как ни странно говорить такое про три тома общим объемом более тысячи страниц, но это факт). Книга И. Мельчука и Я. Миличевич несомненно займет важное место в ряду книг по общей лингвистике, и остается только надеяться, что она в ближайшие годы будет переведена на английский и/или русский язык и станет более доступна мировой и российской аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Мельчук 1974 — Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М.: Наука, 1974. [Mel'čuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl ↔ Tekst»* [An attempt at a theory of «Meaning ↔ Text» linguistic models]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Мельчук 1997—2006 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. М.: Прогресс, 1997—2006. [Mel'čuk I. A. *Kurs obshchei morfologii* [Course in general morphology]. Moscow: Progress, 1997—2006.]
- Реформатский 1960 — Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Учпедгиз, 1960. [Reformatskii A. A. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow: Uchpedgiz, 1960.]

- Apresjan, Iomdin 2013 — Apresjan V., Iomdin B. (eds). *Meaning–Text Theory: Current developments. Wiener Slawistischer Almanach*. 2013. Sonderband 85.
- Chomsky, Halle 1968 — Chomsky N., Halle M. *The sound pattern of English*. New York: Harper & Row, 1968.
- Haspelmath 2009 — Haspelmath M. An empirical test of the Agglutination hypothesis. *Universals of language today*. Scalise S., Magni E., Bisetto A. (eds). Dordrecht: Springer science & business media, 2009.
- Mel'čuk 1993—2000 — Mel'čuk I. *Cours de morphologie générale*. Montréal; Paris: Presses de l'Université de Montréal, 1993—2000.

J. N. Adams. Social variation and the Latin language. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 933 p. ISBN 978-0-521-88614-7.

Д. В. Сичинава

Dmitri V. Sitchinava

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Россия; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия
mitrius@gmail.com

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russia; National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russia
mitrius@gmail.com

Автор рецензируемой книги «Социальное варьирование и латинский язык» британский лингвист Дж. Н. Адамс — уникальная фигура среди современных латинистов. Почетный член колледжа All Souls в Оксфорде за десять лет, помимо рецензируемой, выпустил еще две монографии без соавторов: «Двуязычие и латинский язык» [Adams 2003] и «Региональные разновидности латинского языка от 200 года до н. э. до 600 года н. э.» [Adams 2007]. Совокупный объем этих трех работ — две с половиной тысячи страниц. Высокий уровень этих книг уже отмечался многочисленными рецензентами; по-видимому, трилогия Адамса будет наиболее авторитетным («стандартным») изложением соответствующей проблематики на много лет вперед. Все три книги вышли, впрочем, не в Оксфорде, а в «the Other Place», как там говорят — Cambridge University Press.

Как известно, латинский язык точно так же, как большинство языков мира (а особенно обслуживающие столь большие и сложно устроенные общества), был неоднороден социолингвистически. Давно уже известен термин «вульгарная латынь» (*sermo vulgaris*; в отечественной традиции принято чуть более мягкое соответствие — «народная латынь»), ассоциируемый с латинским *vulgus* — простой народ. Согласно традиционной картине, языковые изменения, ведущие от латинского языка к романским, происходили именно в языке простонародья. Социальная и культурная элита использовала более консервативную классическую латынь, и именно этот язык (за небольшими исключениями вроде Плавта или Петрония, где авторы стилизуют речь персонажей-вольноотпущенников или рабов) и отразился в литературных сочинениях, но предком румынского или португальского не стал. Таким образом, римское общество как будто бы было фактически двуязычным, и «народная латынь» якобы представляла собой полностью автономную от языка высших слоев общества языковую систему (так называемая «двухнормная теория»). Существуют многочисленные исследования и грамматики народной латыни, опирающиеся на эпиграфику, другие бытовые тексты (например, помпейские граффити или римские аналоги берестяных грамот — таблички из британской Виндоланды) и литературные сочинения, отражающие речь простого народа, а главное — на реконструкции слабо или вовсе не засвидетельствованных в письменной латыни праформ, выполненные на материале современных романских языков. В целом социолингвистическая информация о мертвом языке, разумеется, ограничена; нам не известно точное социальное происхождение авторов множества текстов,

и наоборот, лингвистическая документированность целых социальных групп чрезвычайно скудна. Именно эта недостаточная дифференцированность и является причиной, по которой термин «народная латынь» получил широкое распространение и в определенной степени полезен практически; часто более подробной стратификации, чем «элита vs. простой народ», в источниках просто нет.

Тем не менее социологические исследования современных языков (прежде всего надо назвать работы выдающегося социолингвиста У. Лабова) показали, что наряду с языковыми изменениями «снизу» происходят как языковые изменения «сверху» (язык элит считается более престижным, и социальные низы усваивают его элементы), так и масштабные сдвиги, захватывающие все слои общества. Что касается изоглосс (например, фонетических), которые якобы делят общество в точности по социальным классам, то такое совпадение представляет собой в современности крайне редкое, если вообще отмеченное явление. Социальные различия в языке представляют собой континуум признаков, а не жесткую границу. Кроме того, нужно различать непринужденную (*casual*) и формальную (*careful*) речь представителей одного и того же социального слоя; их языковые признаки могут различаться довольно сильно. Не так же ли, в общих чертах, обстояло дело и в античном языковом социуме? Автор сосредоточивает свое внимание на этой проблеме применительно к латинскому языку, исследуя с социолингвистической точки зрения три десятка конкретных сюжетов на всех уровнях языка, от фонетики до синтаксиса. Именно обсуждение конкретных языковых изменений и составляет большую часть книги, примерно восемьсот из девятисот страниц; теоретические вопросы и взгляды предшественников затрагиваются, но подробно не пересказываются (первая, теоретическая часть занимает только 23 страницы). Эта книга, по определению автора — *topic-based*, она опирается на многочисленные факты собственно языковой системы, и в этой верифицируемой подробности ее основное достоинство. Перед нами образец кропотливого корпусного (или, если угодно, «филологического») исследования множества памятников, происходящих из самых разных социальных страт. Автор использует широкий круг памятников (как «низкого регистра», вроде ветеринарных пособий, так и римскую классику) и древних «социолингвистических» свидетельств (*testimonia*), учитывая неоднозначность многих из них, делает отступления с индивидуальным анализом (*case study*) конкретных памятников. Примеры обсуждаются детально, автор обращает внимание на проблемы интерпретации тех или иных примеров, их частотность, семантические вопросы (например, отличие перфекта от посессивно-результативной конструкции или чисто артиклевых от указательных употреблений местоимений). Используются работы не только филологов-классиков, но и теоретиков языка, типологов (например, монографии «Число» и «Род» Гревилы Корбета [Corbett 1991; 2001] и «Пассив» Анны Северской [Siewerska 1984]). Исследование это, таким образом, представляет собой не только текст на заявленную в заглавии тему, но и подробно выписанный фрагмент исторической грамматики латинского языка как таковой, имеющий большую ценность независимо от социолингвистической стороны дела.

Оптика «взгляда снизу» скрадывает от исследователя ряд фактов, свидетельствующих об изменениях в речи элит. Например, доказательством тех или иных фонетических изменений в языке латинского *vulgus* считается орфография простонародных текстов, например, *pane* вместо *panem* ‘хлеб’ (Вин. ед.). Между тем в большинстве случаев здесь дело лишь в лучшей строгости литературной орфографии, скрадывающей живое произношение, а фонетические изменения для всех носителей языка были едиными (точно так же, как носитель современной орфографической и орфоэпической нормы, который в XXI в. пишет в соответствии с произношением XIV в. *корова* или *видишь*, не окает и не произносит на конце мягкого /ш'/). В целом письменная форма языка существенно более консервативна, чем устная, что затрудняет изучение хронологии изменений; автор приводит пример из истории нидерландского языка (с. 25), где один вариант предложного управления с большим трудом (при ожесточенной реакции пуристов) проникает в печать только в конце XX в., хотя, как мы, по счастью, знаем, существовал уже и в XVII в. Иногда к народной латыни

относят формы, не рекомендованные античными грамматистами или даже эксплицитно названные ими «плебейскими», «деревенскими» или «простонародными». Проблема в том, что (точно так же как и в современном языке) школьная норма (и тем более связанная с ней стигматизация) сплошь и рядом носила искусственный или гиперархаизирующий характер, а обращение к реальному корпусу текстов незамедлительно показывает, что тонкий стилист Тит Ливий регулярно использовал конструкции, запрещаемые, допустим, Варроном. Категоричное «никто так по-латыни не говорит» у грамматистов сплошь и рядом означает «все так только и говорят». Ряд слов, дошедших до романских языков, например, *manducare* в смысле ‘есть’ (ср. франц. *manger*), обычно считается «вульгарными», но император Август употреблял их в частных письмах точно так же, как и вольноотпущенники у Петрония. Наиболее отчетливо автор выражает свое отношение к традиционному взгляду на с. 829: «Данный случай демонстрирует бессмысленность любой точки зрения, согласно которой развитие, отразившееся в романских языках, коренится исключительно в загадочной (*shadowy*) народной латыни, отличной от классического языка».

В целом латинская языковая ситуация, особенно поздняя, в некоторых отношениях напоминает существенно более упрощенную средневековую восточнославянскую (как древнерусского, так и более позднего периода), где тоже сосуществовали несколько регистров письменности: как литературные с их церковнославянской ориентацией, так и бытовые / деловые тексты, более близкие к разговорной речи, с существенно более широкой вариативностью в орфографических, грамматических и лексических признаках (но, как и в Риме, для древнерусского периода корпус дошедших до нас бытовых текстов существенно меньше по объему). Точно так же, как и в случае с народной латынью, фонетические, грамматические и лексические изменения, ведущие к современному восточнославянским языкам, надежнее прослеживаются в бытовых текстах, чем в книжных. Одни и те же люди несомненно умели и даже специально учились писать как то, так и другое (ср. бытовые берестяные грамоты, написанные священниками, или приписку в бытовой орфографии, сделанную тем же писцом к написанному более строго основному тексту одной из грамот), в книжные тексты периодически проникали элементы, включая диалектные, выдающие живую речь писцов. Жестких языковых границ в том, что касалось повседневной речи, между социальными слоями, сколько можно судить по скудным данным, не наблюдалось; конкретные письменные памятники занимали различные позиции в континууме «книжный—бытовой» по различным языковым параметрам. Слабо засвидетельствована в традиционных книжных памятниках бытовая лексика, считавшаяся «низкой». Разумеется, на Руси не было такой развитой и разнообразной по тематике литературы, нормативного образования и метаязыковой рефлексии, как в Риме, общество было существенно слабее стратифицировано, меньшую роль играл местный «варварский» языковой субстрат и адстрат, и все же многие явления были похожи.

Вторая часть книги называется «Фонология и орфография», и ее цель амбициозна: «полное обсуждение большинства, если не вообще всех, важнейших фонологических изменений, произошедших в истории латинского языка на протяжении его письменной истории и оставивших след в романских языках» (с. 31). Автор ставит целью установить, были ли какие-либо из этих изменений связаны с социолингвистической вариативностью. Здесь подробнее рассматривается проблема интерпретации «орфографических ошибок» (*misspellings*), являющихся одним из важнейших источников фонологической информации, их типология, частотность, систематичность и т. д. Сюжеты, обсуждаемые в этом разделе — система гласных, дифтонги, синкопы (типа *calidus* > *caldus* ‘горячий’), стяжения, неправильное употребление начального *h*, судьба конечных согласных, контактная ассимиляция согласных (типа *kt* > *tt*, как в итальянском), варьирование согласных *b* и *v*. Адамс приходит к выводу, что практически во всех этих пунктах изменение затронуло все слои общества и шло постепенно; ошибки в долготах или качестве гласных совершают и сами грамматисты, и удерживание старых норм носило во многом гиперкорректный характер. Исследователь обращает внимание на то, что нельзя полностью отождествлять ранние народно-латинские

(типа *orum* вместо *aurum*) и поздние романские изменения (совр. итал. и исп. *oro*) и строить гипотезы, согласно которой уже в период Римской республики в речи простонародья якобы существовали на тысячелетие «скрытые» (*submerged*) протороманские формы. Прямой преемственности между этими монофтонгизациями нет, и фонологически они устроены иначе; кроме того, в ранний латинский период данное явление, как и многие другие, было лексически ограничено. Отмечались случаи искусственного восстановления ряда произношений (например, конечного *-s*, отсутствие которого стигматизирует Цицерон как «деревенское») в речи образованных классов, а затем распространения этого изменения «сверху вниз». Не исключено, что некоторые «деревенские» варианты в действительности были связаны с диалектными различиями внутри Италии, а не прямо с социальными различиями внутри Рима. Едва ли есть хотя бы одно явление в латинской фонологии, прямо противопоставлявшее в какой-то период язык простонародья языку элиты (разве что переход *ae > e*, но и тут возможны иные трактовки).

Третья часть — «Падеж и предлоги» — посвящена развитию предложных групп и утрате латинских падежей в романских языках. Здесь рассматривается синтаксис прямых падежей (номинатив и аккузатив), косвенные падежи и предложные сочетания, локативные конструкции, рефлексивный датив (считавшееся просторечным «лишнее» местоимение во фразе типа *quid tibi vis?* ‘что (себе) хочешь?’), предлоги в сравнительной конструкции. В этой области большинство изменений (автор приводит список 11 сдвигов) началось «снизу», но были и введенные элитными носителями и распространившиеся как престижные, например предлог *ab* с компаративом. В целом невозможно сказать, чтобы все предложные сочетания, впоследствии развившиеся в романских языках, первоначально принадлежали только простонародному языку (хотя социальное измерение в этом языковом изменении очень значительно); подобные инновации есть у таких классиков, как Саллустий, Овидий и Тацит, без какой-либо стилистической окраски.

Четвертая часть — «Черты морфологии и синтаксиса имени, местоимения и наречия» — состоит из подразделов «Род», «Указательные местоимения: некоторые морфологические изменения», «Определенный артикль и указательные местоимения», «Суффиксация и нестандартный латинский язык», «Сложные наречия и предлоги». С точки зрения употребления рода выделяются более конкретные социальные категории, чем расплывчатое «простонародье», а именно солдаты и ремесленники. Именно в речи этих двух групп начало распространяться употребление множественного числа среднего рода вместо мужского (*gladia* ‘мечи’ вместо *gladii*); их мы видим, в частности, в военных документах из Виндоланды. Характерными для низших социальных слоев являются также новые падежные формы указательных местоимений типа *illaei* ‘этой’, но соединение указательных местоимений с формами типа *ecce* ‘вот’ (ср. *ecce (eccum) iste >* франц. *ce*, итал. *questo* ‘этот’; *ecce hic >* франц. *ici* ‘здесь’) было распространено и среди образованных римлян. Что касается артиклевого использования местоимений *ille* и *ipse*, то оно в латинских источниках, как высокого, так и низкого регистра, по сути отсутствует. Ряд суффиксов, часто относимых к народно-латинским (типа *-os-us* или *-ari-us*), связаны не с социолектом, а с конкретной лексикой и нередко у Цицерона; нестандартными следует признать только некоторые уменьшительные (*-in-us*, *-inn-us*). Сложные наречия и предлоги (типа *de-intro >* итал., исп., порт. *dentro* ‘внутри’ осуждаются грамматиками, которые в то же время проговариваются, что это «общее выражение» (*communis elocutio*).

В пятой части «Черты глагольной морфологии и синтаксиса» обсуждается конструкция, давшая в романских языках перфект (типа *habeo receptam epistolam* ‘у меня есть полученное письмо’ > ‘я получил письмо’). Автор придерживается точки зрения, согласно которой эти конструкции в классический период еще не были грамматализованы как средство выражения перфекта и сохраняли посессивное значение, за исключением, может быть, конструкций с полнозначными глаголами «ментального приобретения» типа ‘узнать’ у Цицерона, которые сосуществуют с конструкцией *est mihi* ‘мне есть’ + причастие. Они носят сильно идиоматизированный характер и, возможно, не связаны диахронически с романским

перфектом. Едва ли перфектная конструкция существовала в «народной латыни», как это часто считается; грамматикализация ее продолжалась и в старофранцузском. Точно так же нельзя отнести к языку низших слоев общества и происхождение современного романского футурума (типа *dicere habeo* > франц. *dirai* ‘я скажу’) и, соответственно, кондиционала; в латинских текстах низкого регистра эти сочетания с таким значением не отмечены (историческое будущее время там сохранено), а преобладают, причем скорее со значением долженствования, в текстах ученых авторов африканского происхождения. Столь же «ненародным» оказывается и употребление рефлексива в пассивном значении, и точно так же долго сохраняется в ненормированных текстах утраченный романскими языками синтетический пассив.

Шестая часть, «Черты подчиненных предложений», затрагивает такие синтаксические черты поздней латыни / ранних романских языков, как косвенная речь (с заменой *accusativus cum infinitivo* на подчинительный союз *quod*) и косвенный вопрос (с заменой конъюнктива на индикатив); к «изменениям снизу» можно отнести только второе. Седьмая часть, «Черты словаря и порядка слов», открывается лексикологическим рассмотрением ряда конкретных единиц латинского словаря: лексического поля анатомических терминов и глаголов со значением ‘идти’, соединяющихся в романских языках в супплетивную парадигму (ср. франц. *je vais* от *vadere*, *j'allais* от *ambulare* и *j'irai* от *ire*). Автор показывает, что половина классических латинских анатомических терминов в современных романских языках утрачена, в то время как большая часть этой лексики восходит к маргинальным или незафиксированным этимонам. Это ведет к идее о скрытом (*submerged*) пласте народно-латинской лексики, хотя не исключено, что данные слова употреблялись и в разговорной речи элиты, но не проникали (несколько, впрочем, все же проскользнули) из стилистических соображений в литературные тексты. Что касается супплетивизма глагола ‘быть’, то фонетически слабые формы от *ire*, являющиеся причиной этого явления, начали исчезать уже в прозе республиканского периода. Само слово *vadere* изначально носило изысканно-литературный характер и лишь потом весьма медленно «спустилось» в разговорную речь. Затем рассматривается позиция инфинитива при вспомогательных глаголах (*ire volo* vs. *volo ire*). Оказывается, что, судя по свидетельствам, в латинском языке сосуществовали письменная норма (порядок слов SOV) и норма непринужденной речи (*casual speech*) с порядком SVO, восторжествовавшим в романских языках.

В заключительной главе под названием «Подводя итоги» автор приводит итоговые списки языковых изменений, затрагивающих латинский язык в целом, изменений «сверху» и «снизу». Обсуждается также вопрос конкретных социально-языковых групп в рамках «простонародья» (плебс, вольноотпущенники, солдаты), «скрытых» и незадокументированных (но проявившихся в романских языках) явлений, а также возможных взаимовлияний греческого и латинского языков в указанный период.

Книга Адамса — обобщающая и вместе с тем очень детальная работа о латинско-романском языковом переходе как таковом и одновременно наиболее современное и развернутое высказывание о социальном измерении латинского языка (особенно в сочетании с двумя первыми работами, о которых речь шла в начале рецензии). Безусловно, это заметное явление как в классической филологии, так и в социалингвистике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Adams 2003 — Adams J. N. *Bilingualism and the Latin language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
Adams 2007 — Adams J. N. *The Regional diversification of Latin 200 BC — AD 600*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
Corbett 1991 — Corbett G. *Gender*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
Corbett 2001 — Corbett G. *Number*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
Siewierska 1984 — Siewierska A. *The Passive*. London: Routledge, 1984.

J. L. G. Alonso (ed.), Continental Celtic word formation. The onomastic data. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2014. 234 p. ISBN 978-84-9012-383-6.

Т. А. Михайлова

Tatyana A. Mikhailova

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Россия; Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Россия
tamih.msu@mail.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russia; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russia
tamih.msu@mail.ru

Рецензируемый сборник составлен на базе материалов конференции, состоявшейся в Университете Саламанки в сентябре 2011 г. Через месяц после очередного Кельтского конгресса, который на этот раз проходил в Университете Майнута (Ирландия) и отличался, как, впрочем и всегда, широтой тем, разнообразием участников и далеко не всегда высоким научным уровнем докладов, небольшая группа лингвистов-кельтологов собралась в Саламанке, чтобы вкусить «настоящей науки». Звучащая в моих словах невольная ирония выдает на самом деле скорее зависть: саламанкская конференция собрала действительно лучших кельтологов нашего времени и была посвящена одной из наиболее актуальных проблем современной диахронической кельтологии: углубленному изучению континентальных кельтских данных.

Континентальный кельтский языковой материал, включающий в себя кельтиберские, лепонтийские и галльские источники, а также протобритские и протогидельские, насчитывающий около 900 лет истории и разбросанный на огромной территории от Понтийских степей до Ирландии, представлен, к сожалению, крайне фрагментарно. Более того, дошедшие до нас эпиграфические памятники, как правило, вторичны по своему происхождению и отчасти калькируют соответствующие иберийские, греческие и латинские тексты, имеющие формульный характер. И лишь одна область остается истинно кельтской и позволяющей реконструировать архаическое состояние континентального кельтского и его диалектов в плане фонетики, лексики, синтаксиса и морфологии: это обильная ономастика и топонимика, представленная как в тех же надписях, так и в памятниках античной историографии. Сложные имена архаических кельтов, живших на континенте, представляют собой застывшие клаузы, содержащие автохтонную лексику, а их вариативность в пространстве и во времени позволяет судить о фонетическом развитии соответствующих языков. Именно поэтому они оказываются так привлекательны для анализа, тем более что, как пишут составители сборника, «континентальное кельтское словообразование практически проигнорировано современными кельтологами и индоевропеистами» (с. 12). Несмотря на ряд ценных монографий, посвященных континентальной ономастике (в основном галльской), и несколько частных работ о суффиксальном словообразовании, «континентальный кельтский материал продолжает оставаться Золушкой кельтской филологии» (с. 13). Попыткой подарить Золушке чудесный бальный наряд и послужили коллективные усилия участников Саламанкской конференции, поставивших себе задачей на базе ономастики выявить и описать континентальную кельтскую суффиксацию, префиксацию, аблаутные чередования, принципы сложения основ, а также диалектную вариативность (задачи сформулированы составителями на с. 13—14). И конечно же, одной из задач остается этническая и языковая атрибуция собственного имени, позволяющая уточнить ареалы расселения кельтских племен.

Но ономастический материал, при всей своей привлекательности, таит, как понимают и составители сборника, множество опасностей. Так, постоянные контакты с иноязычным окружением и взаимопроникаемость ономастических предпочтений делают собственно атрибуцию имени не всегда надежной. Говоря проще, кельтское имя в искаженной форме мог носить и римлянин и, напротив, псевдолатинским именем мог быть наречен юный галл,

особенно в эпоху Поздней Империи. Наличие этих подводных камней, однако, не мешает исследованию в целом, поскольку участники конференции знали об их существовании.

Само название сборника «Континентальное кельтское словообразование: данные ономастики» предполагает два разных подхода, точнее — два возможных превалирующих при анализе материала аспекта. Так, можно было сконцентрироваться на собственно словообразовании, базируясь в основном на данных ономастики, но привлекая и апеллативную лексику. Но можно было в первую очередь привлекать для анализа ономастический материал как таковой и извлекать из анализа уже скорее исторические данные о расселении кельтов. Авторы сборника конференции невольно выбирали в своих работах один из названных аспектов, и поэтому мне представляется возможным в рецензии следовать не порядку, данному в оглавлении, а логике представленной в сборнике научной мысли.

Среди работ, наиболее явно склоняющихся ко второму, более традиционному, подходу, необходимо в первую очередь отметить интересное исследование А. И. Фалилеева («Going further East: New data, new analysis», р. 85—98). Его работа затрагивает даже не собственно ономастику, но скорее этнонимемику. Автор обращается к засвидетельствованному у историка Йордана (IV в.) и ряда других античных авторов неясному этнониму *Iimari* (по мнению автора — из кельтск. **iu-* ‘пить, глотать’ + *mār-* ‘большой’) и к этнониму *Boisci*, в котором он справедливо видит кельтское образование: как в корне (из общекельтск. **bō-* ‘корова, бык’), так и в суффиксе *-sk-*, которому он находит множество параллелей в кельтской этнонимике. Племена «боисков» числились среди противников гуннов и занимали, видимо, территорию Восточной Европы. Но, как видно из названия статьи, А. И. Фалилеев предлагает двигаться дальше на восток и, опираясь на данные того же Йордана, а также на археологические находки последних лет (см., например, [Kazakevitch 2012]), постулирует возможность существования кельто-скифского военного (а также культурного) союза на территории Крыма и Приазовья во II—V вв. н. э. Упоминание «галло-скифов» А. Фалилеев находит и у Плутарха. Кельты названы также среди племен, заселявших Понтийские степи и район дельты Дуная, у Требеллия Поллиона («Божественный Клавдий»): при описании варварских атак на дельту Дуная в 269 г. союзниками скифов называются кельты и герулы; германское племя герулов — союзников скифов в данном случае выглядит уместно (см. [Ганина 2011: 13—18]), тогда как упоминание кельтов считалось скорее ошибкой и название *Celtae* относилось предположительно к одному из германских племен. Исследование Фалилеева заставляет по-новому взглянуть на эту проблему и, шире, заново пересмотреть этническую и историческую ситуацию в Припонтском регионе первых веков н. э. В статье также затрагивается известный факт двух кельтских заимствований в готском: *kelikn* ‘башня’ (ср. галльск. *celicnon*) и *sipōnes* ‘ученик’. Их кельтское происхождение общеизвестно, однако никогда не ставился вопрос, где именно могли иметь место контакты кельтов с готами, при которых эти заимствования произошли¹. Как утверждает А. И. Фалилеев, тщательный анализ новых данных показывает, что наиболее вероятным местом такого контакта были именно Понтийские регионы, где кельты сталкивались с готами, жившими на территории Крыма.

Проблема этнической отнесенности ономастикона и пересмотр исторической карты региона прослеживаются и в статье М. Салинаса Де Фриаса («Personal onomastics and local society in Ancient Lusitania», р. 17—36). В ней ставится проблема, которая в общем не нова: насколько по редким ранним данным античных историков, упоминающих кельтов, можно судить о том, что цитируемая лексема является антропонимом, а не апеллативом (с. 18). Более поздний материал, относящийся к эпохе Поздней Империи, объемнее, однако несет на себе явный отпечаток эдикта Флавия о необходимости замены местных имен на римскую систему *tria nomina*, что привело к своеобразным попыткам искусственных замен

¹ Слово *celicnon* анализируется в сборнике также в статье П. Рассела, который пишет, что готск. *kelikn* является кельтским заимствованием, «хотя мы далеки от того, чтобы с уверенностью говорить о том, когда и где заимствование могло иметь место» (с. 208).

оригинальных имен и уподобления их римской системе. Просматривается здесь и греческое влияние. Так, например, как пишет автор, завоевание Испании было детально описано Аппианом Александрийским, который по национальности был греком и к тому же жил в сер. II в. н. э., т. е. более, чем на триста лет позднее описываемых им событий, поэтому имя одного из лузитанских вождей *Apouléios* представляет собой скорее эллинизированную форму латинского имени *Appuleius*. Лишь отдельные имена могут быть интерпретированы как кельтские. Так, например, имя *Kaukainos* предположительно содержит кельтский корень **keu-* ‘гнуть’ и встречается в ряде топонимов, засвидетельствованных на территории Кельтиберии (*Cauca*, см. [Falileyev 2010: 96]). Гораздо более определенно кельтским автор считает имя *Oúriatos* (*Viriatos*). Он видит в нем латинское суффиксальное образование на *-iatus*, дериват от местной лексемы *viria*, обозначающей металлический обруч, который носила на шее кельтская знать. Но в таком случае имя лузитанского вождя *Viriatos* «носящий обруч» не означало автоматически ни того, что этнически он был кельтом, ни того, что его именование (как справедливо пишет в начале статьи сам автор) было собственно антропонимом.

Сходная проблематика представлена в статье Х. Валехо Руиса («Celtic personal names in the Province of Aquitania: Derivation and composition», р. 131—154). Основную задачу автор видит не столько в анализе словообразовательных структур, сколько в этнической атрибуции имен с патронимом. В именах, традиционно считающихся аквитанскими, он выделяет несколько надежных кельтских корней. Самое распространенное имя — *Diuitus* (10 примеров). В качестве приложения дан большой список основных элементов NP с примерами их сочетаний в композитах, за которым следует в чем-то более важный список имен, которые, по мнению автора, скорее всего, кельтскими не являются, но лишь кажутся таковыми. Главная цель работы — показать, что с именами надо работать с осторожностью, поскольку в Аквитании (как, добавим, и во многих других регионах) в результате постоянных контактов возникали некие межэтнические образования, лингвистическая атрибуция которых затруднена (автор открытия здесь не делает, в кельтской ономастике существует специальный термин «decknamen», см., например, [Raepsaet-Charlier 2012], который в статье не используется). Однако применительно к языку Аквитании, лингвистическая принадлежность которого до сих пор является предметом дискуссий, данные, безусловно, новые и интересные.

Статья Х. Д. Гарсиа Алонсо с элегантно названным «Видеть или верить в царство кельтских призраков» («Seeing or believing in a realm of Celtic ghosts», р. 155—164) также затрагивает более проблему принадлежности имени, чем собственно анализ его формообразования. Основная задача автора — этническое определение племени веттонов (*Vettones*), живших неподалеку от Саламанки еще в доримскую эпоху. В статье анализируются несколько имен с кельтским корнем *vek-t-* (к и.-е. **uegh-* ‘идти, двигаться’), причем автором тонко реконструируется вариант с фонетическим опрощением: **vektones* — **veytones* — *Vettones*. Однако здесь автор наталкивается на подводный камень: суффикс *-ones*, как он сам показывает, был так широко распространен в этнонимике ранней Европы, что его кельтская принадлежность оказывается под вопросом, а с ней и вся реконструкция «опрощенного» корня. В результате проблема веттонов остается нерешенной. Но, как известно, главное — участвовать!

Статья Б. М. Проспер («Sifting the evidence: New interpretations on Celtic and Non-Celtic personal names of Western Hispania», р. 181—200) продолжает эту же линию исследований и посвящена анализу имен, зафиксированных на Западе Испании. Ряд имен, которые фонетически не являются кельтскими и квалифицируются скорее как лузитанские, согласно ее наблюдениям, содержат форманты, отмечаемые в именах, традиционно считающихся кельтскими, и, таким образом, могут иметь кельтское происхождение. С другой стороны, например, имя *Turendi* (gen. sg.) квалифицируется обычно как кельтиберское по происхождению (к и.-е. **tūro-* ‘сильный’). Однако сама форма имени не реконструирует, по ее мнению, кельтской суффиксации, но зато находит параллели в латинском словообразовании, что дает

автору право усомниться в кельтской атрибуции и этого имени, как и ряда других. Более того, она высказывает интересное предположение о возможности существования в данном регионе тупиковых ветвей, относящихся к италийской группе языков.

Однако большая часть представленных в сборнике исследований может быть отнесена ко второму аспекту проблемы, где авторов уже не интересует этническая отнесенность ономастического материала и проблемы доказуемости или проблематичности данной атрибуции. Обращаясь к данным ономастики, которая уже признана кельтской, они пытаются проследить развитие фонетических и морфологических ее черт, выявить основные модели и показать возникающие при этом сложности, а также дать предположительный семантический анализ традиционных формантов.

Так, например, в статье К. Йордана Колера («The *-anko-* sequence in Celtiberian anthroponomy», p. 165—174) анализируется происхождение и стойкое сохранение кластера *-nk-* в кельтберской антропонимике (более 60 случаев; как правило, в «family names»), феномен для кельтской фонетики нехарактерный (ср., однако, [Schrijver 1995: 265]). Автор предполагает здесь наличие двух суффиксов — *-on-* + *-k-*, не слившихся в один ввиду их семантической прозрачности (продуктивная модель). Если первый маркирует локус (или — род), то второй — принадлежность к данному локусу или роду. Так, например, маркер рода (фамилия?) *Eburanko* разлагается на значимые элементы *ebur* ‘тис’ + суфф. *-ōn-* с предположительным значением индивидуализации + суфф. *-k-*, что вместе дает нечто вроде ‘принадлежащий к роду тиса’.

Линия выявления значимых элементов продолжается в небольшой статье Ксавье Де Хоза («A Celtiberian inscription from the Rainer Daehnhardt collection and the problem of the Celtiberian genitive plural», p. 51—62), которая посвящена анализу надписи на кельтиберской тессере. Автор предлагает новое словоделение текста, в результате которого вычленяется лексема *uenikenion*, содержащая легко опознаваемые корни и форманты: *uen-* ‘родич, член семьи’, *ken-* ‘сын, потомок’, *-on* — флексия gen. pl., имеющая многочисленные зафиксированные галльские и реконструируемые гойдельские параллели. Лексема в целом, таким образом, переводится как «сыноией родичей», что, видимо, не является именем собственным, но отсылает к другим, недешифрованным, элементам надписи (напомним: надписи на тессерах обычно представляли собой своего рода договоры о дружбе между семьями).

П. Рассел обращается в своей работе («From compound to derivative: The development of a patronimic ‘suffix’ in Gaulish», p. 201—214) к очень конкретному материалу — образованию имен собственных с патронимическим суффиксом *-acno-/-agno-* — и пытается проследить его семантику и дальнейшее развитие (*Anevno Oclicno* ‘Анеунос сын Окла’, *Lugurix Anevnicno* ‘Лугурихс сын Ануеунока’ и пр.). С точки зрения фонетической он, исходя из того что этот элемент воспроизводился греческим и латинским алфавитом, предполагает его изначальную форму *-agn-* < **gen-* ‘рождать’. Тот же элемент автор предлагает видеть в гойдельском в форме *-agn-* > *-án-*: уже в качестве диминутивного суффикса, который ранее предположительно имел те же функции (ср. огамич. DALAGNI MAQI DALI ‘Далагна сына Дала’ (или ‘Дала сына сына Дала’?) и поздние латинские надписи с аналогичным дублированием патронима: *Amandus Velogni filius* ‘Амандус сын Вела сын’). Остается только восхищаться мастерством автора в логике и убедительности изложения материала.

То же можно сказать и о завершающей сборник работе Д. Водтко «Preverbs and personal names» (p. 215—234). Автор посвящает ее тщательному анализу превербов, фигурирующих в именах собственных, справедливо полагая, что образованные таким образом имена имеют вербальную природу (*nomina agentis*) и в качестве основы должны иметь глагольный корень. Ею проводится суммированный в виде таблицы анализ 33 превербов, часть которых функционируют как предлоги, и делается сопоставление континентальных и островных (гойдельских и бриттских) данных, причем островной материал дается в основном в виде глагольных имен. Данная методика позволяет ей выделить в галльском имени собственно корень, отделив от него предлог (преверб). Например, галльск.

Adgenno- реконструируется ею как преверб *ad-* + корень *gen-*, ср. др.-ирл. *ro-geinn* ‘содержит’. Основным методом реконструкции в работе оказывается привлечение сопоставительных островных данных, что в целом уточняет значение имени в галльском. Например, *Adret-* ‘нападающий, бегущий к’, ср. др.-ирл. *ad-reith*, ср.-валл. *eiryf* ‘нападает’. Однако семантическая тождественность превербов (да и основ), реконструируемая на таком широком материале, разошедшемся по времени на тысячелетие, может вызвать некоторые сомнения. Впрочем, как справедливо завершает Водтко свою статью: «Наконец, разрешите мне еще раз сказать, что все это лишь предварительное исследование. Эта область требует еще дальнейших глубоких исследований, как и любая иная область, касающаяся континентального кельтского материала» (с. 232).

Небольшое частное исследование Д. Штифтера («Two Continental Celtic studies: The vocative of Gaulish and *Essimnus*», р. 99—122) обращено к проблеме вокатива в континентальном кельтском. Тщательно изучив материал, засвидетельствованный как в кельтиберских надписях II—I в. до н. э., так и в относительно поздних галльских диалектах, зафиксированных на территории треверов (совр. Трир, Германия), он приходит к выводу, что уже на довольно раннем этапе вокатив заменялся номинативом, тогда как *-e* — вокатив основы на *-ō-* (*gnate!* ‘о, сын’ и проч.) — является, напротив, поздним и обязан своим появлением латинскому влиянию (*amicē!*). Это наблюдение мне кажется очень важным, поскольку в древнеирландском вокатив сохранялся очень долго, а для ряда устойчивых форм сохраняется и сейчас. Говорит ли это о раннем отделении протогойдельского от общекельтского континуума? Трудно сказать, впрочем, содержащийся в исследовании Д. Штифтера вывод также представлен как дискуссионный.

Морфологическому системному анализу посвящена и статья К. Деламарра («Une recurrence de la toponymie vieille-celtique: les formations an nasale *-(h₃)on* faites sur un théonime du type *Vesontīō* (locus) ← *Vesontis* (deus)», р. 175—180). Им выдвигается предположение: все топонимы с основами на назальный — это не дошедшие до нас имена галльских богов. Действительно, теонимы с подобным расширением засвидетельствованы в древнем кельтском широко (см. [Stüber 1998]) и постулируемый им переход возможен. Наиболее известным примером является имя Ирландии, названной будто бы в честь одной из богинь-охранительниц острова: *Ériu*, ген. *Érinn*. Кажется поспешным все 62 приведенных топонима с назальным расширением считать не дошедшими до нас теонимами, хотя с рядом предположений хотелось бы согласиться. Так, соотнесение галльского теонима *Albios* (к и.-е. **albho-* ‘светлый’) с ирландским названием Британии — *Albiú*, *Albionn* — предлагалось еще В. П. Калыгиным [Калыгин 2006: 20]. Однако направление семантической деривации имен с назальным суффиксом, как кажется, может быть и противоположным. В качестве контр-примера приведем теоним *Alisanos*, образованный от топонима *Alesia* (т. е. бог — покровитель Алезии, см. в известном словаре самого же Деламарра [Delamarre 2003: 38—39]).

Исследование П. И. Лабмера («Some Gaulish participial formations», р. 123—130) также привлекает для морфологического анализа галльской ономастики гойдельский материал. Он предполагает, что древнеирландские глагольные «формы необходимости»² находят параллели в записанной греческой графикой владельческой надписи — *esceggolati aniateios immi*, букв. «Эскегголата не-отнимаемое я есть» (т. е. ‘меня нельзя отнять у Эскегголата’), а также в двучленном имени из другой, тоже греческой, надписи — *Anextlo-iateos* «защиту требующий», т. е. тот, кто нуждается в защите, кого следует защищать. Правда, как пишет автор, в составе лексемы ясно не все: неоправданны геминированное *t* (его происхождение можно объяснить исходя из материала, представленного в статье П. Де Бернардо Штемпель в этом же сборнике) и отсутствие тематического инфикса *-i-*, который маркирует инактивность, ср. *an-iateios* и *-iateos*. В качестве параллели в работе привлекаются также древнебретонские формы. Правомерно ли, как это делает Ламбер, верифицировать галльские данные,

² «Verbal of necessity»: *Nibo chomitesti dó* ‘не следует простить его’ (букв. «не есть это прости-тельно ему»), *Ni dénti dúib-si anísín* ‘не следует вам делать это’ (букв. «не деятельно вам-же это»).

прибегая к фактам древнеирландского языка, который отделен от галльского временным интервалом в 800 лет? В свое время он сам предостерегал от таких поспешных и неточных выводов (см. [Lambert 1997])³. Видимо, делать это можно, но при этом надо постоянно помнить о том, что всякое сравнение должно быть проинтерпретировано. Видимо, здесь мы имеем дело с параллельным развитием разных ветвей кельтских языков, которые на базе тех же суффиксов *-s/-t* развили одни и те же морфо-семантические форманты.

Две оставшиеся работы, на которых хотелось бы остановиться подробнее, касаются выявления общих закономерностей, по которым шло независимое развитие поздних континентальных и ранних островных кельтских языков (т. е., как я понимаю, датируемых периодом от I в. до н. э. до V в. н. э.).

Статья известного специалиста по кельтской ономастике периода Империи П. Симс-Вильямса («The Celtic composition vowel *-o-* and *-io-*», р. 37—50) затрагивает очень локальную тему — судьбу тематических (позже — соединительных) гласных *-o-/-io-* в композитах (как в ономастике и топонимике, так и в этнонимах). Автор выделяет несколько случаев регулярных замен ($o > i$, $i > o$, $u > o$), засвидетельствованных как в островных кельтских языках (на ранних этапах, бриттском и гойдельском), так и в галльских диалектах, однако, как он справедливо при этом отмечает, ни одного четкого правила, которое могло бы быть уподоблено более поздним островным вокалическим перегласовкам (vowel affection, см. [Королев 1984: 40]), в проанализированном материале найти не удается, что кажется естественным. Более того, в ряде случаев приведенные автором языковые данные являются не собственно кельтскими, а результатом латинской или греческой фонетической интерпретации лексемы, что привносит дополнительный осложняющий фактор. Например, галльское имя *Litugen(i)os* ‘праздником рожденный’ в греческой эпиграфике принимает форму *Litogenes*, поскольку, по мнению автора, в иноязычной интерпретации продуктивными осмыслились только *o*-основы. Однако приведенные им примеры замен $o > i$ данному выводу, как кажется, противоречат (*Camulorix* ‘героев король’ > *Camulirigis*, gen.). В результате автор приходит к выводу о принципиальной невозможности выявления какой бы то ни было системы в вокалических заменах и объясняет их «фактором фонетической гармонии» (с. 48), который сам он считает неопределенным и не поддающимся систематизации. С ним не всегда можно согласиться. Так, например, этноним *Petruccorii*, засвидетельствованный в галльских монетных легендах и у латинских авторов, принимает форму *Petroccorii*, что четко укладывается в правило раннего гойдельского понижения, согласно которому, в частности, $u > o$ под влиянием *o/a* в следующем слоге. Аналогичных примеров, пользуясь лишь данными самого Симс-Вильямса, можно найти еще много, однако, действительно, однозначной интерпретации они не поддаются; видимо, в одних случаях можно говорить о реальных фонетических переходах, в других — о традиционных воспроизведениях двучленных имен (причем в разных графических традициях).

Особый интерес в свете сказанного представляют надписи-билингвы, засвидетельствованные в основном в Британии и датируемые III—V вв. Так, например, в надписи № 446, обнаруженной на территории Уэльса, одно и то же, гойдельское по происхождению, имя представлено в огамической форме как *MAGLICUNAS* («князя-пса», gen.), а латинским письмом как *Maglocuni*. На наш взгляд, случай относительно прост: гойдельское двучленное имя воспринималось как микроклауза, каждый член которой в надгробной надписи должен был принять форму генитива (**maglo-s > magli*, **kú > kunos > kunas*). В латинской же передаче имя воспринималось как нечленное *Maglocunos* и принимало форму латинского генитива *o*-основы. Аналогичным образом в виде «живых» генитивов предлагал рассматривать

³ Для меня реконструкция некоего общего «континентального кельтского языкового континуума», которая невольно происходит в ходе внимательного чтения сборника, оказывалась в противоречии с данными глотто-хронологии, согласно которым протогойдельский отделился от протобриттского примерно в 1200 г. до н. э. (см., например, [Blažek 2007]). Авторы сборника этой проблемой, естественно, отягощены не были.

вокалические изменения в огамических именах и Ю. Улих, «раскладывая» имена на составляющие их основы, например: CULIDOVĪ вместо *CULADOVĪ: nom. *CULA *DOVA ‘спина черная’ — gen. CULI-DOVĪ (см. [Uhlich 1993: 32]). Автор допускает возможность такой интерпретации, но она кажется ему не совсем точной из-за предположительной разницы в датировках: архаический генитив на *-as* в огамической форме, по его мнению, не может сосуществовать с латинизованной формой. Это замечание было бы уместно, если бы мы точно знали, что оба текста, огамический и латинский, написал одно лицо, владеющее не только двумя (или даже тремя — гойдельским, бриттским и латинским) языками, но и основами правописания в двух системах — огамической и латинской. Но можно предположить и иное: огамическая надпись была выгравирована гойделом, а затем продублирована бриттом в форме, которая была привычнее тем, кто владел латинским письмом. Дальнейший анализ британских билингв, как и латинских интерпретаций галльских имен, с данной точки зрения мне представляется очень перспективным.

И в заключение хотелось бы особо отметить статью Патрисии Де Бернардо Штемпель («The phonetic interface of word formation in Continental Celtic», p. 63—84), которую я считаю в рецензируемом сборнике самой важной. Основную проблему автор видит в том, что «анализ словообразования в континентальном кельтском должен преодолеть главную тенденцию сегментизации каждой лексемы без предварительного понимания того, какие фонетические изменения могли произойти в ней, изменив ее первоначальную структуру» (с. 63). В работе прослеживается ряд фонетических изменений, носящих достаточно регулярный характер и приводящих к неверной трактовке корневых и морфемных сегментов. Так, например, отмеченная ею геминация в заударном слоге (см. в связи с этим статью П. И. Ламбера) приводит к ошибочному переразложению составляющих имя собственное сегментов, при котором геминированный суффикс начинает восприниматься как второй корень. Так, имя *Condollos* трактуется К. Шмидтом как состоящее из двух основ *cond-* ‘ум’ и *ollo-* ‘большой, великий’ (см. [Schmidt 1957: 182; Delamarre 2007: 228]), тогда как, по мнению автора, здесь, как и в других именах на *-ollos/-ollus*, речь идет лишь о геминации диминутивного суффикса. Особое внимание в работе уделено возможным фиксациям ленированных консонантов, причем автор выделяет как «общекельтскую» леницию, при которой происходит смешение графем *m/b*, отражающих один звук */v/* (*Danubium* ~ *Danuvium* ~ *Danumium*), так и леницию «бриттского типа», проявляющуюся, по ее наблюдениям, в позднем галльском. Так, например, бриттскую аспирацию геминаты *kk > h* она видит в написании имени *Brocchus* вместо *Brocus* ‘барсук’. Более того, Де Бернардо Штемпель отмечает также «эквативные» образования в ономастике, формирующиеся по такой же модели, по которой затем сформировался экватив в валлийском (*du* ‘темный, черный’ ~ *kynduhet* ‘такой темный, как...’): аналогичную конструкцию она видит в имени *Cocirus* < *ko + *keiro* ‘темный’ + *s* (с. 70).

Лет двадцать назад старой галло-бриттской теории строго указали на дверь (см. [Koch 1992; McCone 1996]) и большинство кельтологов стало разделять так называемую «инсулярную» концепцию членения кельтского языкового древа, согласно которой протобриттский оказывался более близким протогойдельскому, чем галльскому. Исследование Де Бернардо Штемпель, возможно незаметно для нее самой, ясно показало несостоятельность такого подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ганина 2011 — Ганина Н. А. Крымско-готский язык. СПб.: Алетея, 2011. [Ganina N. A. *Krymsko-gotskii yazyk* [The Crumean Gothic language]. St. Petersburg: Aleteiya, 2011.]
- Калыгин 2006 — Калыгин В. П. Этимологический словарь кельтских теонимов. М.: Наука, 2006. [Kalygin V. P. *Etimologicheskii slovar' kel'tskikh teonimov* [An etymological dictionary of Celtic theonyms]. Moscow: Nauka, 2006.]
- Королев 1984 — Королев А. А. Древнейшие памятники ирландского языка. М.: Наука, 1984. [Korolev A. A. *Drevneishie pamyatniki irlandskogo yazyka* [Earliest texts in Irish]. Moscow: Nauka, 1984.]

- Blažek 2007 — Blažek V. From August Schleicher to Sergei Starostin: On the development of the tree-diagram models of the Indo-European languages. *The journal of Indo-European studies*. 2007. Vol. 35. No. 1—2. Pp. 82—111.
- Delamarre 2003 — Delamarre X. *Dictionnaire de la langue gauloise. Une approche linguistique du vieux-celtique continental*. Paris: Errance, 2003.
- Delamarre 2007 — Delamarre X. *Noms de personnes celtiques dans l'épigraphie classique*. Paris: Errance, 2007.
- Falileyev 2010 — Falileyev A. *Dictionary of Continental Celtic place-names*. Aberystwyth: CMCS, 2010.
- Kazakevitch 2012 — Kazakevitch G. Celtic military equipment from the territory of Ukraine: Towards a new warrior identity in the pre-Roman Eastern Europe. *Studia Celto-Slavica*. 2012. Vol. VI. Pp. 177—212.
- Koch 1992 — Koch J. T. 'Gallo-Brittonic' vs. 'Insular Celtic': The Inter-relationship of the Celtic languages reconsidered. *Bretagne et pays celtiques: langue, histoire, civilisation*. Le Menn G. (ed.). Rennes: Presses universitaires de Rennes, 1992.
- Lambert 1997 — Lambert P. Y. Gaulois tardif et latin vulgaire. *Zeitschrift für celtische Philologie*. 1997. Vol. 49—50. Ss. 396—413.
- McCone 1996 — McCone K. *Towards a relative chronology of Ancient and Medieval Celtic sound change*. Maynooth: National university of Ireland, 1996.
- Rapsaet-Charlier 2012 — Rapsaet-Charlier M.-T. 'Decknamen', homophony, assonance: An appraisal of conconance phenomena in onomastis of the Roman Empire. *Personal names in the Western Roman world*. Meisner T. (ed.). Berlin: Curach bhán, 2012. Pp. 11—24.
- Schrijver 1995 — Schrijver P. *Studies in British Celtic historical phonology*. Amsterdam: Rodopi, 1995.
- Schmidt 1957 — Schmidt K. H. *Die Komposition in gallischen Personennamen*. Tübingen: Walter de Gruyter, 1957.
- Stüber 1998 — Stüber K. *The historical morphology of N-stems in Celtic*. Maynooth: National university of Ireland, 1998.
- Uhlich 1993 — Uhlich J. *Die Morphologie der komponierten Personennamen des Altirischen*. Witterschlick; Bonn: M. Wehle, 1993.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / ACADEMIC LIFE

Обзор лингвистических проектов, поддерживаемых Российским гуманитарным научным фондом в 2014 году

Е. Р. Добрушина

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ), Москва, 115184, Россия
edobrush@gmail.com

Традиция ежегодных обзоров языковедческих конференций, экспедиций и изданий, поддерживаемых РГНФ, была начата в 2006 г. статьей Е. В. Рахилиной. За прошедшие с тех пор девять лет, благодаря развитию Интернета и модернизации соответствующего сайта, информация о деятельности РГНФ стала гораздо более доступной. Так, сейчас на сайте <http://www.rfh.ru> в разделе «Портрет грантозаявителя» опубликованы данные о среднестатистическом грантозаявителе, о его квалификации, гендерно-возрастных свойствах, научной области и месте жительства. Отмечу, что филологи по активности подачи заявок занимают четвертое место (13 %) из 12 после экономистов (19 %), историков (15 %) и педагогов (14 %). Филологические науки безусловно лидируют по количеству женщин-грантозаявителей (75,6 %); впрочем, преобладание мужчин из 12 областей обнаруживается только в двух: в политологии (52,2 %) и истории (50,1 %). Количество молодых ученых (до 39 лет) у нас почти равно количеству старших (49,3 %); при этом самая молодая наука — экономика (56,8 %), а самая взрослая — искусствоведение (38,4 %). Сведения о распределении поддерживаемых проектов по регионам можно получить, изучив раздел «Финансируемые проекты» (ИС РГНФ), представляющий собой интерактивную карту России, взглянув на которую можно выяснить, например, что в Москве поддержано 1315 проектов, в Санкт-Петербурге — 370, а, например, в Магаданской и Еврейской автономных областях по одному. Для многих областей при помощи этой карты возможно получить общий список поддерживаемых проектов, в которых не так просто сориентироваться, так как порядок перечисления не связан с областями наук. Другого способа выяснить что-либо про

An overview of projects in linguistics supported by Russian foundation for the humanities in 2014

Ekaterina R. Dobrushina

St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University, Moscow, 115184, Russia
edobrush@gmail.com

поддержанные проекты при помощи сайта РГНФ не существует, но мне удалось найти список поддерживаемых проектов всех типов и научных областей в алфавитном порядке по фамилиям грантозаявителей на сайте <http://libed.ru> «Бесплатная библиотека России» в разделе «Конференции — Книги (разное)».

Таким образом, чтобы самостоятельно разобраться в том, какие именно проекты по языковедению финансируются в 2014 г., опираясь на данные Интернета, требуется огромная работа. Поэтому я особенно признательна РГНФ, предоставившему мне эту информацию в компактном виде. К сожалению, я не имею возможности перечислить здесь все 189 проектов: это научные исследования (а) — 103, а также молодых ученых (а1 и а2) — 24; научные мероприятия (г) — 17, молодежные (г) — 3; издания научных трудов (д) — 27; полевые проекты (е) — 10; наконец, конкурс для аспирантов и докторантов последнего года (а(ф)) — 5. Следуя традиции ежегодных обзоров, я перечислю экспедиции, конференции и издательские проекты, а что касается более многочисленных научных проектов, попытаюсь представить основные тематические блоки и названия некоторых проектов.

Экспедиции

Из десяти поддерживаемых в этом году экспедиций три посвящены описанию диалектов и говоров русского языка, остальные — другим языкам: тюркским — качинскому и тувинскому, атабаскской семьи, финно-угорским, бурятскому и мордовскому, селькупскому, эвенкскому, диалектам аварского. Половина экспедиций прошла

на территории России (в Европейской части России, в разных регионах Сибири, в Поволжье, в Архангельской области), половина — за границей: в Китае, на Аляске, в Боливии, Монголии и Азербайджане.

ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова (Москва) провел две экспедиции. «Полевые исследования языка и культуры русских старообрядцев в России и за рубежом» (руководитель проекта Л. П. Касаткин) проходили в России и Боливии. Экспедиция «Диалектологические исследования центра Европейской части России и восточнославянского пограничья» (руководитель О. Е. Кармакова) представляла собой продолжение серии экспедиций. Исследователи работали над записью связанных текстов значительного объема в Белгородской, Владимирской и Вологодской областях.

МГУ им. М. В. Ломоносова организовал три экспедиционных проекта. Была проведена «Экспедиция к селькупам и эвенкам Туроханского района Красноярского края» (руководитель проекта О. А. Казакевич). Затем МГУ осуществил проект «Фонотека архангельских говоров: научно-реставрационные работы» (руководитель А. Б. Коконова), целью которого была реставрация, расшифровка и описание 100 часов магнитофонных записей, сделанных в 1957—1970 гг., а также пополнение фонотеки современным материалом. Наконец, МГУ провел «Экспедицию по сбору данных уральских и алтайских языков» (руководитель А. И. Кузнецова), посвященную малоизученным сторонам грамматики и лексики бурятского и мордовского языков.

Дагестанский государственный педагогический университет организовал «Экспедицию по сбору лексикологического материала для создания диалектологического словаря аварского языка» (руководитель проекта И. А. Дибиров), посвященную изучению лексического строя закатальского диалекта аварского языка, функционирующего на территории Азербайджана.

Калмыцкий университет провел экспедицию «Этнолингвистическая карта монголов северо-западного Китая: язык и традиционная культура кукунорских ойратов (хоцутов)» (руководитель Б. В. Бадмаев), посвященную полевому описанию языка и фольклора хоцутских калмыков, живущих вблизи озера Кукунор во Внутренней Монголии.

Московский центр непрерывного математического образования (МЦНМО) провел экспедицию

на Аляску: «Документация исчезающих языков и диалектов Аляски: лингвистический и социокультурный анализ» (руководитель проекта А. А. Кибрик); цель проекта — записи речи представителей двух русских диалектов и одного диалекта атабаскской семьи, имеющего корни в России. Транспорт для этой экспедиции так дорог, что исследователи запросили денег только на него, а остальные расходы взяли на себя.

Экспедиция Хакасского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ) «Качинский диалект хакасского языка: современное состояние, проблемы, перспективы» (руководитель Р. Д. Сунчугашев) была организована 49 лет спустя после проведения исследования этого диалекта Южной Сибири Д. Ф. Пагачаковым. Перед тюркологами стоит задача выявить специфику развития фонетической и морфологической систем качинского диалекта за прошедший период.

Тувинский университет провел на территории Тувы и Монголии экспедицию «Исчезающие языки некоторых тюркоязычных родоплеменных групп Юго-Восточных Саян» (руководитель М. В. Баву-Сюрюн), посвященную сбору, фиксации и анализу этнолингвистического и фольклорного материала говоров и диалектов тувинского языка.

Конференции

20 финансируемых в этом году научных мероприятий — это девять традиционных конференций, семь разовых, один постоянно действующий семинар и три молодежных проекта. Если в обзоре 2012 г. А. Б. Летучий высказывал опасения в связи с дисбалансом в пользу мероприятий по русистике в ущерб типологическим и связанным с общим языкознанием [Летучий 2013: 145], то в 2014 г. русистике как таковой было посвящено всего лишь два мероприятия. Славяноведению были посвящены две конференции, четыре — другим языкам (индоевропеистике, финно-угроведению, семитологии, монголоведению и алтаистике), четыре — социолингвистическим проблемам, в том числе исчезающим языкам, одна — непосредственно типологии, одна — когнитивистике, две молодежные — языковой личности и, наконец, четыре конференции характеризовались очень широкой тематикой, работой разнообразных секций, затрагивавших проблемы общего языкознания, психолингвистики, когнитивистики, семиотики и др.

Институт лингвистических исследований (Санкт-Петербург) провел три мероприятия:

3—5 июня 2014 г. была проведена «Международная научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения академика А. А. Шахматова» с секциями «Проблемы истории русского языка и русской диалектологии», «Проблемы теории и истории русской грамматики» и «Проблемы русской лексикографии и лексикологии». Конференция сопровождалась мероприятиями, посвященными великому филологу: посещением Большой словарной картотеки ИЛИ РАН, основанной совместно с Я. К. Гротом, демонстрацией документов из личного фонда ученого и выставкой его научных трудов, посещением могилы А. А. Шахматова

23—25 июня прошла традиционная, ежегодно проводимая с 1997 г. конференция «Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVIII» (Чтения памяти И. М. Тронского). Помимо пленарных заседаний, она включала секции «Вопросы индоевропейского языкознания», «Поздняя греческая литература и византистика», «Классическая филология», «Проблемы интерпретации текста», «Античные традиции в словесности и риторике», «Сравнительное языкознание». Конференция включала выступления ведущих ученых (Н. Н. Казанский, Н. В. Брагинская и др.), представителей разных учреждений России и Украины; около 5% выступлений было сделано аспирантами, магистрантами и студентами. Материалы размещены на сайте ИЛИ РАН.

20—23 октября прошла II Международная научная конференция «Славянская диалектная лексикография» (к 90-летию со дня рождения Ф. П. Сороколетова).

Российский университет дружбы народов (Москва) также провел три мероприятия:

23—24 апреля прошли I Фирсовские чтения «Современные проблемы межкультурной коммуникации», помимо межкультурной коммуникации, посвященные общим проблемам грамматики, лексикологии, фонетики и фразеологии; современным методикам преподавания иностранных языков в многоязычном обществе; проблемам социолингвистики, психолингвистики, этносоциолингвистики. Организаторы ставили задачу способствовать выявлению происходящих изменений в системе языка и в разговорной речи, порожденных изменениями общественной культуры в нынешний период серьезных перемен для большинства народов всего мира.

28 мая состоялся научный молодежный семинар «Русский язык в молодежных СМИ России и СНГ», включавший доклад «Национально-культурная семантика русского

имени с позиции сенегальской лингвокультуры» профессора Дакарского университета Манету Ндяй.

28—30 октября прошла Международная конференция V Новиковские чтения «Функциональная семантика и семиотика знаковых систем», кроме разнообразных тем по семантике и семиотике, включавшая направление «Информационные системы и межкультурная коммуникация».

Институт языкознания (Москва) провел две конференции, одну совместно с Институтом современных лингвистических исследований (Москва):

16—19 сентября в ИЯ РАН была проведена Международная конференция «Языковая политика и языковые конфликты в современном мире». Направления конференции: языковая политика в контексте глобализации; законы о языках: опыт и перспективы; роль языка в национально-языковых конфликтах; развитие национальных языков в условиях глобализации: положительные и отрицательные тенденции; современные теории о соотношении языка и этноса; миноритарные языки: проблемы выживаемости в эпоху глобализации; круглый стол «Евролингвистика во внутриевропейской и глобальной перспективе».

ИСЛИ в составе МГУ им. М. А. Шолохова и ИЯ РАН 15—17 октября провели в Москве Четвертую тематическую конференцию серии «Типология морфосинтаксических параметров», в качестве дополнительной секции включавшую Вторую конференцию по общему, скандинавскому и славянскому языкознанию (GeNSLing 2014) для студентов и аспирантов. Организаторы конференции — П. М. Аркадьев, Е. А. Лютикова, Я. Г. Тестелец, А. В. Циммерлинг. Пленарные докладчики: Томас Риад (Стокгольмский университет) и С. Г. Татевосов (МГУ им. М. В. Ломоносова). Основное направление — проблемы взаимодействия морфологии, синтаксиса, просодико-синтаксического и коммуникативно-синтаксического интерфейсов, а также на конкретном материале языков мира изучение соотношения общего, типового и специфического в распределении морфологических и синтаксических параметров.

ИРЯ им. В. В. Виноградова (Москва) 20—22 июня провел международную конференцию «Славянский стих», наиболее престижный съезд исследователей из всех стран Европы и мира, где ведется изучение стихотворного текста. Обсуждались все аспекты стихосложения: метрика, ритмика, рифма, строфика, фонетическая организация, морфология, синтаксис, семантика, стих и проза, история стихосложения и др.

Особое внимание было уделено автоматической обработке текста и созданию программного обеспечения, позволяющего делать автоматический анализ стихотворного текста на всех лингвистических уровнях.

Российский государственный гуманитарный университет (Москва) 20—21 июня провел Седьмую конференцию Международной ассоциации сравнительных семитологов. Такие конференции проходят раз в два года с 2000 г. Раньше организаторами выступали ведущие научные центры Испании, Италии и Германии, поэтому проведение седьмой конференции в РГГУ — важное свидетельство высокого уровня развития филологии и семитологии в его стенах. Конференция проходила на английском языке и включала выступления ведущих ученых Германии, Нидерландов, Великобритании, Испании, Канады, Израиля, Швеции, а также их российских коллег из РГГУ, ИЯ РАН, ИВ РАН.

Учебные и научные учреждения разных регионов — Алтай, Калмыкия, Карелия, Северного Кавказа — провели четыре конференции:

25—28 июня в Петрозаводске на базе ИЯЛИ Карельского НЦ РАН прошла V Всероссийская научная конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России». Традиция проведения всесоюзных финно-угорских конференций, заложенная Д. В. Бубрихом еще в послевоенные годы, была подхвачена в середине 1990-х гг. всероссийскими конференциями, которые проводятся один раз в пять лет в финно-угорских регионах Российской Федерации. На конференции обсуждались вопросы финно-угорского языкознания, фольклористики и литературоведения, музыкальной культуры, этнической истории и современных этносоциальных процессов. Работали симпозиумы «Современные этнические и языковые процессы в финно-угорском мире»; «Религиозно-мифологические традиции финно-угорских народов»; «Этнопедагогические традиции финно-угров в контексте эволюции семьи и общества», и была организована молодежная школа «Бубриховские чтения». Конференция значима для объединения специалистов по финно-угорским языкам и культуре.

На Алтае в Бийске 6—8 октября прошла VI Международная научная конференция «Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: языковой знак в аспекте синхронии и диахронии». Ее традиционно проводят совместно Россия (Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина) и Монголия

(Ховдский государственный университет), на этот раз она была посвящена обсуждению проблем теории языка, лингвистической типологии, семиотики, эволюции языка, психолингвистики и этнолингвистики, философии культуры и междисциплинарных исследований. Особое внимание уделено вопросам онтологии языкового знака. Среди девяти тематических направлений были такие, как «Проблемы универсального и внутриязыкового иконизма», «Эволюция картины мира в разных культурах», «Языковое прогнозирование», «Проблемы вербальной и невербальной коммуникации», «Норма как объект лингвистики и философии», «Философские проблемы междисциплинарных исследований».

Северо-Кавказский федеральный университет провел 19—22 сентября в Ставрополе международную конференцию «Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности». Организаторы мероприятия — коллектив, объединяющий ученых, учителей и студентов под руководством В. М. Грязновой, с 2008 г. ведущий работу по изучению языка казаков-некрасовцев, живущих в Левокумском районе; результатом исследований стал «Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием» (2012). Помимо докладов языковедов из Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Костромы, ряда городов Юга России, Австралии, Германии, Румынии, Азербайджана, Армении, Белоруссии и Турции, конференция включала культурные мероприятия, например, посещение воскресной церковной службы в храме старообрядцев поселка Новокумский, знакомство с костюмом некрасовских казаков и их необычной кухней.

Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики», посвященная 75-летию со дня рождения профессора В. И. Рассадина, была проведена Калмыцким государственным университетом 10—13 ноября в городе Элиста. Направления конференции: «Взаимодействие языков в полиэтническом пространстве», «Монгольские языки и их диалекты», «Тюркские языки и их диалекты», «Сравнительно-историческое изучение и этимология алтайских языков», «Фольклор тюркских и монгольских народов». Благодаря РГНФ организаторы смогли взять на себя расходы по проживанию иногородних участников.

В Таганроге 1—3 октября прошла V Международная научная конференция «Язык и речь в синхронии и диахронии», посвященная памяти профессора П. В. Чеснокова,

организованная Таганрогским государственным педагогическим институтом им. А. П. Чехова. Конференция охватывала очень широкий круг проблем; особое внимание было уделено функционированию разноуровневых языковых единиц и категорий речи с учетом факторов внутри- и межкультурной коммуникации, прагматики речи. Рассматривались вопросы теории языка и речи в синхронии и диахронии в сравнительно-типологическом аспекте на материале языков различных групп, в том числе бесписьменных (таких как кетский язык, индейские языки Северной Америки).

26—29 ноября в Санкт-Петербурге учебно-издательским центром «Златоуст» была проведена Международная конференция «Государственный язык и языки национальных меньшинств в образовательном пространстве». На конференции обсуждались вопросы, связанные с обучением русскому языку в двуязычной образовательной среде зарубежных стран и регионов Российской Федерации.

Факультет лингвистики и перевода Челябинского государственного университета 21—23 мая провел VII Международную научную конференцию «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах». Конференция имела очень широкую тематику и включала семь направлений, в том числе «Когнитология как новая парадигма XXI века», «Языковая картина мира и взаимодействие культур», «Дискурс как объект междисциплинарного исследования». Рабочими языками были русский, английский, немецкий, французский, испанский, китайский и итальянский.

По-прежнему поддерживается только один постоянно действующий научный семинар: «Проблемы библейского перевода» Института перевода Библии под руководством Е. В. Чельшева, действующий с 1994 г.

Кроме перечисленного, были поддержаны три молодежных научных мероприятия: Первая Всероссийская школа-семинар молодых ученых с международным участием «Проблемы языка с позиций когнитивной науки» (Томский государственный университет), Организация и проведение Международной научной конференции молодых ученых «Язык и личность: различные аспекты исследования» (Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева), Всероссийская молодежная конференция «Языковая личность. Речевые жанры. Текст» (Таганрогский государственный педагогический институт им. А. П. Чехова).

Издательские проекты

Издательский список впечатляет: в 2014 г. было опубликовано множество словарей и монографий ведущих ученых и исследовательских коллективов России. Среди них выпуски одно- и многотомных словарей и в меньшем числе — монографии, посвященные современному русскому языку.

Отметим следующие издания: Апресян Ю. Д. «Активный словарь русского языка. Т. 1, 2»; Буцева Т. Н. «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. Т. 2, 3»; Герд А. С. «Большой академический словарь русского языка. Т. 23»; Еськова Н. А. «Словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение»; Крысин Л. П. «Толковый словарь русской разговорной речи».

Проекты, посвященные русским диалектам: Кузнецова О. Д. «Словарь русских народных говоров. Выпуск 47»; Рут М. Э. «Словарь говоров русского Севера. Т. 6» (КопКярна).

Истории и этимологии русского и славянских языков посвящены работы: Васильева О. В. «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII вв. Выпуск 6»; Журавлев А. Ф. «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 39»; Зализняк А. А. «Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь»; Карева Н. В. «Формирование русской академической грамматической традиции. Василий Евдокимович Адодуров “Anfangs-Gründe der Russischen Sprache” или “Первые основания русского языка”». Крысько В. Б. «Старославянский канон Кириллу Философу. Источники и реконструкция».

Издания по другим языкам: Виноградов В. А. «Основы африканского языкознания. Диахронические процессы и генетические отношения языков Африки»; Крылов С. А. «Теоретическая грамматика монгольского языка и смежные вопросы общей лингвистики. Ч. 2: Структурно-вероятностная модель современного монгольского языка»; Ландер Ю. А., Сумбатова Н. Р. «Даргинский говор селения Тантаы: грамматический очерк, вопросы синтаксиса»; Лившиц В. А. «Хорезмийская ономастика»; Насибуллин Р. Ш. «Диалектологический атлас удмуртского языка. Выпуск IV»; Пюрбеев Г. Ц. «Большой академический русско-монгольский словарь в 4-х тт. Т. 2 (Е—О)»; Старостин Г. С. «Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. Т. 2: Восточносуданские языки»; Фонкич Б. Л. «Исследование по греческой палеографии и кодикологии: VIII—XVIII вв.»

Культурологические и лингволитературоведческие издания: Григорян А. Г. Энциклопедический словарь «В. Н. Топоров. Мифология: Статьи для мифологических энциклопедий. Т. 2»; Сокина Е. А. «Слово Достоевского».

И наконец, монографии о различных теоретических проблемах языкознания: Ахутина Т. В. «Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики»; Балашова Л. В. «Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее»; Баранов А. Н. «Дескрипторная теория метафоры»; Федорова О. В. «Экспериментальный анализ дискурса»; Фещенко В. В. «Сотворение знака: Очерки о лингвоэстетике и художественной семиотике».

Научные проекты

Из 127 финансируемых в 2014 г. научных проектов 40 поддержаны в Москве, 14 — в Санкт-Петербурге и остальные — в самых разных городах России. Лидируют по количеству проектов ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН (9), ИЯЗ РАН (8), ИЛИ РАН (6) и СПбГУ (6). Поддержку для четырех проектов получили ИФЛ СО РАН (Новосибирск), МГУ им. М. В. Ломоносова, МЦНМО (Москва) и ПГНИУ (Пермь), а для трех — БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа), ИЯЛИ КарНЦ РАН (Петрозаводск), КалмГУ (Элиста), КемГУ (Кемерово), РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), ТомГУ (Томск) и ХГУ им. Н. Ф. Катанова (Абакан).

Проекты, посвященные широким проблемам языкознания и русского языка, занимают не более 10% от общего числа, среди них: «Активные процессы в просодической системе русского языка на современном этапе его развития» (Каленчук М. Л., ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН); «Стратегии языковой компрессии: редуцированные предикации в семантическом и синтаксическом аспекте» (Кустова Г. И., МЦНМО); «Типы и механизмы семантических переходов в глаголах и отглагольных именах» (Падучева Е. В., МЦНМО); «Семантико-синтаксический компонент интегрированного корпусного описания русской грамматики» (Плунгян В. А., ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН); «Синтаксис: структуры, категории, модели» (Тестелец Я. Г., РГГУ); «Референция как центральный феномен в теории дискурса: корпусное исследование» (Федорова О. В., МЦНМО); «Имплицитное содержание единиц русской речи: Системное описание» (Федосюк М. Ю., МГУ им. М. В. Ломоносова); «Речевые действия в русском языке» (Шатуновский И. Б., Университет «Дубна»); «Кодификация литературных норм в условиях социальных и культурных изменений» (Шмелев А. Д., ИРЯ

им. В. В. Виноградова РАН); «Взаимодействие механизмов грамматики в языках мира» (Циммерлинг А. В., МГГУ им. М. А. Шолохова).

В два-три раза больше число проектов, посвященных различным языкам России и мира, словарям и атласам, проблемам разных языковых уровней, преимущественно лексическим, семантическим и культурологическим. Перечислю языки, встречающиеся в названиях проектов: балканские, башкирский, бурятский, дагестанские, зороастрийский дари, иранские, калмыцкий, китайский, корейский, корякский и алоторский, кхмерский, марийский, мордовские, новоярмейский язык туройо, орокский, семитские, тувинский, тюркские, удмуртский, уральские, хакасский, японский. Например: «Этимологический диалектный словарь северно-самодийских языков (анализ и подготовка к изданию наследия Е. А. Хелимского)» (Гусев В. Ю., ИЯЗ РАН); «Лингвокультурологический атлас терминов оленеводства народов уральской языковой семьи (саамский, ненецкий, коми, хантыйский, мансийский)» (Люблинская М. Д., РГПУ им. А. И. Герцена); «Диалект села Старошведское: документирование и описание именной и глагольной морфологии» (Маньков А. Е., ПСТГУ); «Людики: проблемы сохранения языка и культуры» (Родинова А. П., ИЯЛИ КарНЦ РАН).

Говорам и диалектам русского языка в этом году посвящено всего несколько исследований, например, «Архангельский областной словарь: вып. 17, 18» (Нефедова Е. А., МГУ им. М. В. Ломоносова). Также немного работ по истории языка и исследованию памятников языка и культуры, например, «Деловая письменность Троицкого Селенгинского монастыря первой половины XVIII века» (Меженина Т. Н., БГУ, проекты молодых ученых). Одна работа касается непосредственно истории науки: «Научное наследие Московского лингвистического кружка (1915—1924) и современная филология» (Пильщиков И. А., МЦНМО).

Несколько исследований связано с нарушениями речи и детской речью, например, «Локус языкового дефицита при разных формах афазий: создание и опыт применения Русского Афазиологического теста» (Иванова М. В., НИУ ВШЭ); «Формирование языковых подсистем у детей с нормой и отставанием в развитии речи: корпусное и экспериментальное исследование текстов» (Ягунова Е. В., СПбГУ).

Также совсем немного проектов, связанных с изучением языка художественной литературы, поэзии, в том числе «Словарь языка М. Е. Салтыкова-Щедрина» (Гладилина И. В., «ЛЕКСРУС»); «Лексикологическое исследование и словарное описание иноязычных слов

в поэзии Серебряного века» (Шестакова Л. Л., ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН).

Зато весьма велико число проектов, связанных с языком медиа: «Культурологические и лингво-прагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция, Европарламент)» (Алферов А. В., ПГЛУ); «Культурно-просветительский журналистский дискурс: ценности, коммуникативные интенции и речевые жанры» (Дускаева Л. Р., СПбГУ, проекты молодых ученых); «Культуроформирующие функции радиодискурса с позиции лингвистики» (Нестерова Н. Г., ТомГУ, проекты молодых ученых); «Язык СМИ и культура» (Солганик Г. Я., МГУ им. М. В. Ломоносова) и др.

Заметную часть составляют социолингвистические, лингвокультурологические и лингво-прагматические проекты, например, «Проблемы языковой адаптации дагестанцев-эмигрантов, проживающих на территории Турецкой Республики: лингвокультурологический аспект, генезис и перспективы» (Гаджиев Э. Н., ДГПУ); «Лингвопрагматика межкультурной профессионально-деловой коммуникации» (Малюга Е. Н., РУДН); «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: этнокультурная и этноязыковая ситуация — языковой менеджмент — языковая политика» (Нещименко Г. П., ИСл РАН); «Социокультурные и социолингвистические аспекты изучения русского языка» (Прохоров Ю. Е., ИРЯ им. А. С. Пушкина); «Лингвокультурная ситуация в России и Болгарии и трансформация русско-болгарских языковых взаимоотношений: XXI век» (Седакова И. А., ИСл РАН); «Решение национально-языковых вопросов в современном

мире. Русский язык» (Челышев Е. П., ИРЯ им. А. С. Пушкина).

Один проект посвящен созданию специализированного мультимедийного корпуса: «Мультимедийный корпус вологодских текстов “Жизненный круг”» (Драчева Ю. Н., ВГПУ, проекты молодых ученых).

Конкурс для физических лиц

Перечислю все пять проектов, поддержанных в рамках нового типа конкурса для физических лиц (а(ф)), то есть для аспирантов и докторантов последнего года обучения: «Простое предложение как средство репрезентации концептуального содержания (на материале английского языка)» (Кузьмина С. Е.); «Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности» (Лаппо М. А.); «Музыкальные термины в тувинском языке» (Монгуш У. О.); «Малая проза Татьяны Толстой в лингвопоэтическом аспекте» (Новикова Э. Г.); «Лингвистическое моделирование имиджевой роли в политическом дискурсе» (Щитова Д. А.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Летучий 2013 — Летучий А. Б. Обзор лингвистических проектов, финансируемых Российским гуманитарным научным фондом в 2012 году // Вопросы языкознания. 2013. № 1. С. 143—147. [Letuchii A.B. A survey of linguistic projects financed by the Russian foundation for humanities in 2012. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 1. Pp. 143—147.]

VI Международная конференция по когнитивной науке

М. Д. Васильева^а, Р. М. Власова^б,
Ю. В. Николаева^{а, @}, Ю. Д. Потанина^а

^а МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Россия; ^б Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия; @ julianikk@gmail.com

23—27 июня 2014 г. в Калининграде прошла VI Международная конференция по когнитивной науке. Организаторами конференции выступили: Межрегиональная общественная организация «Ассоциация когнитивных исследований» (МАКИ), Центр развития межличностных коммуникаций, Балтийский федеральный университет (БФУ)

VI International conference on cognitive science

Mariya D. Vasil'eva^а, Roza M. Vlasova^б,
Yuliya V. Nikolaeva^{а, @}, Yuliya D. Potanina^а

^а Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russia; ^б National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russia; @ julianikk@gmail.com

им. И. Канта при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, факультета филологии НИУ «Высшая школа экономики», Института психологии РАН, Института языкознания РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова и правительства Калининградской области. Это мероприятие организуется каждые два года, предыдущие конференции прошли в Казани (2004), Санкт-

Петербурге (2006), Москве (2008), Томске (2010) и Калининграде (2012).

Цель этой серии конференций — организация форума для представителей наук, исследующих познание и его эволюцию, интеллект, мышление, восприятие, сознание, представление и приобретение знаний, язык как средство познания и коммуникации, мозговые механизмы познания и сложных форм поведения. При отборе докладов особое внимание уделялось мультидисциплинарности исследований: предпочтение отдавалось таким научным работам, которые поднимают вопросы, стоящие на стыке научных областей, при этом тексты тезисов должны быть понятны представителям других наук. Таким образом, психологи, лингвисты, нейрофизиологи, специалисты по педагогике, искусственному интеллекту, нейроинформатике, когнитивной эргономике и компьютерным наукам, философы, антропологи и другие специалисты, работающие в области когнитивной науки, имели возможность поделиться результатами своих исследований и узнать о достижениях своих коллег. Рабочими языками конференции были русский и английский, для лекций и секционных докладов конференции был организован синхронный перевод.

В числе авторов докладов, включенных в сборник тезисов конференции, — более 800 ученых из 30 стран. В течение пяти дней было представлено более 130 устных и 250 стендовых докладов. Тезисы докладов представлены на сайте конференции www.conf.cogsci.ru, а также опубликованы в виде сборника.

Конференцию открыла лекция президента МАКИ А. А. Кибрика (Москва) «Язык интересен, или лингвистика среди наук когнитивного спектра». А. А. Кибрик разбивает круг потенциально междисциплинарных явлений, традиционно изучаемых лингвистикой, на две области в соответствии с функциями языка: хранение знаний в индивидуальном мозге говорящего и коммуникация между двумя индивидами (или off-line и on-line режимы, в соответствии с компьютерной метафорой). К первой группе относятся, в частности, различие в обработке человеком малых и больших чисел (так называемый эффект SNARC), сравнительно недавно открытое психологами, но вполне ожидаемое для лингвистов. В русском языке, утратившем двойственное число, это противопоставление можно наблюдать в сочетаниях числительного с существительным (два/три/четыре стула vs. пять/десять стульев). Ко второй группе относятся референциальный выбор и референция, т. е. упоминание тех или иных объектов посредством существительных, местоимений, глагольных аффиксов или нулевых

форм. Также в докладе была затронута классическая лингвистическая тема — языковые контакты — в их когнитивном аспекте (контактные влияния возможны только при наличии билингвального населения и осуществляются при массовой интерференции языков у отдельных говорящих) на примере влияния нижненемецкого языка на древнерусский. Речь идет об избыточном дублировании информации о числе, роде и лице в местоимении и глагольном окончании, довольно редком явлении в языках мира. В заключительной части доклада проведена параллель между динамической структурой речевого потока, членящегося на ЭДЕ (элементарные дискурсивные единицы, приблизительно соответствующие простым предложениям), и движениями животных при освоении новых территорий. Представляется вероятным, что в ходе эволюции речь формировалась под влиянием нейрофизиологических факторов, связанных с сегментацией собственного поведения и наблюдаемой внешней действительности.

Приглашенными докладчиками на этой конференции были Сьюзен Голдин-Медоу (США), Родриго Кирого (Великобритания), Арто Мустайоки (Финляндия), Шинобу Китаема (США).

С. Голдин-Медоу (США) в богатой примерами лекции «Как руки помогают нам думать?» продемонстрировала, что жесты могут пролить свет на то, как мы учимся, и отражают мыслительные процессы, не выраженные в речи. С помощью многочисленных экспериментов с детьми и взрослыми С. Голдин-Медоу убедила аудиторию в том, что жесты могут быть успешно использованы в процессе обучения. Примеры того, как дети решают простые задачи (такие как математические уравнения и задача Пиаже с шашками) под руководством преподавателей, иллюстрируют один из основных тезисов доклада: жесты собеседника и жесты самого говорящего могут влиять на то, как он обрабатывает информацию.

Р. Кирого (Великобритания) рассказал об исследовании отдельных нейронов в медиальных структурах височных долей у живых и активно бодрствующих людей, идущих на нейрохирургическое лечение по поводу фармакорезистентной эпилепсии. Эти нейроны специфическим образом активируются только на определенный класс раздражителей, связанных с конкретным человеком или объектом. Так, в гиппокампе пациента была обнаружена активность одного из таких нейронов, который давал ответ при предъявлении любых изображений актрисы Холли Берри, а также на написанное или произнесенное вслух имя актрисы, и не реагировал на другие стимулы. Поскольку подобные нейроны являются связанными не с характеристиками стимула

(контрастом, модальностью предъявления и т. д.), а с определенным концептом, то Р. Кирого назвал их «нейроны концептов».

Принято считать, что коммуникативные неудачи в разговоре встречаются чаще всего между представителями двух разных культур за счет того, что по крайней мере для одного из говорящих язык будет неродным. Однако А. Мустайоки (Финляндия) в исследовании «Коммуникативные неудачи через призму потребностей говорящего» приходит к выводу, что непонимание в разговоре между близкими друзьями встречается так же часто, поскольку говорящий склонен больше опираться на потенциально разделяемое знание, а соответственно, тратить меньше усилий на эксплицитное выражение своих мыслей. Другими факторами, затрудняющими взаимопонимание, в частности, являются самопрезентация, когда говорящий употребляет трудные для слушающего слова и выражения (например, неологизмы и метафоры) только ради того, чтобы показать свою компетентность, и завуалированное выражение просьб и советов.

Ш. Китаяма (США) в лекции «Культурная нейронаука: связывая культуры, мозг и гены» представил достижения культурной нейронауки и возможные перспективы дальнейших исследований. В культурной психологии известны две модели «себя» (models of self): так называемая «западная» (с независимым поведением, аналитическим мышлением, ориентацией на собственные интересы, характерная для США) и «восточная» (с поведением, ориентированным на мнение большинства, холистическим мышлением и ориентацией на общее благо, распространенная в Юго-Восточной Азии). На нейрорурне различия между этими моделями проявляются в паттернах мозговой активности человека, выполняющего определенные задания, получая призовые баллы для себя или для друга. При этом генные исследования связывают подобные различия с геном дофаминового рецептора DRD4, у которого выделяют три модификации: более древнюю 4R и более «молодые» 2R или 7R. «Родиной» 4R можно считать Африку, вероятность же встретить другие варианты DRD4 возрастает пропорционально расстоянию от этого континента, при этом 2R больше характерен для Азии, а 7R — для Европы. Таким образом, культура оказывается продуктом биологической адаптации нашего вида к условиям среды обитания.

На VI Международной конференции по когнитивной науке впервые прошла школа для молодых ученых «Горизонты когнитивной науки», вызвавшая большой интерес у всех слушателей, независимо от возраста. В рамках школы состоялись

лекции Б. М. Величковского, Д. А. Сахарова, К. В. Анохина, Ю. И. Александрова, Т. В. Черниговской и С. В. Медведева.

Д. А. Сахаров (Москва) рассказал о смене научных парадигм и уникальной роли молодых ученых в этом процессе, приведя в пример гипотезу о «центральной генераторе паттернов». Довольно долго считалось, что сложные моторные последовательности являются цепочками рефлексов и обязательно нуждаются для запуска в сигнале извне. Однако в 1960-х годах было показано, что моторную команду производит набор взаимосвязанных нейронов, «центральный генератор паттерна» (central pattern generator, CPG), способный выдавать упорядоченную выходную активность, не получая входного сигнала. Кроме того, в своей лекции Дмитрий Антонович говорил о низкой пользе технологических метафор и более значительной, но еще недооцененной когнитивной наукой роли биологических моделей для изучения мозга человека.

К. В. Анохин (Москва) в выступлении «Когнитом: в поисках общей теории когнитивной науки» обратился к актуальной проблеме когнитивных наук, а именно: есть ли у них единый предмет, и если да, то каков он? С его точки зрения, ответ на этот вопрос положительный, но найти такой предмет, который должен быть тематически формализуем, посредством обычного междисциплинарного синтеза невозможно. В качестве рабочего решения Анохин предлагает концепцию когнитома как скрытой от нашего восприятия, но проявляющейся в поведении когнитивной реальности, некоторой системы, охватывающей все многообразие ментальных явлений. Когнитом состоит из когов (функциональных систем и клеточных ансамблей), устроенных по образу «снапа»: основание из нейронных когнитивных групп + вершина, аккумулирующая общие свойства и отношения элементов основания (иначе говоря, гиперсимплексы). Вершина гиперсимплекса становится узлом в гиперсети головного мозга, которой и является когнитом. Подобная архитектура позволяет описывать возникновение новых уровней в многоуровневой системе, в отличие от простой сетевой архитектуры, предлагаемой на Западе в рамках концепции коннектома (представления нервной системы в виде огромной сети).

Т. В. Черниговская (Санкт-Петербург) рассказала молодым ученым о том, что, несмотря на тот оптимизм, который дарят нам сегодня интенсивно развивающиеся технологии исследования мозговых основ речи, эта область все еще полна загадок, которые не могут быть решены благодаря технологиям; необходимы новые идеи. В лекции особенно подчеркивалось, что чаще

всего тот результат, который мы получаем как разницу в локализации различных языковых процессов, обусловлен дополнительной активацией, связанной с различным уровнем трудности задания на отдельные языковые операции.

Не имея возможности изложить здесь состав и содержание всех 14 тематических устных секций, отметим несколько докладов, наиболее близких интересам читателей «Вопросов языкознания».

Интеграционный вызов, стоящий перед когнитивной наукой на современном этапе, предполагает различные решения. В этом процессе, по мнению В. И. Заботкиной (Москва), когнитивной лингвистике отводится системообразующая роль. Б. Роджерс (Великобритания) выступил с докладом о визуальном восприятии и о том, как изучение визуальных иллюзий может помочь когнитивному психологу.

Проблемы коммуникации и понимания, поднятые на пленарной лекции А. Мустайоки, обсуждались также в рамках одноименной секции. В выступлении С. А. Бурлак (Москва) «Коррекция речевой продукции собеседника в разговорах взрослых» была затронута тема исправления речи взрослого человека его собеседником, менее изученная по сравнению с самоисправлениями и исправлением речи ребенка взрослым. Докладчица выделила два типа исправлений: назидательные и коммуникативные — и рассмотрела основные способы их выражения. К первому типу относятся выражения-прескрипции, в которых прямо обозначается ошибка или указывается, как говорить следует; также возможна апелляция к норме или наместка. Другой тип исправлений ориентирован не на форму, а на смысл, когда говорящий в виде вопроса или утверждения пытается понять, что имел в виду собеседник, и этот тип исправлений воспринимается как более дружелюбный.

Ю. В. Николаева (Москва) в работе «Иллюстративные жесты и речевые сбои: когда проще показать на пальцах» изучила жестикуляцию говорящего при самокоррекции на материале пересказов «Фильма о грушах» и описала основные тенденции употребления жестов при различных типах самоисправлений. В случае самоисправлений говорящего наиболее вероятная ситуация — появление жеста на исправленном варианте. При этом в тех случаях, когда жест был и на первоначальном, и на втором варианте, при исправлении вербальной составляющей чаще всего сохраняется первоначальный вариант жеста, а при буквальном повторе прерванной фразы больше вероятность, что жест будет изменен.

В докладе «Адаптация информационной структуры в жестикуляции и речи» («Adaptation

of information structure in gesture and speech») нидерландская исследовательница Л. Мол рассматривает существующие модели, описывающие порождение жестикуляции и речи. По ее экспериментальным данным, говорящий учитывает структуру события, о котором он услышал от собеседника, выраженную не только языковыми средствами, но и посредством жестов, при этом влияние двух модальностей в стимульном материале по-разному проявляется в пересказе: влияние вербальной составляющей на то, как будет представлено событие в пересказе, оказывается сильнее, чем влияние жестовой.

А. А. Котов (Москва) в рамках доклада «Обработка эмоциональных смыслов при управлении взаимодействием робота с человеком» представил компьютерную модель эмоционального агента, который, получая на вход некоторый текст на естественном языке и используя инвентарь готовых семантических шаблонов, может породить ответное эмоционально окрашенное высказывание, выбрав определенный сценарий поведения. Используемые алгоритмы воспроизводят особенности, характерные для обработки «эмоциональных смыслов» человеком. Так, например, одна и та же ситуация может активизировать как положительный, так и отрицательный эмоциональный сценарий, при этом такие сценарии могут сменять друг друга во времени.

В рамках секции «Семантика и когнитивные структуры» Е. В. Урысон (Москва) в докладе «Компонент “ожидание” в семантике сочинительных союзов» проанализировала, как выбор сочинительного союза (*и*, *а*, *но*) определяется следующими факторами: сочетанием двух ситуаций, соотносящихся с двумя частями сложноподчиненного предложения, различными типами ожиданий говорящего относительно продолжения первой пропозиции и предтекстом, если сложное предложение является частью текста. На той же секции Н. А. Слюсарь (Санкт-Петербург) и Н. В. Череповская (Нидерланды) представили экспериментальное исследование «Морфологическая неоднозначность в ментальной грамматике: экспериментальное исследование на материале русского языка», в котором было показано, что феномен аттракции согласования (*agreement attraction*) может возникать даже в тех условиях, когда морфологический признак, ответственный за ошибку в согласовании, принадлежит не самому аттрактору, а омонимичной ему словоформе.

В рамках конференции также прошли две секции по искусственному интеллекту и моделированию когнитивных процессов. Три стендовых секции дали возможность в режиме диалога познакомиться с самыми разными исследованиями

в сфере когнитивных наук, не уступавшими по качеству устным докладам. С материалами докладов можно ознакомиться на сайте конференции <http://conf.cogsci.ru>.

Последний день конференции был полностью посвящен тематическим воркшопам: «Концептуальные структуры как основа ментальных ресурсов: междисциплинарный подход» (ведущие М. А. Холодная, Е. В. Волкова), «Зрелость человека: результат развития или само развитие?» (Е. А. Сергиенко, А. Н. Подьяков), «Особенности развития детей, живущих в би- и полилингвальной среде» (М. М. Безруких, Т. В. Черниговская), «Принятие решений» (Ю. Е. Шелепин, С. А. Маничев) и «Языковая коммуникация: норма, усвоение, патология» (О. В. Федорова).

На воркшопе, посвященном языковой коммуникации, обсуждался широкий круг проблем, в числе которых понятие языковой нормы, особенности речевого развития детей, дислексия и специфика усвоения различных языковых явлений. В докладе «Что такое норма с точки зрения устной коммуникации?» А. Мустаюки (Финляндия) выделил несколько разновидностей языковой нормы. **Официальная** норма, которую преподают в школе, определяется узкой группой авторитетов, представляет собой отражение литературного языка и, как правило, представлена в нормативных словарях и грамматиках и исключительно редко в речи (в том числе письменной). Позже дети осваивают **коллективную** норму, которая нецеленаправленно создается той или иной группой людей, находящихся в постоянном контакте друг с другом. Кроме того, каждый носитель языка понимает, что в разных ситуациях говорят по-разному, то есть необходимо соблюдать **ситуативную** норму. Еще один тип нормы — **прагматическая** — затрагивает такие параметры речевой коммуникации, как темы, допустимые к обсуждению, громкость речи, расстояние до собеседника. Три последних типа нормы отличаются от официальной стихийностью, демократичностью (создаются самими носителями языка, а не задаются «сверху вниз»), диффузностью (существуют разные версии нормы) и, наконец, динамичностью (данным видам нормы свойственно изменяться быстрее, чем официальной норме).

В докладе «Асимметричное влияние поражений головного мозга на порождение нарратива» (Ю. С. Акинина, М. Б. Бергельсон, О. В. Драгой, З. А. Меликян, Н. М. Шитова, Москва) было представлено одно из первых исследований нарративов по картинке, полученных от испытуемых с афазиями. Исследователи обнаружили, что испытуемые с нарушениями в работе правого полушария более склонны к порождению квазинарративов, представляющих

собой не рассказ, а статичное описание картинки, по сравнению с «левополушарными» испытуемыми. «Правополушарная стратегия» подразумевает к тому же большее число оценочных клауз и меньшее число событийных. Эти результаты подтверждают предположение о том, что испытуемые с повреждениями передних отделов правого полушария испытывают трудности в поддержании информационной структуры истории, в то время как люди с поражениями левого полушария придерживаются структуры нарратива, несмотря на сложности, возникающие на микроуровне.

Исследование П. М. Эйсмонд (Санкт-Петербург), выполненное в традициях генеративной парадигмы, было посвящено усвоению синтаксической структуры с эллиптированным субъектом (Null Subject — NS) в русском и английском языках. В основном языки действительно распределяются по двум группам в зависимости от того, допускается ли опущение субъекта (pro-drop languages либо non-pro-drop languages), однако русский язык некоторые лингвисты относят к первой группе языков, а некоторые — ко второй. Эксперимент с англоговорящими и русскоговорящими детьми, порождающими нарративы после просмотра мультфильма, продемонстрировал, что и те и другие дети в возрасте 6—8 лет не склонны опускать субъект (делают это лишь в 10% случаев). Однако к 10 годам у них формируется синтаксис взрослых носителей языка, т. е. они делают выбор между pro-drop и non-pro-drop. Интересным и неожиданным является то, что уже в возрасте 4—5 лет дети употребляют NS практически так же часто, как и в возрасте 6—8 лет.

Доклад И. Балчюниене (Литва) и А. Н. Корнева (Санкт-Петербург) «Продукция и чтение текстов у детей с дислексией: языковой или ресурсный дефицит?» также был посвящен патологии речи. Докладчики экспериментально проверили две основных гипотезы происхождения дислексии: «языковую» (предполагающую дефицит языковых и метаязыковых операций, лежащих в основе декодирования слов и анализа/синтеза текста в целом) и «ресурсную» (предполагающую дефицит оперативной памяти, внимания, сукцессивной/серийной организации процессов и самоконтроля). Полученные результаты позволяют заключить, что сформированность базовой структуры нарратива является значимой детерминантой понимания при чтении у детей с дислексией. Авторы настаивают на том, что формирование способности к продуцированию нарративов должно быть важным компонентом при коррекции нарушений овладения чтением и отклонений в формировании языка и речи.

На воркшопе, посвященном особенностям развития детей, живущих в би- и полилингвальной среде, Т. Хентшель (Германия) рассказал о работе, проделанной их группой по созданию блока разноплановых опросников, позволяющих собрать наиболее полный анамнез ребенка-билингва, а затем использовать полученные данные для комплексного сопровождения этого ребенка. Вся совокупность опросников была названа авторами «Дорожная карта билингва», и все желающие приглашаются для их апробации и сбора данных. В докладе Е. Ткаченко и М. Сандвик (Норвегия) рассказывалось о том, какая языковая политика ведется в Скандинавских странах по отношению к билингвальным детям из семей иммигрантов. В отличие от многих европейских стран, образование не пытается привить всеми силами ребенку из семьи эмигрантов язык большинства той страны, в которой он живет. Для гармоничного и полноценного развития речи ребенка в дошкольном образовании создана система

поддержки не только языка большинства, но и родного языка для семьи ребенка, что способствует более успешному речевому развитию ребенка и его интеграции в школьное образование. М. М. Безруких и Т. А. Филиппова (Москва) провели масштабную оценку развития речи у детей-билингвов 6—7 лет в различных регионах России. По результатам этого обследования оказалось, что, несмотря на различия в социально-экономическом статусе различных регионов и в организации системы дошкольного образования, наиболее характерные трудности в речи на втором языке у детей-билингвов связаны со словообразованием и лексико-грамматическим оформлением речи.

Помимо докладов, на конференции прошла презентация фирм ToBii (Швеция) и Metris (Нидерланды) — производителей оборудования для когнитивных исследований, на которой можно было задать вопросы об использовании новейших технических средств, используемых психологами, лингвистами и нейрофизиологами.

Подписано к печати 17.12.2014	Дата выхода в свет 26.02.2015
Формат 70×100 ^{1/16} Усл. печ. л. 13,0	Усл. кр.-отт. 6,0 тыс. Уч.-изд. л. 15,5
Бум. л. 5,0 Тираж 471 экз.	Зак. 906 Цена свободная

Учредитель: Российская академия наук

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон (495) 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6